УРАЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТПАРТ.

ИЗ ПРОШЛОГО.

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ.

1903—1905 г.

УРАЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТПАРТ.

ИЗ ПРОШЛОГО.

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ.

1903—1905 г.

= Исполнено =
во 2-й типографии
„Пермполиграф".
Заказ № 2276.
Окрлит № 2164.
Тир.—3000 экз.

ОТ ИСТПАРТА.

При составлении настоящего сборника имелось ввиду поместить в нем ряд клише—фотографий участников описываемых событий, но желание выпустить и без того уже запоздавший сборник возможно скорей заставило нас отказаться от этой мысли и сборник выходит без фотографий.

Истпарт.

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловие.

История рабочего движения на Урале ждет своих исследователей, своих авторов. Настоящий сборник Уральского Истпарта нужно рассматривать как одну из попыток фиксировать ценнейший материал, как кирпич в фундамент будущей работы.

Сборник дает воспоминания участников 1905 года и ближайших к нему лет.

Уральский рабочий в силу специфических особенностей (отдаленность от культурных центров, связанность с территорией своим хозяйством, возможность для некоторых категорий рабочих из рабочего обратиться в предпринимателя и т. п.) медленно раскачивался, отставал от своего собрата пролетария-революционера крупных фабричных центров столиц и юга. Немногие предприятия буйно реагировали на жестокую эксплоатацию (беспорядки 1896—97 г. в Златоусте, 1898 г.—стачка Н.-Салдинских рабочих), но глухое, скрытое недовольство копилось всюду. В 1905 г. все уголки Урала откликнулись на первую революцию.

Разбросанные среди гор и лесов, отрезанные десятками верст друг от друга, часто не связанные железными дорогами, активные группы рабочих организовывали стихийно вспыхивающее движение за свой страх и риск, не имея опыта, не имея достаточного руководства. Немного литературы, переписка и встречи от случая к случаю—такова связь с центром у ряда крупнейших заводов к началу 1905 г. (Надеждинский, Сысертский заводы).

Отдельные участники зарождающейся организованной борьбы пролетариата шаг за шагом в своих воспоминаниях излагают все этапы борьбы, неудачи и достижения, переход от стихийной разрозненной к организованной форме. По воспоминаниям можно проследить развертывающуюся связь с центром и укрепляющееся планомерное руководство, борьбу разных партий (РС-Д РП, С-Р и анархистов), за влияние на пролетариат, роль интеллигента—разночинца на глухих заводах (Надеждинск), роль магната—владельца (Сысерть).

Видно, как проснувшийся уральский рабочий—этот полупролетарий, полукрестьянин после небольших колебаний в конце 90-х г. и начале 900 г.г. всерьез и надолго связывает свою борьбу с большевистской частью РСДРП, решительно отбрасывая меньшевиков и С-Р-ов.

Этим сборником Истпарт начинает работу; для следующего сборника подготовлен материал группой уральских (Екатеринбургских) подпольщиков, работающих сейчас в Москве. Истпарт должен продолжать работу по собиранию материала из всех уголков, все товарищи участники и ближайшие свидетели развертывающейся борьбы, особенно товарищи рабочие должны откликнуться на призыв Истпарта, чтоб не пропал ценный, для понимания прошлого и для оценки перспектив рабочего движения, материал, который десятилетия хранится только в головах участников событий.

Москва 21 дек. 1925 г.,

К. Новгородцева

Капустин

ВОСПОМИНАНИЯ ПАРТИЙНОГО РЯДОВОГО.

(1903—1905 г.). *)

Как я стал революционером?

Начну с рассказа о том, как и почему я попал в среду революционеров.

Было это в 1903 году. Мне не было еще и 17 лет. Жили мы тогда в деревне Калюткиной, Екатеринбургского уезда, при ткацкой фабрике Жирякова, где отец и мать работали ткачами.

Отец мой «Михаил Иванович», как его звали на фабрике, был человек совершенно неграмотный. Работать на фабрике, по его рассказам, он начал с 8 лет. В фабрику его начал еще «носить на руках» дед, работавший также ткачем еще при помещике, у которого была ткацкая фабрика. По грамоте отец мой знал только цифры.

— Видишь, без них мне никак нельзя,—бывало,—говорил он мне. Надо посмотреть номера станков, инструменты по номерам разобрать, ну и другие там номера бывают. Никак нельзя, ну и выучил. Сам выучил. Спросишь у грамотного, какой это номер, скажет—ну и запомнишь. Если бы мне грамота,—мастером бы давно был, а то нет. Ну-да тебя-то я выучу...

И верно, за обучение меня грамоте он даже сам взялся, когда мне было 7 или 8 лет. Как-то с'еедил он в Екатеринбург и привез «Золотую азбуку». Привез и привел ко мне грамотного товарища Таранова, кажется, прядильного надсмотрщика.

---

*) Александр Михайлович Капустин (партийная кличка „Никита") начал писать свои воспоминания в сентябре 1921 г. по предложению Истпарта. Неожиданная смерть помешала ему довести их до конца. Он успел описать (и то вчерне, в виде отдельных набросков) лишь тот период своей работы в рядах Р.С.Д.Р.П., когда он был лишь „партийным рядовым" и на активных партийных работников смотрел снизу вверх.

Воспоминания т. Капустина обрываются на 1905 годе. Позже он стал принимать уже более активное участие в партийной работе. В 1917 г. у него вышли со своими товарищами по партии кое-какие разногласия и он ушел к интернационалистам. В 1918 г. он был взят в плен чехословаками и после двух месяцев заключения в Омской тюрьме бежал. Однако вскоре он был арестован, вновь посажен в тюрьму и снова бежал. Перебравшись через фронт в Советскую Россию, он уже, как член РКП—принимал очень деятельное участие в партийной и советской работе в освобожденном от Колчака Екатеринбурге, был первым заведующим Губ.

— Ты, говорит он Таранову, выучи его грамоте.

Помню, что тот тут же за это взялся и начал показывать мне буквы: «Аз», «Буки» и т. д.

Вскоре в деревне была открыта домашняя школа какой-то грамотной женщиной и отец отправил меня обучаться грамоте к ней. Будучи сам неграмотным, он не хотел, чтобы мы оставались такими же. Нас, ребят, у него было все время 4—6 человек. Одни умирали, другие родились. Под конец осталось пятеро из общего числа 13.

Отец периодически пьянствовал. «С горя пью», заявлял он обычно в свое оправдание. Однако, и трезвый, и пьяный, если ему иногда попадала в руки какая-нибудь книга, тащил ее домой и, подавая мне, говорил: «читай». Сам садился около и слушал. Слушал внимательно, не пропуская ни одного звука, причем после прочтения книги он непременно давал ей оценку.

Весной 1903 г., когда мы жили уже в Екатеринбурге после экзаменов, которые я благополучно закончил, перейдя в 4-й класс Екатеринбургского городского училище, отец придя, с фабрики, сунул мне по обыкновению какую-то книжку и лаконически приказал:—читай.

Я развернул книжку. Это оказалась—«Хитрая механика». Начал читать вслух, чтение отец прерывал всякого рода замечаниями.—«Вишь, как ловко обманывают». «Все, ведь, правду пишут» и проч.

Когда я кончил читать, отец взял у меня книжку и заявил: «Только ты, смотри, у меня,—об этом никому ни гу-гу».

— А Равинскому?—спросил я.

— Ну, Равинскому можно. Только ты ему скажи, чтобы он тоже молчал. В книжке правда нарисована, только она, правда то эта, запрещенная, политическая.

Отделом Труда, членом первого Губпрофсовета и первого Губисполкома. 1920—21 г. Капустин работал в Красной армии и принимал активное участие в разгроме Южной—контр-революции. Вернувшись на Урал, он работал в Приуральском военном округе и очень многое сделал для Истпарта, главным образом, в области собирания материалов по истории Красной армии. Скончался тов. Капустин 26 июня 1921 г. *(Вл. Воробьев).*

В 1913 г. т. Капустин недолго был в г. Троицке (Оренбургск. губ.), где я устроил его в газете „Степь“ репортером и вообще на все руки, так как всех-то сотрудников было: я (секретарь), да он. Нуждался он очень:—работы на Урале не мог найти. Вскоре он перебрался на Урал, или в Сибирь. Потом т. Капустин был в группе с.-д. интернационалистов; в последний период до смерти вел политпросветительную работу в Красной армии. Он был наредкость предан революции. Трагедией его семейной жизни было то, что он был женат на дочери жандарма

(Ф. Сыромолотов).

Равинский был моим товарищем по школе, другом детства. С ним мы впоследствии были и на «Профессиональной» работе почти все время вместе.

Вторая книжка, которую мой отец принес через несколько дней, была «Пауки и мухи». Круг слушателей ее уже расширился. К отцу зашел его товарищ по работе на Макаровской фабрике ткач, Антон Иванович Терентьев (кличка «Апостол»), а ко мне Равинский.

К Антону Ивановичу я всегда питал особое уважение. Говорил он медленно, растягивая слова, иногда иносказательно. Но мне казалось, что он всегда говорит умнее других. И среди рядовых рабочих он действительно выделялся. В 1905 году он был арестован, но вскоре освобожден.

— Как-же, спрашивали мы его, тебя так быстро освободили?

— А это, говорит, надо уметь сделать. Жандарм меня спрашивает,—«как же вы попали на собрание?» А я ему начал рисовать, как растет лес и для чего растет. Природа, мол, все сделала для того, чтобы человек мог наслаждаться, отдохнуть, когда он не работает. Вот я и пошел в лес. Ну, вижу зеленый лес, привлекательный, сосны так хорошо пахнут. А вы знаете — сосновый запах, это для здоровья хорошо... Жандарм меня перебивает: «При чем тут запах, при чем ваше здоровье? Вы мне говорите, кто вас на собрание пригласил». Я отвечаю, что собрания меня вовсе не интересует, а в лес я хожу, чтобы подышать воздухом, поправить здоровье. Сами знаете, как нам, ткачам, приходится работать: в пыли всегда, грудь болит от этого. А где же отдохнуть? Дома грязно, квартира маленькая, ребят полно. А знаете от ребят какой запах?.. «Да я, говорит, вас спрашиваю не о ребятах, не о том, как вам жить приходится, а о собрании, на котором вас арестовали».—Да я знаю. мол, что меня арестовали. В ваших руках власть, вы все можете. Только я всегда буду в лес ходить. Мне негде больше свежим воздухом дышать. И пошел ему опять описывать лес, как он растет, сколько там птичек, как они поют хорошо. Не выдержал он, зовет другого «цербера» и говорит—«освободите этого дурака». Пошел я, а про себя думаю «дурак-то, положим, ты, а не я», но ему уж об этом не сказал.

Антон Иваныч давно умер. Но его два сына хорошо помнят заветы отца. В 1917 году они активно защищали дело рабочих, отправившись добровольцами сперва в ряды Красной гвардии, а потом в Красную армию. В то же время, о котором я здесь вспоминаю, они были еще совсем малышами...

Прочитав «Пауки и мухи», мы с Равинским стали просить отца сказать нам, где он берет эти книги. Отец долго не хотел этого говорить, но на помощь нам пришел Антон Иванович.

— «Да чего ты боишься? Ребята они уже взрослые, не проболтаются. Да и времени у них свободного больше,—летом им все равно нечего делать: подучатся с «ними» кой чему»...

Только после этого отец нам сказал, где он берет книжки. Это были, оказывается, свои фабричные «политики» Рукавишников с фабрики бр. Макаровых, конторщик с этой же фабрики Васька Морозов и Катя Денисова*). Они-то и были нашими первыми знакомыми революционерами.

Первые встречи с революционерами.

Когда мы в первый раз решили отправиться на квартиру к Рукавишникову, отец нас предупреждал, чтобы мы пошли туда «тихонько», будто за каким-нибудь делом. С чувством страха и жгучего любопытства мы отправились.

Рукавишников и Морозов открыли нам двери к революционной работе. Не помню, какую форму носили наши первые разговоры. Врезалось мне в память лишь одно. Морозов обещал нас познакомить с княжной Долгоруковой**), которая «идет за рабочих». Вскоре он дей-

---

*) Рукавишников Федор Михайлович, рабочий фабрики Макарова, работал в Восточной группе Уральского Союза соц.-дем. и соц.-рев. „Был арестован, но за недостаточностью данных для обвинения освобожден и выслан административным порядком в Ревдинский завод.

Морозов Вас. Влад.—сначала рабочий, потом конторщик на фабрике Макарова, был арестован 18 февраля 1903 г. и привлечен по делу „Восточной группы Уральского Союза соц.-рев. и соц.-дем. по обвинению в распространении нелегальной литературы среди населения. В сентябре 1903 г. административным порядком выслан на родину в Чистопольский уезд, Казанской губ. В 1905 г. амнистирован по манифесту 17 октября.

Денисова Екат. Иван.—работница на фабрике Макарова, привлекалась по делу „Восточной группы Уральского Союза“ соц.-дем. и соц-рев. Арестована 18 февраля 1903 г. и 12 марта освобождена под надзор полиции. В 1906 г. Денисова была арестована в Екатеринбурге и обвинялась по 126 ст. уг. ул.

**) Княжна Долгорукова Маргарита Алексеевна (парт. кличка „Наталья“), из активных работников „Восточной группы Уральского Союза соц.-дем. и соц.-рев.“ Арестована в Екатеринбурге 24 мая 1903 г., сидела в тюрьме до судебного процесса, т. е. до 1905 г. по манифесту 17 октября освобождена вместе с другими обвиняемыми по делу Союза. В 1902 г. привлекалась к следствию в Москве, за участие в студенческих беспорядках. После трехмесячного заключения была административным порядком выслана из Москвы.

ствительно познакомил нас с барышней, которую он назвал, кажется, «товарищ Наталья» (точно не помню) и мы решили, что это и есть «княжна Долгорукова». Виделись мы с ней в Екатеринбурге на Архирейской улице, в доме № 13, на квартире, которую занимал ученик Уральского Горного училища Солодников*). Резко осталось в памяти у меня от этой квартиры следующая картина. На окнах, выходящих на улицу, висели чистенькие, белые занавески, в углу стоял деревянный, ничем не покрытый стол, на столе четверка табаку. «Любительского», который мы тут же попробовали курить и нашли его очень хорошим. А за столом сидела «княжна Долгорукова». Говорила она нам о том, что люди «обманывают одни других и обижают незаконно». Все это мы слушали, не спуская глаз с «княжны».

В последний раз мы встретились с ней в лесу за Злоказовской фабрикой, читали книгу, названия которой я не запомнил. Потом она говорила нам о революционерах, которые хотят, чтобы всем жилось хорошо; о том, как эти революционеры для блага трудового народа не жалеют своей жизни. И нам, слушая ее, тоже захотелось быть революционерами. Мы с ней разошлись, условившись в следующий раз в четверг явиться на Архирейскую ул. Идя домой, мы долго говорили друг с другом о том, что именно нужно сделать, чтобы всем жилось хорошо.

Помню даже мы остановились среди леса, встали один против другого и стали рассуждать, как бы нам скорее сделаться революционерами. Однако, мы пришли к выводу, что нам следует еще сначала побольше послушать «княжну».

В следующий раз на «Архирейскую, 13» мы однако уже не попали. Отправившись в четверг со всеми предосторожностями, о которых нам непременно и каждый раз говорила «княжна», мы увидели, подходя к квартире, нечто совсем неожиданное. Напротив дома № 13, на высоком крыльце, которое вело в бакалейную лавочку, стоял полицей-

---

*) Солодников Александр Георгиевич, ученик Уральского Горного училища с.-д. большевик. Привлекался—по делу „Восточной группы соц.-дем. и соц.-рев." по обвинению в печатании на гектографе и распространении нелегальной литературы. Арестован 3 июня 1903 г. на конспиративной квартире по Архиерейской улице № 13.

В 1905 г. Солодников был арестован по делу Екатеринбургской организации Р. С. Д.-Р. П. Просидев в тюрьме с 26 июля по 21 августа, Солодников был освобожден под надзор полиции. В том же 1905 году Солодников вновь был арестован в Сысертском заводе за агитацию среди рабочих во время всеобщей забастовки. По всем этим делам Солодников был освобожден от суда по манифесту 17 октября 1905 года.

ский и смотрел на дом № 13. Дойдя до дома № 13, мы увидели и внутри дома нечто необычное. Согласно нашего условия, занавеска крайнего окна к воротам должна была быть полуоткрытой, между тем она оказалась совсем опущенной. Переглянувшись и боясь в то же время, чтобы наши взгляды не привлекли внимания стоявшего на крыльце полицейского, мы не сворачивая к воротам, прошли дальше по улице. Дойдя до конца улицы, мы окончательно убедились в том, что здесь случилось что-то неладное: на углу стоял околодочный надзиратель и тоже смотрел в сторону дома № 13. Тут же мы решили, что этот околодочный караулит, кто придет в этот дом. И мы отправились домой.

Несмотря на то, что у нас еще не было никакого опыта в конспирации, на этот раз мы не ошиблись в своих предположениях. Увидев через несколько дней Рукавишникова, мы узнали, что в квартире на Архирейской действительно «провалились» и что произошел ряд арестов. Это было в мае месяце 1903 г.

В кружках.

После провала мы долгое время оставались без всякой связи с организацией. Не помню уже сейчас путем, но к осени 1903 г. связь эту мы снова установили. С нами стал заниматься пропагандист-рабочий из Путиловского или Сормовского завода. Фамилии его не помню. С ним мы встречались редко, всего 3—4 раза в квартире на Луговой улице, между Малаховской и Сибирским проспектом. Твердо запомнились мне слова этого товарища о том, что «рабочему плохо живется потому, что капиталисты у него все соки выжимают».

Тогда «Уральский Союз С.-Р. и С.-Д.» распался, организации размежевались и существовали каждая особо.

В начале 1904 года я уже начал проявлять некоторую активность—во втором городском училище—где учился, организовал кружок учащихся. В это время Равинский, с которым мы были до сих пор всюду вместе, уже окончил школу. В наш кружок вошли Кудряшев Анатолий, Сунцов Василий, Заливин Федор, Попов Константин, Виноградов Николай. Из них в рядах РКП остался только Кудряшев, а остальные или «исправляют ошибки» молодости, или ушли неизвестно куда, сделавшись может быть заурядными обывателями. Работал с нашим кружком в качестве пропагандиста кажется товарищ «Фаддей» (Залкинд).

В училище в это время учителя стали обращать на меня внимание. Не знаю чем это об'яснить—тем-ли, что я стал учиться лучше, или тем что ответы на уроки стал давать не всегда по учебникам, но факт оставался фактом: некоторые учителя стали посматривать на меня подозрительно, а некоторые с любопытством. Помню случай на уроке геометрии, которую преподавал инспектор училища Дмитрий Яковлевич Сандригайло. Я сидел за партой и читал Добролюбова, причем так увлекся, что перестал обращать внимание на окружающую обстановку. Вдруг слышу окрик:

— «Капустин, чего ты там читаешь»?

Я моментально спрятал книгу в парту. Но было уже поздно. Инспектор подошел ко мне и предложил извлечь все книги из парты. Я сейчас же принял невинный вид и начал «извлекать» из парты книги. Достал все учебники и тихонько в то же время запрятал Добролюбова вглубь парты. Показал вынутые учебники инспектору.

— «Гм», промычал инспектор. А ну-ка я сам посмотрю и, найдя спрятанную книгу, несколько секунд рассматривал ее со всех сторон.

— «Сдай обратно в библиотеку, где взял и больше таких книг сюда не носи. Знаешь к чему это может повести? Тебя в Сибирь сошлют. Брось, не читай таких книг. Я тоже начинал их читать, когда студентом был, а потом исправился. А вот мой товарищ так и погиб от этого. Университет он не кончил. Сослали его в Архангельскую губернию и вся жизнь его была исковеркана».

Долго говорил он на эту тему, неоднократно подчеркивая—«бросьте, не читайте, хуже будет».

Рассказывал он, повидимому, об этом случае и в учительской. Но учителя этот рассказ восприняли каждый по своему. Один из них Михаил Иванович Волосатов вскоре после этого случая как-то подошел ко мне и сказал, чтобы я зашел к нему на квартиру.

Так как этот учитель был весьма симпатичным человеком и нравился всему классу, то я и решил воспользоваться его приглашением, заинтересовавшись главным образом тем—почему он именно меня зовет на квартиру. Такого порядка среди учителей никогда еще не водилось. Зашел я к нему вскоре сразу из училища, после уроков. Помню, что мне кинулось в глаза громадное количество книг, которые были разбросаны по всей его квартире.

Просидел я у него очень недолго, вероятно около получаса. Спросил он меня, почему я читаю Добролюбова и кто мне это советовал. На последний вопрос я ему не ответил, сделав из этого вывод, что я

отношусь к нему с некоторым недоверием, он начал мне давать сам советы, что следует главным образом читать. В первую очередь он предложил мне прочитать Тургенева «Отцы и дети» и по прочтении зайти к нему и сказать, какое впечатление произведет на меня эта книга.

Зайти к нему вторично мне однако уже не пришлось. Был я у него перед пасхальными каникулами, а когда мы после Пасхи явились в училище, то Михаил Иванович больше в нем не появлялся. Заинтересовавшись его отсутствием, мы спросили инспектора, почему его нет. Он об'яснил его отсутствие приблизительно следующими словами «Михаил Иванович сильно болен и скоро вероятно не вернется». Однако среди учеников начал циркулировать слух, что М. И. Волосатов арестован. Чтобы проверить это, мы послали одного из товарищей на его квартиру, но квартирная хозяйка сообщила, что Волосатов уехал, причем она при этом сделала такой вид, что для последнего стало ясно, куда «уехал» Михаил Иванович.

Интереснее был случай с учителем истории Михаилом Александровичем Асановым. Организация дала мне поручение—«отправиться на Фетисовскую, № 5, первый под'езд, правая дверь направо, получить там сверток прокламаций».

Вечером, когда только что смеркалось, я отправился по данному адресу. Пришел позвонил. Дверь открыла какая-то женщина. Сказал пароль. Она предложила сейчас-же войти в квартиру из корридора, где я с ней говорил и подождать того человека, который мне нужен. В квартире было полутемно. Сел около одного столика у стены. Женщина ушла и я слышал, как за стеной она просила кого то выйти ко мне. Затем кто-то вышел и зажег электрическую лампочку. У меня, что называется дыханье сперло,—передо мной стоял наш учитель истории М. А. Асанов. Я был настолько озадачен, что сначала не знал, как с ним начать говорить. Дело в том, что учитель этот у нас пользовался не совсем хорошей репутацией. Класс его недолюбливал за его манеру, высокомерно держать себя, несмотря на то, что он был еще совсем молодой.

Он повидимому был озадачен встречей не меньше моего. Несколько секунд мы молча стояли (я встал со стула, на котором до этого времени сидел) и смотрели друг на друга. Наконец он прервал молчание:

— «Капустин?»

— «Да, я Михаил Александрович».

— «Как-же это, ты, батенька мой?».

— «Да вот так, назначили и пришел. Я и не знал, что здесь вы живете...

— «Ну, хорошо. Вот то, зачем ты пришел». И он подал мне сверток с прокламациями, которые до этого времени держал в руках.

— «Только о нашей встрече в училище говорить не следует: Конспирация. Сам понимаешь, вероятно».—

Долго после этого он говорил о том, что мне еще рано заниматься «политикой», что надо сначала доучиться, закончить образование и тогда уже работать сколько угодно.

Возражал я ему слабо, сославшись лишь на то, что дальше учиться я все равно не могу за отсутствием средств у родителей, а городское я уже кончаю.

— «А, я батенька мой, по твоим ответам на уроках истории заметил, что ты отвечаешь не все по «Иловайскому». Теперь я понимаю, откуда все это у тебя было. Ну хорошо, ступай, будь осторожнее»...

Засунув полученный сверток за брюки и крепко подпоясавшись, я отправился передать сверток по адресу...

1904 год.

Летом 1904 г. мы занимались значительно меньше. Работу с нами вел в кружке Петр Пименович—рабочий с фабрики Ятес. С ним мы условились, что я сниму где-нибудь квартиру. В ней должны поместиться Морозов, Данилов и я. На оборудование квартиры я получил от организации немного денег. Когда отец узнал, что я хочу от него отделиться, он заявил мне, что сделать этого он мне не позволит.

В наш кружок в это время входили Федор Моржаков, Екатерина Денисова, Федор Рукавишников, Николай Камаганцев, братья Епифановы, Иван Иванович Макаров, Алексей Назаров и Григорий Лебедев...

Одно время с нами занимался т. «Фаддей», которому мы больше всех других симпатизировали. Наряду с политической экономией, которую он нам начал читать, он учил нас петь революционные песни. Больше всех нам нравился «Интернационал». Разучивши его на русском языке, тов. «Фаддей» решил нас выучить петь его по—французски. Не помню насколько удачно шло у нас это разучивание, но у меня в памяти сохранилось лишь несколько слов припева «Се ля лю финаль»... Больше ничего не осталось.

Вместе с этим мы вели и практическую работу для организации. Помню, мне было дано задание—приобрести в магазине Блохиной флакон гектографских чернил. Когда я успешно их «приобрел», то ор-

ганизация поручила мне переписать прокламацию, что я и сделал. После того, как она была написана, я долгое время осматривал свои пальцы, выпачканные чернилами, и все время боялся, как бы какой-нибудь жандарм не увидал, что мои руки выпачканы гектографскими чернилами. Поэтому, когда я шел по улице с такими руками, то все время старался держать их в карманах. Для гектографа мной была переписана песня—«Смело товарищи в ногу».

Главной же работой нашей было в 1904 г. разбрасывание прокламаций. Она доставляла нам всегда большое удовольствие. Особенно на следующий день, когда мы могли видеть уже результаты нашей работы. Мы каждый день проверяли, читают наши прокламации или нет. Их действительно читали, главным образом рано утром,—когда полиция еще не успела их собрать. А собирала она их быстро. Много возни у нее было с прокламациями, крепко приклеенными к заборам: полицейским приходилось их соскабливать «селедками». С неменьшим интересом мы вели наблюдение за процессом соскабливания прокламаций.

Неудача с „Капиталом" Маркса.

Однажды после усиленной ночной работы, когда большую часть ночи мы провели без сна, репетитор, готовивший нас в Уральское Горное училище, Федор Скоморохов обратил внимание на наш утомленный вид, спросил—что такое с нами случилось, уж не мы ли раскидывали прокламации, которые сегодня появились в городе. Мы не отрицали этого, но и не говорили о своем участии. Отсюда он понял, что его предположения справедливы. После этого он сам стал давать советы, как скорей сделаться «настоящими марксистами» и порекомендовал при этом прочесть «Капитал»—Маркса.

Его советы решил я осуществить, тем более, что один из товарищей, которого я «распропагандировал», Супуев Василий, как то встретившись со мной—заявил мне, что он уже прочитал «Капитал». Это так ударило по моему самолюбию, что «Капитал» я решил прочитать во что бы то ни стало. После долгого ожидания, я получил его в библиотеке Тихоцкой. Когда я шел домой с «Капиталом», у меня, что называется, дух захватывало. Но тем сильнее было мое разочарование, когда я начал его читать.

Читал я «Капитал», усевшись у окна, поставив ногу на спинку кровати, положив книгу на колени, прочитал первую страницу и ровно ничего не понял.

— Ну, думаю, может быть на второй пойму что-нибудь...

Переворачиваю—читаю. Точно такое-же состояние—ничего не понимаю. Перевертываю обратно и начинаю с первой страницы. Опять не понимаю.—Неужели, думаю, я такой дурак, что не могу ничего понять. Ведь прочитал же Васька Супуев, а я не могу, бился долго. И кончил тем, что бросил читать, отчаяние охватило меня, решил, что я совершенно бестолковый человек. На следующий день снова начинал читать. Результат получился тот же самый. Так и не прочитав «Капитал», я сдал его обратно в библиотеку. Впоследствии я жаловался на это «Петровичу» (С. Е. Чуцкаев) и он меня утешил тем, что это бывает со всеми, если они недостаточно подготовлены и что мне читать «Капитал» еще рано.

Провал „техники".

Осенью 1904 г. в Екатеринбурге провалилась «техника». Сколько было арестовано людей с «техникой», я не помню, но знаю, что из нашего района провалился Назаров, *) двоюродный брат Равинского, впоследствии расстрелянный Колчаком.

После осенних арестов мы снова потеряли связь с организацией. Только в январе 1905 г. мы узнали, что она все-таки уцелела. Вслед за январскими событиями в Екатеринбурге был устроен ряд «летучек».

Прийдя с фабрики после одной такой летучки, мой отец долго и раскатисто над чем-то хохотал и все время приговаривал: А, ловко. Я смотрел на него молча, дожидаясь, когда он сам расскажет, что именно—«Ловко». Но он как будто решил сначала насладиться чьей-то ловкостью в одиночку и упорно молчал о ней, повторяя лишь одно слово «Ловко».

— «Да в чем дело? Ты расскажи», не вытерпел я...

— «Понимаешь, только мы вышли с фабрики, а тут «политик». Ну и начал говорить. Много говорил. Только он успел кончить, как вдруг раз'ездные катят. Ну а тут уж все марш домой. Иди, лови, его. Ловко он. Ха, ха, ха. Ну это видно из конторы по телефону брякнули. Ну, да, ловко он их. И след простыл».

---

*) Назаров Алексей Мих. активный работник Р. С. Д. Р. П. 4 января 1905 г. был арестован по делу типографии Екатеринбургского комитета Р. С. Д. Р. П. 14 апреля того же года освобожден под поручительство. Дознание о Назарове было прекращено по манифесту 21 октября 1905 г. В 1911 г. Назаров был арестован по делу Екатеринбургской организации Р. С. Д Р. П. (по делу Сергея и Марии Черепановых), но за недостаточностью данных для обвинения был освобожден до суда.

9 Января.

В течение нескольких дней у нас в квартире обсуждался вопрос о Питерском расстреле 9 января.

— Пришли это рабочие в Петербург к царю просить хлеба. Ну взяли с собой его патреты, иконы, хоругвии с попом,—рассказывал отец. А он, царь-то, как по ним пальнет из винтовок. Ну и много убили и ранили. В газетах то ведь это ничего не написано, как ничего нет. Ну и дураки, зачем пошли. Чего он им, царь, даст? Знамо ни-чего не даст. Вот и получили хлеба.

Мать во время этого рассказа охала и ахала.

— Ну хоть бы детей-то, детей-то пожалели, а то и их.

— Дура, а рази пуля разбирает—, дитя ты, али не дитя? Всех одинаково бьет, возражал ей отец.

— Дура, дура, а вот ты не дурак? А ежели твоих застрелили.

— Ну и пусть не шатаются. Они кого хошь застрелят...

— А вот тоже говорили—царь за народ. Министры его обманывают—пытается защищать царя—мать.

— Одни другого стоят. Одного поля ягода. Ну да я думаю и рабочие теперь не пойдут больше просить. Поди, научились. Я всегда говорил, что царь он вперед всех обманывает. Вот оно так и вышло. «Политики» вот это знают,—они все знают. Говорили—не верьте царю, ну и надо было их слушать.

— Ты вот тоже политиком скоро станешь вместе с сыном.

— Ну и стану. А, коли ты баба ничего не понимаешь, не знаешь, ну и молчи.

— Зато, ты всегда много знаешь. Знайка то в поле бежит, а незнайка на печке лежит.

— Ну и пусть лежит.

— А тебя вот гоняют с фабрики на фабрику, разве о семье подумаешь когда...

— Ну и пусть гоняют, кланяться не буду; и к царю не пойду просить.

— Ну, и не проси. С голоду с ними вот сдохнешь. У тебя ведь куча их.

— Вырастут, не сдохнут. Пойдут на фабрику работать. Один вон уж сам на ногах, работает.

Речь шла обо мне. Незадолго до этого я поступил в нотариальный архив окружного суда в качестве переписчика на жалованье в 14 руб. в месяц.

О расстрелах 9 января в течение нескольких дней по всей фабрике шли разговоры...

Дальше, до майских событий у меня в памяти ничего не сохранилось. Помню лишь, что как будто в этот период было организованное собрание в квартире нотариуса Батманова по 2-й Богоявленской ул.

1 мая 1905 года в Екатеринбурге.

К 1-му мая весь Екатеринбург был засыпан прокламациями. Я, конечно, в этом деле принимал самое активное участие. Накануне 1-го мая тотчас же после работы, мы, взяв прокламации и не евши, пошли с ними в лес, за женский монастырь. Мы с Равинским пришли туда значительно раньше других и нам долго пришлось ждать, пока подтянулись все. Тогда должны были прийти и ответственные организаторы: «Иван» (Бушен), «Лука» (Черепанов), «Зеленый» и еще ряд других, имена и клички которых я забыл. «Зеленый» мы звали одного товарища потому, что у него были крашеные волосы, отливавшие зеленым цветом, если смотреть на них сбоку. Это обстоятельство дало повод над ним весело подсмеиваться. Когда собрались все, мы отправились вглубь леса. По дороге у меня вдруг закружилась голова и я упал, потеряв на несколько минут сознание. Когда я открыл глаза, то увидел, что около меня возился «Иван». Расспросив меня, что со мной случилось и решив, что это, повидимому, просто с голоду, так как в этот день с утра я ничего не ел, «Иван» предложил мне возвратиться домой. Но я категорически отказался от этого и мы пошли догонять ушедших от нас товарищей. Догнав их, мы приступили к разбивке Екатеринбурга на участки. Мне достался северный район города, а Равинскому несколько улиц Верх-Исетского завода. Разбрасывание мы закончили только в 3—4 часа утра. Будучи оторван от т. Равинского, с которым прежде мы обычно разбрасывали прокламации в одном районе, я переживал во время своей «работы» всякого рода страхи, прислушиваясь к каждому шороху. Удостоверившись, что никого кругом нет, я извлекал из под пояса прокламацию и засовывал ее во двор дома под ворота, или кидал через забор, смотря по тому, что было удобнее. Самый праздник 1-го мая мы встретили за полотном железной дороги, влево от ст. Екатеринбург I-й, около какой то маленькой речки. Праздновали мы этот раз в небольшом количестве. Помню, были там: «Иван», Новго-

родцева Клавдия, Сергей Черепанов, Герцман*) Михаил, «Осип» забыл его фамилию (из магазина Куренщиковой**), я и еще 3—4 человека.

Демонстрации.

Наша организация решила использовать в целях агитации одно земское собрание. С этой целью мы, по одиночке, собрались в зал заседаний уездного земства. Собралось нас человек до 30. Когда заседание открылось, кто-то из наших товарищей потребовал слова. Председатель отказал и попросил не мешать вести собрание. Мы были настойчивы и подняли шум. Не будучи в состоянии с нами сладить, председатель закрыл заседание. Тогда один из членов нашей организации произнес яркую революционную речь, закончив ее возгласом: «Долой самодержавие: Да здравствует вооруженное восстание»...

После речи мы улетучились из заседания земской управы, прежде чем земцы успели вызвать полицию. Когда она явилась, в зале из наших не было ни души...

Одним из наиболее крупных событий для Екатеринбурга летом 1905 г. была также демонстрация, в которой принимали участие почти все рабочие Екатеринбургских предприятий.

Несмотря на то, что демонстрация происходила в присутствии полицейских чинов, она закончилась весьма благополучно. Вначале собрались мы около фабрики Панфиловых на Златоустовской ул., и оттуда отправились в центр города. Прошли по Покровскому проспекту, оттуда свернули на Уктусскую ул., и направились мимо 1-й полицейской части. Не доходя до полицейского управления, мы выкинули небольшое красное знамя. Под этим развевающимся знамем кто-то затянул:

---

*) Герцман Мавша (Михаил) Ааронович активный работник РСДРП, арестован 25 апреля 1906 г. и привлечен к дознанию по обвинению в получении и хранении боевого оружия, найденного во время обыска в Екатеринбурге в его квартире. Приговором Казанской судебной палатой 6 октября 1908 г. Герцман осужден к заключению в тюрьму на 1 год и, кроме того, по постановлению министра внутренних дел выслан в Архангельскую губ. на 3 года. В последние годы работал в Екатеринбурге, Челябинске, Вятской губернии.

**) Гилев Иосиф Григорьевич („Осип“) в 1905—6 г служил приказчиком в книжном магазине Куренщикова, работал в Екатеринбургских соц.-дем. организациях. В 1907 г. Гилев был выбран делегатом от Екатеринбургской соц.-дем. организации на Лондонский с‘езд. 10 сентября 1907 г. он был арестован в Екатеринбурге и заключен в тюрьму, а в 1908 году административно выслан в Вологодскую губ. на 2 года. В 1911 г. Гилев снова был арестован в Екатеринбурге по делу Екатеринбургской организации РСДРП (по делу Сергея и Марии Черепановых).

«Много песен слыхал я в родной стороне,
Не про радость, про горе в них пели,
Но из песен одна в память врезалась мне:
Это песня рабочей артели...

И остальная масса участников демонстрации десятками голосов подхватила:

Эй, дубинушка, ухнем. Эй, зеленая, сама пойдет.
Подернем, подернем, да ухнем.

Пройдя полицейскую часть и завернув направо по Главному проспекту, мы, члены организации, в центре демонстрации сгруппировались плотнее и запели:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног,
Нам не нужны златые кумиры,
Ненавистен нам царский чертог...

С Главного мы направились через Сенную площадь на Макаровскую фабрику снимать рабочих...

За нами и по бокам улицы двигались полицейские чины в главе с самим полицеймейстером.

Растерянность полиции настолько была велика, что она совершенно не знала, что с нами делать. Когда демонстранты вышли на Сенную площадь, полицеймейстер вдруг решил обратиться к нам с просьбой:

— Господа, разойдитесь, ради бога, прошу вас. Я с утра сегодня не ел.

— Ничего, ваше благородие, мы сами не каждый день едим, раздалось из толпы. Мы тебя, ваше благородие, не держим: поезжай домой мы и без тебя дорогу найдем...—Кричали рабочие из толпы в ответ на мольбу «его благородия», сопровождая свои слова дружным смехом.

И полицеймейстер еще раз пытался что-то сказать, но задорные дразнящие звуки песни покрывали его голос:

Дружно, товарищи в ногу,
Духом окрепнув в борьбе.
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Макаровские рабочие были сняты. Демонстрантов они давно уже ждали. Демонстрация пошла обратно в город и закончилась все при том же растерянном состоянии полиции...

Кружковая работа в 1905 году.

Летом 1905 года с нами снова вели кружковые занятия. Особенно врезались мне в память занятия с Сергеем Егорычем Чуцкаевым. С ним мы прошли историю революционного движения и начали политическую экономию, затем с нами работал «Петр Яковлевич». Через него же мы тогда получали и литературу и прокламации для Макаровского района. Помню, однажды, шли мы с ним, чтобы получить от него прокламации на Монастырское кладбище. Идем по Александровскому проспекту. Вдруг он останавливается, хватается за живот и трагическим голосом говорит: «Лезет», «Лезет». Мы сначала его не поняли, смотрим на него и думаем:—Что такое у него лезет?

И—вдруг как расхохочемся оба.

А он продолжает держаться за живот и брюки и смотрит на нас совсем растерянно.

— Ну хорошо, идите только тихонько, говорит он, двинулись дальше. Едва дошел он до монастырского кладбища, ремень, державший брюки, за которым у него лежала кипа прокламаций, распустился и прокламации стали опускаться за брюки вниз. Пришлось пойти до кладбища, удерживая одной рукой литературу, а другой рукой поддерживая брюки. Глядя на него, мы с трудом удерживались от смеха.

Если бы мы нарвались в это время на какого-нибудь опытного шпика, наверняка были бы арестованы. Но, к нашему счастью, все сошло благополучно.

Симпатичный был человек этот Петр Яковлевич. Мы с Равинским его полюбили самым настоящим образом. Он всем как-то располагал к себе. Был он справедливый и мягкий. Позднее Петра Яковлевича мы встретили в Екатеринбургской тюрьме в 1906 году. Он в качестве пересыльного отправлялся в одну из Сибирских губерний, кажется Тобольскую.

Летом 1905 г. мы занимались с «Марией», подругой Клавдии Новгородцевой, и затем с Марией Оскаровной Авейде (расстреляна в Екатеринбурге при Колчаке), а затем перешли в кружок «высшего типа», куда входили Черепановы Сергей и Александр, Бороздин Василий и, кажется, еще кто-то.

Занятия здесь велись в дискуссионном порядке. В дискуссиях принимали участие «Иван» (Бушен), Вилонов Михаил и др. Собрания наши происходили или в квартире доктора Доброхотова, или на электрической станции (квартира Черепанова Сергея) и, кажется, один

или два раза в квартире нотариуса Батманова. Доброхотов, Батманов и ряд других лиц, дававших нам квартиры, были либералами, покровительствовавшими в то время с-р. и с-д.

В то же время нашей организацией неоднократно устраивались собрания совместно с эс-эрами, лидерами, которых в то время в Екатеринбурге были—Стрижев (Жорж), Поляков Михаил (теперь коммунист) и, кажется, Веселов. Большим влиянием эс-эры в Екатеринбурге тогда среди рабочих масс не пользовались. Небольшая часть рабочих за ними шла только в В.-Исетском заводе. Эс-эров мы считали тогда партией, в которую шли главным образом интеллигенты. В августе начались разговоры о Думе. На Булыгинскую думу смотрели, как на что то никчемное, не нужное, но вместе с тем эта Дума означала, что самодержавие «сдает». Собрания хотя и носили еще конспиративный характер, но на них мы чувствовали себя уже свободнее. Эти собрания устраивались на Глуховской Набережной в помещении общества техников. В то время волна забастовок охватила уже всю Россию, рабочие начали открыто говорить о близкой борьбе. Мы начали готовиться к предстоящим битвам. Начались разговоры о необходимости создания боевых дружин. У многих членов партии завелись револьверы и кинжалы. Я тоже приобрел себе большой кинжал и револьвер системы Лефоше.

Октябрьские дни 1905 года.

Наконец наступили Октябрьские дни. Я служил в то время у старшего нотариуса Екатеринбургского Окружного Суда. Вечером 18 октября чиновники были весьма чем-то обеспокоены, один из них подошел ко мне и сказал:

— Ты ничего не слышал?

— Нет, отвечаю я.

— Говорят, какой то манифест вышел...

Утром 19-го на улицах было необычайное движение. Часов в одиннадцать, когда я был в дежурной комнате суда, один из чиновников вбежал и закричал:

— Вот уже телеграмма...

Начали читать вслух. Не дочитали еще до конца, как кто-то из корридора сообщил:

— На улице устраивают демонстрацию.

Я бросился на улицу, забыв о канцелярии. Да и не я один, а вероятно добрая половина чиновников разбежалась.

Побежали и мы на Кафедральную площадь.

По Уктусской улице двигалась толпа с развивающимися красными знаменами. Подошли к Кафедральному собору. Здесь в момент образовалась громадная толпа и начался митинг. Для оратора откуда то достали ящик. Кто-то поднялся на ящик. Отчетливо, помню, что он сказал только лишь несколько слов, как началась какая-то суматоха, крики «Долой и бей его». Толпа побежала в разные стороны. Не успел я разобраться в чем дело, как смотрю—надо мной поднимается громадная рука, вооруженная резиной и почти перед самым лицом выростает большая рыжая борода. Рожа красная горит. Не помню, как это случилось, я в томент вытащил свой «Лефоше» и спускаю курок... «Красная борода» ныряет куда-то вниз и бежит по направлению к Жирардовскому магазину... А мой жалкий «Лефоше» так и не выстрелил. Вокруг меня, однако, в это время раздалось несколько выстрелов.

Взглянув на лево, я увидел, как от толчка двигалась цепью по направлению к площади полицейские. Народу на площади становилось совсем уже немного. Я кинулся бежать на Богоявленскую улицу. Слышу за мной кто то бежит. Я прибавил прыти, не оглядываясь.

С Богоявленской я кинулся на Ломаевскую и остановился только тогда, когда перестал слышать за своей спиной топот ног.

Оглянулся кругом. Вижу по улице едут казаки. Я принял вид беззаботно гуляющего человека и пошел на Тимофеевскую набережную, а отсюда через плотину снова в суд. Там уже шли разговоры о том, что на площади убили ученика худож. училища Иванова и сотрудника «Уральской Жизни» Савельева, еще—кого ранили, многих побили и т. д. Причем в разговорах указывали на то, что полиция шла организовано, что побоище было устроено нарочно, что дело не обошлось без провокации и проч.

В 3 часа я отправился домой. На улицах было полно народа, но прохожие все как-то жались к стенкам, к воротам домов. По середине улицы раз'езжали группами казаки.

Пройдя Главный проспект до Солдатской ул., я вышел в менее людное и потому более спокойное место. Тут казаки попадали уже редко и то только парами или даже в одиночку.

Дома отец и мать оба не работали. Мать сразу встретила меня возгласом: «Ну, слава Богу,—жив. Сиди теперь пожалуйста дома и никуда не выглядывай».

Отец ее поддержал.

— Да, лучше обождать несколько дней. Видишь, ловушку устроили. Я, брат, тоже едва удрал. Сначала было забежал за церковную ограду.

Смотрю, пальба наһалась. Ну, у меня ничего нет, и вышел из-за ограды, да давай-ка бежать по Коробковской улице до Симоновского моста, да там кругом и пошел домой. А ты где был?

Я рассказал.

— Ну вот видишь. Стрелок. Ты лучше брось его—пистолет-то т ой. А то стрелять-то он не стреляет, а еще попадешь с ним.

— Нет, я его исправлю.

— Исправлю. Ты видишь, чего устраивают. Выловят вот всех политиков,—вот тебе и свобода...

Вскоре несколько человек действительно было арестовано...

В боевой дружине.

Екатеринбургская партийная организация решила сформировать для охраны от черной сотни боевую дружину. «Командующим» дружиной был назначен «Федич». Я и Равинский попали в десяток вместе. Но Равинский выиграл против меня—он купил себе через организацию «Смит-Вессон». А у меня в это время денег не было и мне пришлось остаться со своим «Лефоше» и кинжалом.

Обучение дружины было первый раз на «Генеральской даче» около В.-Исетского завода. Однако, как ни слаба была по своей боевой силе наша дружина, она все же имела некоторое значение. После митингов, которые мы все-таки продолжали устраивать, члены дружины провожали до дому наших ответственных работников «Ивана» (Бушена), «Андрея» (Я. М. Свердлова) и друг.

На митингах, кроме «Ивана» и «Андрея», выступал и Сергей Егорыч (Чуцкаев). Большим успехом среди рабочих масс пользовался «Андрей». И туда, где нужно было сорвать митинг, организованный кадетами или эс-эрами, неизменно направляли тов. «Андрея», который всегда это делал с успехом.

Настроение после первого октябрьского погрома, вначале подавленное, опять стало наростать и охватило даже обывательскую среду. Помню, после одного митинга, я пошел с шапкой делать сбор на организацию и в течение 15—20 минут набрал свыше ста рублей. Одна девица, служившая в Окружном Суде, расчувствовалась так, что сразу положила в шапку 5 руб. золотом.

Н. Камаганцев („Кузьма“).

„ГОДЫ БОРЬБЫ“.

(Воспоминания партийца).

Посвящаю товарищам молодым партийцам и особенно комсомолу.

Далекое детство.

Родился я в Ревдинском заводе 3-го декабря 1873 года в семье бедного кустаря—гвоздарника (в то время на Урале было сильно развито частное гвоздарное производство). Семья была большая, а работником был один отец. Дошкольное воспитание получил пинками и колотками крепостнически-настроенного деспота—отца. В то время мой старший брат учился уже в школе и я по вечерам набирался от него школьной мудрости. Но отец не был расположен отдать меня в школу и начал приспособлять в гвоздарке дуть меха. Работать там начинали с 3-х час. утра и до 7 час. вечера, с перерывами на завтрак и обед и платили за это по 7 коп в день. Мне тогда было только 7 лет. Желание учиться у меня было настолько сильно, что я осенью во время набора в школу, крадучись босиком и без шапки в одной сермяжной курточке, убежал из дома. Как велика была моя радость, когда меня приняли учиться. По настоянию деда и матери я остался в школе и скоро научился читать и писать.

По окончании ученья, отец, вместо того, чтобы отдать меня учиться какому нибудь квалифицированному ремеслу, взял с собой в гвоздарку, имея в виду, что и 42 коп. в неделю является подспорьем к его заработку. На этой практической работе я пробыл около года. С Кочкарских приисков приехал дядя (брат моего отца) и стал просить меня к себе на прииск вести записи сумм, даваемых в кредит рабочим, работавшим у него по найму. Отец, чтобы избавиться от лишнего рта, отпустил меня, но и там мне не повезло. Дядя, ведя разгульную жизнь, скоро разорился и сам пошел по найму, а мне пришлось с большим трудом выбираться с прииска обратно к родителям.

Отец меня не задерживал дома и заявил, чтобы я не надеялся на него и зарабатывал сам. Вот тут-то и начались мои скитания по рудникам, по дровосекам и т. п. до самого призыва 1895 года. Однако, по физической слабости в военную службу я принят не был.

Таскания по рудникам не пропали даром: я видел жизнь пролетариев горняков, совершенно непохожую на жизнь мелкого собственника. Я начал различать и понимать разность их интересов, их классовые противоречия и с этого времени окончательно вышел из под опеки крепостнически-настроенного отца. В 1897 году, оставив семейный очаг, я перебрался на жительство в Екатеринбург.

На пути революционных исканий.

Но и в городе я не скоро успокоился. Долгое время искал чего-то такого, что бы удовлетворило меня. Наконец, мне представился случай поступить на льно-прядильную фабрику бр. Макаровых. Здесь столкнувшись вплотную с рабочей массой, я нашел среди нее единомышленников в лице Ф. М. Рукавишникова и других, вместе с которыми начал организовывать кружок самообразования. В задачи кружка входило выписывать сообща журналы, ходить в библиотеку, читать и обсуждать волнующие нас вопросы. А вопросов этих возникало много. Особенно волновали нас природоведение и религия. На эти вопросы мы искали ответов в книгах Толстого, Тургенева и др. писателей. Читая, мы часто встречали слова: политика, революционер и т. п., которых сами не могли об'яснить.

Однажды мне в библиотеке попал 4-й том Тургенева—«Новь» и «Рудин». Прочитав его, я передал книгу для чтения всему нашему кружку, в котором кроме меня было 5 человек: Рукавишников, Моржаков, Новопольцев, Денисова и Морозов. Эта книга влила в нас живую струю: мы увидали из нее, что люди что-то хотят, за что-то борются, страдают, потом разочаровываются, увидав, что народ не способен воспринять революционных идей.

После этого мы стали более чутко прислушиваться ко всему. Это было в период 1900—1903 года. События развертывались. Слухи об Алапаевском деле *) и расстреле в Златоусте широко распространились в рабочей среде. Это нас будировало, вливало энергию. Затем мы услышали, что в Екатеринбурге есть эти политические.

В конце января 1903 года не помню какого числа, идя утром на работу, мы увидели наклеенные на заборах листовки. Это было воззвание к рабочим. Но полиция не дала нам читать, срывая их со стен и заборов.

*) В 1902 г. было сделано местными рабочими нападение на заводские склады, во время которого были увезены хлеб и железо.

Через некоторое время появились новые листовки за подписью Восточной Группы Соц.-Рев. и Соц.-Дем. Прочитавши их, мы убедились что в Екатеринбурге кто-то есть и решили найти этих людей. Начали всюду искать, прислушивались к разговорам и слухам на фабрике и вне ее и, чтобы связаться с организацией, даже ночами сторожили, не пойдет ли кто расклеивать прокламации. Случай нам скоро представился.

В кружке эсеров на фабрике „бр. Макаровых".

На фабрике бр. Макаровых работал ткацким подмастерьем некто Терентьев Антон Иванович, впоследствии прозванный нами «Апостолом» за то, что, ведя агитацию, говорил на славянском языке. Он был послан из центра в Екатеринбург для революционной работы на Урале и являлся одним из руководителей кружка эсеров, из членов которого я помню теперь только Бушуеву Анну Павловну, Долгорукую Маргариту Алексеевну, Киснемского Владимира Ивановича и Стрижева Сергея Николаевича.

К этому Терентьеву мы и обратились с просьбой познакомить нас с кружком. Он, видя нашу настойчивость, наше искреннее желание работать, согласился, предварительно взяв с нас клятвенное обещание в том, что мы будет подчиняться дисциплине, соблюдать все правила конспирации и т. д.

В середине марта 1903 г. он повел нас на одну из конспиративных квартир на Малаховской ул. в доме Вяткина *), где проживала акушерка Анна Павловна Бушуева. Отрекомендовавши нас, как хороших и надежных ребят, он таким образом связал нас с кружком.

С этого времени началась наша революционная деятельность. С нами сначала вели беседы, читали революционные брошюры и давали на дом книжки. Помню первые из них:—«Неужели так надо» (Толстого), «Ничего с нами не поделаешь», «Хитрая механика» и др.

Для бесед собирались сначала на квартирах в разных частях города и под разными вымышленными названиями, например, «домик на Волге» и т. п., а когда наступило лето стали собираться в лесу.

Вскоре нам стали давать для распространения брошюры и листовки. Первым нашим заданием было разбросать на 1 мая цветные прокламации, которыми мы завалили весь район. Задание было выполнено блестяще и, после этого Макаровский район наводнился прокламациями. Затем из нашего кружка для печатания прокламаций был взят Федор Моржаков.

---

*) Впоследствии Терентьев оказался шпионом.

Однако, недолго пришлось работать с эсерами. В конце мая 1903 года организация провалилась, и мы из своего кружка потеряли одного товарища, который был арестован вместе с другими. Работа на некоторое время прервалась.

Первая работа в с.-д. организациях.

Вскоре связь была найдена, но уж не с эсерами, а с соц.-дем. Первого из соц.-дем. мы узнали тов. «Порфирия», который руководил двумя собраниями кружка, а потом появились тов. «Юлий», «Мартын» и другие. Кружок наш пополнялся все новыми членами как рабочими, так и учащимися. К нам примкнули: Равинский Александр—ученик Уральского Горного училища, Капустин Александр из городского училища, рабочие Макаровской фабрики Харитонов Петр, Епифановы Павел и Василий и друг. Одним словом, работа быстро пошла вперед и скоро из одного кружка образовалось три. С новыми кружками велась подготовительная агитационная работа и никаких специальных поручений членам их не давалось. Эту работу мы вели сами. Штабом Макаровского района была квартира Рукавишникова; в ней происходили собрания нашего кружка, хранилась и распределялась литература, предназначенная к распространению, иногда находили приют товарищи, проживавшие нелегально.

Полиция и шпионы обратили на нас внимание и в конце декабря 1903 г. одного из нас, тов. Рукавишникова, вызвали, как хозяина квартиры, в канцелярию жандармского ротмистра. Последний «любезно» предложил ему в 24 часа выбраться из города на место своей приписки, в Ревдинский завод. Рукавишников, поселясь в Ревде, в доме моего отца, продолжал революционную пропаганду. Здесь он скоро сорганизовал кружок из нескольких товарищей. Первыми к нему примкнули Михаил Егорович Кузнецов, Николай Анисимович Симаранов, Григорий Дорофеевич Умнов и другие.

После от‘езда Рукавишникова в Ревду, в начале 1904 г. в Екатеринбурге появился пропагандист «Пимен (он же Василий Иванович»)—рабочий электро-монтер. С ним мне пришлось ехать в Ревду для установления связи с кружком, организованным Рукавишниковым. Впоследствии связь с Ревдой я поддерживал самостоятельно и доставлял туда литературу и деньги. В первый раз (это было 20 января) я увез 100 экз. разных революционных изданий: «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «Рабочее дело в России» Мартова, «Хитрая механика» и др., 500 шт. листовок и второго номера газеты «Искра».

Рукавишникову пришлось пробыть в Ревде не более 3-х месяцев. Каким-то образом ему снова было разрешено жить в городе, но, связь с Ревдой не была потеряна и я продолжал поддерживать ее.

Работая летом 1903 года в соц.-демократ. кружках под лозунгом «единая РСДРП», мы еще ничего не слышали о том, что состоялся 2-й с‘езд партии, на котором образовалось два течения—большевики и меньшевики; и только весной 1904 г., примерно, в мае месяце приехал к нам делегат с‘езда, цекист, под кличкой «Варинька» и сделал нам доклад, из которого мы узнали о расколе партии. О расколе в нашем кружке было много суждений и споров. Я лично поддерживал большевиков, но некоторые товарищи колебались.

Летом 1904 года развернулась широкая кружковая работа. Нашему кружку пришлось вплотную приняться за работу. Ни одного дня не проходило даром, чтобы не было какого-нибудь собрания—сегодня пропагандистский кружок, завтра об‘единенный (собирались из двух или трех районов по нескольку членов), назначалась небольшая массовка человек из 15—20 и т. д. Все это происходило в разных частях города или в лесу верстах в 3—4-х от города.

Работа велась большевиками, да можно сказать, что меньшевиков мы и не знали, а если они и были, то ничем себя не проявили. Эсэровская организация в рабочих районах не имела никакого влияния.

В нашем кружке уже выработались самостоятельные агитаторы: Равинский, Капустин и я. Нам уже поручалась ответственная работа самостоятельно вести кружки, распространять литературу, которой издавалось хоть пруд-пруди и которую мы умели использовать. Литературой наводнялся весь район до Александровского проспекта по обе стороны Исети, все заводы, находившиеся в этом районе до Уктуса включительно, не были забыты даже полицейские участки. Подшутить над полицией мы любили. Раз как-то, закончив разброску прокламаций по одной староне Исети на заводах Беренова, Шурова и прилегающих к ним и возвращаясь мимо 3-й полицейской части, увидели, что входная дверь полицейского управления не закрыта и вздумали «поделиться новостями» с полицией. Один из нас—Андреев Иван, у которого находились остатки прокламаций, зашел в коридор и, увидев через открытую в дежурную комнату дверь, что двое «фараонов» спят, бросил им остатки прокламаций и вышел. Ночь была, что называется, хоть глаз коли, моросил мелкий дождь. У нас была на берегу Исети в траве лодка и мы в момент были у нее. Фараоны проснулись, выскочили, послышались

свистки, шлепанье ног по грязи и голоса: «Держи», но мы были уже на другом берегу и смеялись над своей выходкой.

Другой случай: тот-же Андреев сумел пьяному полицейскому повешать прокламацию за фляст шинели, и тот ходил на глазах публики с нею. Был случай и со мной: как-то, во время разборки, мне пришлось проходить мимо завода Коробейникова. Чтобы прокламации не пропали даром, т. к. было сыро и их могло размочить дождем, я решил бросить их прямо внутрь фабрики. Не долго думая, я свернул в сверток штук 15, ткнул его в окно; цель моя была достигнута—прокламации очутились на слесарном станке. Таких проделок было очень много. Все их не упомнить. Мы тогда были полны революционного порыва и конкурировали „на смелость“ друг перед другом.

„Визиты“ полиции.

В 1904 г. пришлось работать с мобилизованными солдатами, которые расквартировывались по частным домам. В это время я был уже знаком с Сергеем Александровичем Черепановым; он работал на электрической станции, где я получал прокламации для распространения среди солдат и снабжении Ревды.

Познакомиться с Черепановым мне удалось через тов. Равинского, который как-то раз привел его проводить беседу в нашем кружке. Тогда же мы прозвали Черепанова «Лукой» и своим товарищем дали клички: Равинскому—«Максим», Рукавишникову — «Макар», а мне «Кузьма». Некоторые старые товарищи и до сих пор знают меня под этой кличкой.

За домом Рукавишникова, где находился штаб Макаровского района, была установлена слежка. Да и как было не привлечь внимания полиции, когда соседи-обыватели называли дом революционным гнездом и доносили на нас. Полиция частенько начинала донимать нас обысками, но сколько не искала—все безрезультатно, так как все, что было, всегда тщательно пряталось, так что иногда и сами мы не скоро находили. Не находя у нас ничего, нас оставляли на свободе.

Однажды был такой случай: мне поручено было получить из Уральского О-ва Горных Техников бумагу и с ней три оригинала прокламаций. Все это предназначалось для доставки в типографию, а т. к. мне самому нести через город было подозрительно, то я с явкой послал свою жену, которую как прачку, не могли заподозрить. Она, получив все, завернула простыней и завязала салфеткой. Было это утром часов в 9-ть числа 25 июня 1904 года; к моменту ее возвращения

в квартиру явилась полиция с обыском, при чем к воротам во внутрь двора был поставлен часовой. Глупый новичек полицейский, которому вероятно было приказано что во двор впускать, а из двора не выпускать, он понял приказание наоборот, когда жена подошла с узлом к воротам и стала их отворять, закричал на нее и не пустил.

Администрация фабрики тоже начала нас преследовать и, зная нас, как неблагонадежных, постаралась от нас избавиться. В конце лета мы с Рукавишниковым были уволены. Оказавшись без работы, остаток лета мы кое-как пробивались на поденщине. Осенью же не стало и этой работы и нам пришлось очень туго. Жены на свой скудный заработок не могли нас прокормить. И нам пришлось серьезно задуматься о том, что предпринять.

„Книгоноши“.

Скоро однако мы придумали себе занятие. Рукавишников, как человек с торговой практикой, предложил мне:

„Давай-ка, Никола, торговать“.

—А чем? спрашиваю, торговать будем и на что? Денег у нас не гроша.

—Денег надо немного 3—4 рубля; наберем книжек, картин, портретов Дальне-Восточных сатрапов и еще кой-какой ерунды и пойдем в деревню. Деревня жадна на это.

Задумано—сделано. Взяли у матери Рукавишникова 3 рубля, пошли в магазин Сытина, набрали книг и понесли их в корзинках продавать в деревню. Дело у нас пошло хорошо, и мы сумели кормиться.

Но и тут революционная работа не была забыта. Наберем бывало книжек, картин разного содержания; получим прокламаций, листовок и брошюр; дома в каждую книженку—в рассказик Горького или «Жизнь Св. Пантелеймона-целителя» положим по листовке и продадим.

Не обходилось, однако, и без приключений: однажды мы решили ехать в Ревдинский завод, на Михайловскую ярмарку. Набрав в магазине Куренщикова материалы издания «Донская Речь», «Молот», а у Сытина календарей, поминальников и всякой билиберды, мы, прибыв в Ревду, устроили на базаре шалаш и начали бойко торговать. В два дня у нас раскупили почти все. На третий день хотели продать остатки и возвратиться домой, но вышла «история». Пьяный урядник, подойдя к нашему шалашу, стал интересоваться нашим товаром, зная, очевидно, что мы люди неблагонадежные. Увидев висящую на шнурке книженку из эпохи японской войны—«В боевом огне», он взял ее в руки и

начал разглядывать, разрешена ли она цензурой, но «с пьяных глаз» не мог найти. Мне пришлось разрезать и показать ему. Он удовлетворился, но все таки еще спросил «а что у вас в ящике?» Тов. Рукавишников сказал ему, что там календари и поминальники, а я, желая пошутить с ним, сказал ему: «Вы все-же посмотрите, может они и нецензурованы.» Урядник, поняв шутку, разошелся: «так вы вздумали надо мной смеяться! Собирайте все, что у вас есть, и идем в полицию.» Мы признаться не на шутку струсили. Как раз в этот момент недалеко случилась драка и урядник, оставив нас, поспешил туда, а мы, свернув свой шалаш, быстро удалились.

Таким образом мы разносили революцию по деревням и заводам до 1905 года. С 1905 года через связь нас устроили на службу. Я через Сыромолотова поступил на Пышминско-Ключевской медный рудник в качестве весовщика.

Революционная работа развернулась повсюду широко, события назревали. Проигрыш войны, гапоновщина—были лучшим материалом для агитации.

На „медном" руднике.

На медном руднике я освоился очень скоро, начал зондировать почву, нет ли тут своих ребят. Оказалось, что они были и я скоро с ними связался. Это были уральцы—горняки: Солодников Александр—лаборант и Уткин Александр, исполнявший обязанности пожеженного мастера. Солодняков был эсэром, а Уткин эсдеком. Но разность взглядов нам тогда не мешала работать. Мы вели агитацию за забастовки, за свержение самодержавия, но в своем частном кружке часто спорили, отстаивая каждый свою программу. Скоро в Екатеринбург приехала Мария Оскаровна Авейде и поселилась в квартире по ул. Гоголя № 31. В один из свободных дней мы отправились с Солодниковым в город и здесь он меня познакомил с «Оскаровной». «Оскоровна» стала просить меня завязать связь с фабрикой Макаровых и с Ревдой. Но я, думая, что она эсэрка, ничего определенного ей не сказал. В другой раз, зайдя к ней один, я увидел у нее Сергея Черепанова и связи были налажены.

На медном руднике нам пришлось работать недолго, агитация была замечена и от нас постарались скоро избавиться. Под разными предлогами нас уволили, но не могли предотвратить результатов агитации и вскоре после нашего от'езда на руднике разразилась забастовка.

1-е мая 1905 года в Екатеринбурге.

В 1905 году рабочие и весь трудящийся элемент Екатеринбурга впервые открыто праздновали 1-е мая, демонстрируя под красными знаменами по городу. Мне в демонстрации 1-го мая не пришлось участвовать, т. к. я ликвидировал свои дела на руднике. Только 4-го мая я прибыл в город и принял участие в митинге, состоявшемся 5-го мая на В.-Исетском кладбище. Собралось около 500—600 человек рабочих. От комитета присутствовал тов. „Иван" (Бушен), только что приехавший в Екатеринбург, и тов. «Виталий», которого мы прозвали в шутку «буржуазным» агитатором за то, что он имел очень тучную, не рабочую комплекцию, и который, кстати сказать, был очень искусным оратором. Речь о гнете, насилии буржуазии, о значении забастовки говорил «Виталий» и очень ярко обрисовал положение рабочего класса. Было постановлено пойти всем собранием и снять с работы всех рабочих на заводе Ятес, где часть рабочих бастовала, а большая часть—старики—работала.

Тут-же, на митинге, собрали деньги для забастовочного фонда. Помню как одна старушка, кладбищенская сторожиха, пришла на собрание и с удивлением спрашивала: «что это за народ собрался и что ему нужно?

— «Я живу здесь 30 лет» —говорила она и столько народу не видывала». Тов. «Виталий» посадил ее на пенек и сказал: «послушай, бабушка, о чем мы будем говорить». Старуха слушала и со слезами на глазах крестилась, а по окончании речи сказала: «прожила я на свете 70 лет, а правду услыхала в первый раз», и когда пошли с шапкой собирать деньги, она вытащила откуда-то тряпку с двумя гривнами и перекрестившись, отдала, сказав: »Возьмите, родимые,—на доброе дело последних не пожалею».

После окончания митинга под пение «Смело, товарищи, в ногу»—направились к заводу Ятес. Не успели демонстранты дойти до завода, как от Харитоновскаго сада по Вознесенскому проспекту показались верховые «фароны», а позади стройно шла полурота солдат. Толпа заволновалась и некоторые стали разбегаться. Ворота завода были закрыты, проникнуть внутрь было нельзя и рабочих снять не удалось.

Ретивые полицейские начали действовать нагайками и нескольким товарищам, в том числе и мне, попало по спине. Подоспевший офицер

запретил им расправу и, об'яснившись с тов. «Виталием», попросил разойтись и демонстрация кончилась.

Массовки.

Первый пыл у рабочих прошел. Забастовки начали прекращаться под угрозой хозяев остановить заводы или расчитать тех, кто не пойдет на работу. Жизнь как будто вошла в колею. Но на самом деле было не так. У рабочих на душе остался осадок недовольства, многие поняли, что такое самодержавие и политическая борьба и стали больше интересоваться и примыкать к революционным кружкам. Подпольная жизнь и работа закипела ключем, кружки росли, как грибы после дождя, кружковая работа заменилась массовочной. Собирались очень далеко за городом и с большими предосторожностями. Бывало, назначат массовку верстах в 5—6 от города и расставят патрули человека по 2—3 на версту с очень вычурными паролями, например, «далеко ли дядюшка отсюда город Шарташ» или «не видали ли серую корову с пестрыми рогами» и т. п. Однако шпионы все-таки пробирались. Раз как-то мы своим кружком с женами вздумали сходить в поле с чаем к «Коровьему кладбищу». Условились идти попарно. Большинство ушли вперед, а мы четверо—Морозов, Рукавишников, Андреев и я замыкали шествие. Откуда не возьмись, появился суб'ект в синих очках и гороховом пальто, необыкновенной высоты. Остановившись, он спросил нас: господа, где здесь «Собачье кладбище». Мы сразу смекнули, что это за «фрукт» и у нас явилось желание показать ему дорогу на «настоящее» «Собачье кладбище». Пройдя вместе с ним Челябинскую жел.-дор. линию по направлению к пороховым погребам, Морозов и Андреев тростями избили его.

Демонстрация в уездной земской управе.

В сентябре м-це 1905 года было назначено собрание уездной земской управы по поводу «булыгинского» закона о государственной думе.

Было решено устроить собрание нашего кружка, состоящееся в квартире Патрикеева Александра Васильевича по Сибирскому просп. На собрание пришло человек 30—35. Был поставлен вопрос, как устроить на заседании земской управы обструкцию. Обсудив его, мы наметили детальный план демонстрации, дали всем задания. Мне поручили печатать цветные прокламации и приготовить красные флажки с лозунгами.

С нетерпением ждали дня заседания, т. к. этот день был днем первого открытого выступления нашей большевистской организации.

Наконец долгожданный момент наступил. Мы были готовы. Роли были распределены заранее. Тов. «Конраду» была составлена небольшая, но очень едучая речь.

На заседании управы была допущена вольная публика. Наши ребята смешались с публикой, чтобы не было подозрительно. Когда дошла очередь до вопроса «о думе», мы все сгрупировались вокруг тов. «Конрада», попросив председателя, чтобы дал слово рабочим. Председатель заметил, что еще не время, но мы от нетерпения загудели, затопали ногами и закричали: «для рабочих время уже настало».

«Конрад» начал свою громовую речь.

«Нам, рабочим, закон не нужен, рабочие вместе с буржуями в думу не пойдут».—Гремел голос «Конрада».

Среди гласных и особенно в президиуме начался переполох. Председатель звонит, публика бросилась с мест к выходам, но двери были заперты: бросились к телефону, но провода были перерезаны. В это время целый каскад прокламаций полетел в президиум. Кто-то удосужился пустить в портрет Николая Кровавого яйцо, наполненное дегтем. Президиум разбежался по боковым комнатам, а сидевший с земцами поп несколько раз прибегал к столу и убегал обратно боязливо выглядывая из боковой комнаты. Кто-то успел все-таки дать знать полиции, которая не замедлила явиться. Но было уже поздно. Мы бросили флажки, запели «Смело товарищи в ногу», вышли на улицу и смешались с толпой, т. к. на Сенной площади была конная ярмарка. На другой день газеты писали о том, как большевики произвели скандал в земской управе.

Под руководством тов. Я. М. Свердлова.

Лето проходило в самой горячей пропагандистской работе, из нас был подобран кружок высшего типа, в который входили: Крапанин Сергей, Вася Пиньжаков, Галя Рядкина, Равинский, Капустин, Рукавишников и я. Этим кружком руководили тов. «Иван», Сергей Егорович Чуцкаев, Чердынцев Н. А., иногда бывал «Лука»—Черепанов Сергей. Из нас готовили пропагандистов. Мне часто приходилось посещать Ревду. Ездил я один, иногда с кем-нибудь из товарищей и чаще всего с тов. «Лукой».

В конце лета появился в Екатеринбурге тов. «Андрей»—Свердлов Яков Михайлович. При нем работа еще более развернулась. Осенью обострилась борьба с меньшевиками и эс-эрами.

Манифест 17-го октября и события в Екатеринбурге.

Незаметно прошло время до 17 октября. Я в это время работал в Бюро Уральских Горных Техников в качестве сторожа. Секретарем Бюро был Сыромолотов Ф. Ф. («Федич»). Тут же работали переписчиками Галя Рядкина и Валя Крутовских, тут вращались и другие товарищи. Одним словом,—это был штаб всех революционных сил Екатеринбурга.

С получением известия о манифесте закипела лихорадочная работа. Всю ночь на 17-е октября мы сидели четверо: Галя, «Порфишка» (Уралец), Солодников и я—печатали на гектографе воззвания.

17-го октября воззвания были распространены по всему городу и фабричным районам. В 12 часов на Кафедральной площади состоялся молебен; поп прочитал манифест; выступало много ораторов с об'яснением манифеста. После всех выступила тов. Катя, которая сказала: «Мы празднуем, а товарищи, которые добивались этого, сидят в тюрьме. Мы должны пойти и требовать их освобождения». Толпа загудела—«Идем» и двинулась к тюрьме. В тюрьме сидело много товарищей, в том числе т.т. Оскаровна, Новгородцева Клавдия, Краева и др. Подойдя к тюремной ограде, толпа остановилась; тов. «Иван» предложил выбрать делегацию к тюремной администрации. Делегаты ушли, но в этот момент в толпе произошел переполох: кто-то нечаянно или с провокационной целью выстрелил. Толпа бросилась в сторону и нескоро можно было успокоить ее. Делегация, обойдя камеры, известила сидящих товарищей, что они не сегодня, так завтра, будут на свободе, а от начальника тюрьмы потребовала, чтобы он освободил заключенных. Начальник заявил, что без разрешения прокурора освободить он не может. Толпа загудела: «Просить сюда прокурора». Через полчаса явился прокурор. Он предложил собравшимся разойтись, сообщив, что им послана на имя губернатора телеграмма, на завтра ожидается ответ.

Всю ночь на 18-е октября мы почти не спали, опять печатали воззвания и беседовали о положении. Товарищ Андрей говорил, что радоваться рано, что манифест просто—провокация правительства.

Рано утром 18-го мы были уже на ногах. Публика начала собираться на сборный пункт. В воротах тюрьмы толпу встретили освобожденные товарищи. Восторженные возвратились мы в город. Снова всю ночь шла подготовительная работа: печатались воззвания, призыв

на митинг, который должен был состояться 19-го октября на Соборной площади.

Черная сотня тоже готовилась.

Утром 19-го собралось порядочное количество народа, но публика была обывательская; нас—организованных рабочих—было очень немного, человек 100 или 150, т. к. рабочие с заводов по недоразумению не были сняты. Эта ошибка нам навредила сильно. Будь больше рабочих, могло не случиться того, что произошло. В толпе было заметно какое-то движение. Я для наблюдения ходил в рядах толпы и слышал очень нелестные разговоры. Один из толкучников агитировал за то, чтобы сорвать митинг; «Как только начнут они»—говорил он—«сейчас же начинать» и, словом, заметно было, что готовится что-то организованное. В толпе были переодетые пожарники и полицейские во главе с приставом Батуевым.

Митинг открыл тов. «Андрей». Взобравшись на бочку, он начал говорить. Вдруг из толпы послышалось: «Долой его, это жид». Он сошел с бочки, вместо него стал говорить тов. Иван Бушен, из толпы начали еще усиленнее кричать: «Они богохульствуют, бей их». Толпа бросилась на нас лавиной. Случилось что-то невообразимое: замелькали палки, залетали бутылки, послышались выстрелы и нам пришлось ретироваться.

На другой день мы узнали результаты побоища: несколько человек наших и черносотенцев оказались в больнице; сотрудник газеты «Уральская Жизнь» Соловьев *) был убит черносотенцами за то, что имел у себя в кармане воззвание, напечатанное на гектографе. Так была омрачена наша радость и вспомнились пророческие слова т. Андрея, что манифест—провокация самодержавия.

Реакция усилилась.

Реакция начала поднимать голову, начались патриотические манифестации, хождение с хоругвями, с портретом Николая Кровавого. Наступило тревожное время; ожидали нападения на квартиры, где проживали революционеры; были случаи, что на дверях ставились заметки мелом; ночами стало опасно ходить. Черносотенцы до того обнаглели, что даже спрашивали проходящих—«есть-ли на тебе крест?» Если был—не трогали, а нет,—как «нехристь»—били.

Митинги и собрания все-таки устраивались, но только в помещениях и с охраной. Нас вооружили револьверами и холодным оружием. Так продолжалось до 1906 года, когда началось вылавливание видных

*) **В делах Истпарта есть документы, указывающие, что Соловьев был агент охранного отделения.**

революционеров. За голову тов. Андрея полиция обещала 5 тысяч рублей тому, кто укажет его местопребывание. Но своего любимого организатора укрывали не только рабочие, но даже либералы. После этого организация снова ушла в подполье продолжать начатую работу и копить силы, которые бы буржуазия не могла больше победить.

Опять в подполье. Арест.

Из квартиры О-ва Техников мне пришлось переехать на свою, по Нагорной улице. У меня часто собирались и проводили кружки. 17-го февраля 1906 г. было назначено заседание кружка. Еще не все товарищи явились, пришли: Шишка, Сенька (молодой еврей), Катя Денисова и пропагандист тов. Василий («Столяр»)—как нагрянула полиция, разыскивавшая Денисову по делу Дины Поляковой (которая была уже арестована). Видя, что у нас что-то вроде собрания, жандармы начали допрашивать: «что за люди»?, «как попали сюда» и пр. Тов.« Василий», к которому они больше обращались, отвечать на вопросы отказался. Тогда жандармы заподозрили, что это революционный кружок и начали производить обыск. У меня в то время было много литературы: «Буревестник», «Молот», и были некоторые нелегальные брошюры, например: «Две тактики» (Ленина) и несколько прокламаций, в том числе две резолюции областной партийной конференции, на которой я был участником от Макаровского района.

Ничего не взяв, кроме брошюры Ленина, резолюций и номера «Зритель», жандармы обратили внимание на находившийся у меня чемодан, принадлежавший тов. Михаилу Чистякову (он же Вилонов). Чемодан был закрыт, а ключ находился у Чистякова, жившего в то время в библиотеке Решетникова. На вопрос: «чей это чемодан?»—я сказал, что он принадлежит мне и в нем находится белье, а ключ потерян. Затем жандармы попросили нас одеться и повели во вторую часть полиции. Доложивши начальству, они оставили нас в приемной без охраны. Воспользовавшись этим, тов. «Столяр» ушел, оставив в участке шапку. Нас держали в полиции с 10 час. утра до 7 час. вечера. В это время на наших квартирах производились обыски. После нашего ареста жена моя успела спрятать все, могущее быть уликами, и предупредила всех товарищей, чтобы не ходили в нашу квартиру—в квартире была устроена засада.

Целых три дня дежурили жандармы, но никого не дождались. Нас около 8 часов повели в тюрьму.

По тюрьмам

В тюрьме было уже много арестованных,—большинство рабочих, и скучать от одиночества не приходилось. Каждый день приводили новых. Режим был в то время слабый, почти целый день ходили в ограде. Вечерами камеры не закрывались до 10 часов вечера, и мы собирались в одной из камер почти все, сколько нас было. Слушали лекции по политической экономии и по другим вопросам, которые нам читал сидевший в то время тов. «Фаддей» (Залкинд),—инженер, замечательный пропагандист, теоретик марксизма. Другие товарищи—интеллигенты обучали неграмотных читать и писать и неграмотные через 3—4 м-ца выходили из тюрьмы грамотными и подготовленными политически.

В марте было арестовано собрание за магометанским кладбищем в количестве 16-ти человек, в числе которых был Чуцкаев, Чистяков Михаил (Вилонов Никифор), «Иван», «Федич», «Потапыч» и др. Сначала сидеть было весело, время проходило не без пользы. Весной дожна была собраться Дума, от которой очень много ждали, но ничего не получили. Несколько раз собирали свои «монатки» в ожидании амнистии, но ожидания были напрасны. Правительство Николая Кровавого думало иначе.

Первого мая 1906 года на маевке снова было арестовано человек 30, в том числе и Оскаровна. Нас скопилось около 150 чел. Публика была самая разнообразная по партийности: тут были и соц.-революц. и анархисты, и социал.-демократы (в большинстве). Очень много было и просто—обывателей, нахватанных с бору и с сосенки, но тюрьма многих из них сделала хорошими революционерами.

Режим в тюрьме стал крепче. Мы начали нервничать, т. к. нас держали, не пред'являя нам обвинений. При посещении тюрьмы кем-нибудь из начальства—прокурором, или инспектором—всегда следовал один и тот-же вопрос—«не желаете ли что-нибудь заявить?» Нашим вопросом было: «За кем наше дело?» и «Скоро-ли освободят?». «Не за мной, а за жандармским управлением или за министерством внутренних дел»—получали мы обычный ответ. Позже стали устраивать приезжавшему начальству «молчанки» или «кошачьи концерты».

Голодовка.

В начале июня месяца мы повели агитацию за голодовку, пред'явив требования: ускорение разбирательства дел, улучшения пищи и друг. Администрация хотела голодовку сорвать, решив нас раз'единить. 16-го июня 17 человек из нас вызвали и велели собирать вещи. Мы

сначала обрадовались, думая, что нас хотят освободить, но скоро наша радость сменилась унынием, т. к. нас назначили к отправке в Николаевские арестантские роты. В тот же день вечером нас увезли на вокзал. В числе отправляемых были: Бушен, Сыромолотов, Плетнев Ив. Иванович, Дербышев Н. и Вилонов. Но администрация ошиблась: голодовка была проведена как и Николаевских ротах, так и в Екатеринбурге. Наша голодовка длилась 7 дней, а в Екатеринбурге некоторые голодали по 11 дней. Особенной твердостью отличались девицы—Ольга Миропольская и Римма Куней. После этого, разбирательство дел было ускорено и нас начали—кого освобождать, кого отправлять в ссылку, кому пред'явлены обвинения по разным статьям закона.

В ссылку.

Меня и Денисову Особым совещанием при министерстве внутренних дел за агитацию среди рабочих выслали сроком на 2 года. Из екатеринбуржцев к отправке в Чердынь попал я один, а остальные, следовавшие по этапу, были из разных мест России, с Кавказа и Латвии.

В Мотовилихе, деповские рабочие, узнав, что идет этап политических ссыльных, устроили нам встречу: вышли на перрон огромной тысячной толпой, начали нам бросать в окна деньги, а, когда поезд стал отходить от станции, с красным знаменем и с песней «Дружно товарищи в ногу» они шли за поездом, пока он не скрылся из виду. В Перми, когда вели с вокзала в тюрьму, нас до самой тюрьмы провожали толпы народа и бросали на дорогу букеты из живых цветов. Тюрьма была битком набита. Пересыльные с'езжались со всех сторон. Здесь мне пришлось встретить старых революционеров—Льва Дейча, Парвуса и др., уже знакомого мне инженера Малоземова, с которым я встречался в Екатеринбурге на областной конференции. Всех отправляли в Сибирь.

В Пермской тюрьме нам пришлось сидеть целую неделю в ожидании отправки на Чердынь. По прибытии в Чердынь, нас распределили по волостям. Меня и еще троих товарищей направили в Тулпанскую волость—самую северную и дальнюю от города. В волость мы прибыли одними из первых. Очень плохо пришлось в первое время в этой трущебе. Правительство кормовых платило только 2 руб. 40 коп. в месяц, а о каком либо заработке и думать было нечего, сами то жители занимались только охотой. Население к нам относилось сначала недружелюбно, но, потом стали привыкать. Мы проводили чтение, беседы, пи-

сали прошения и ничего за это не брали. Этим мы расположили тулпанцев к себе.

Значала нам помогали извне деньгами и даже продуктами, присылали газеты и журналы, но потом никакая помощь стала немыслимой только потому, что число ссыльных росло не по дням, а по часам и никакая организация не в силах была всем помогать. Пока были одни политические можно было жить сносно: жили коммунами, помогали друг другу, имущие делились с неимущими. Но правительство всякими мерами старалось дезорганизовать политический элемент ссылки, посылая большой процент уголовных. Началось воровство и пьянство, жизнь стала невозможной и я решил бежать.

Бегство.

Продав свои пожитки, мы трое—я и двое ссыльных латышей 28 ноября 1906 г. бежали. Я, благодаря партийным связям, добрался до Уфы, где остановился. Уфимский партийный комитет назначил меня помощником организатора. На этой работе я пробым два месяца, получая по 5 руб. жалованья и не имея квартиры. Существовать я на эти деньги не мог и попросил комитет, чтобы меня перевели в Челябинск. Приехавши в Челябинск, я стал просить работы, но там нельзя было устроиться и меня стали посылать в Сибирь. На ночевке у товащей рабочих-партийцев разговорились по этому вопросу. Товарищи дали мне совет никуда не ездить, а вернуться на место ссылки и отбывать срок, мотивируя свой совет тем, что, не имея никакой профессии, устроиться в период острой безработицы очень трудно.

Снова в ссылке.

Послушавши их совета, я возвратился в Тулпан, написал прошение губернатору о переводе меня из Чердынского уезда в более индустриальный край и мне посчастливило. Губернатор разрешил перевести меня в Верхотурский уезд, где я мог избрать себе место жительства. Я выбрал Н.-Тагил, где и устроился на медно-плавильном Выйском заводе.

Устроившись в Тагиле с марта месяца 1907 года, я все лето работал на заводе, принимая в то же время участие и в партийной работе. Здесь руководили работой Сергей Горшков, Самойлов Иван и Петров Ал. (все, как мне кажется, меньшевики). В Татиле я работал до 25 ноября 1907 г. Неожиданно меня вызвал пристав и об‘явил мне, что на основании циркуляра губернатора, я должен, как и все переведенные с прежних лет ссыльные, явиться на место прежней ссылки. Я дал при-

ставу слово, что уеду в Тулпан и получил от него почтовый перевод на 19 руб. 45 коп. (кормовые деньги), вместо Тулпана поехал в Екатеринбург и Ревду и до 20 февраля 1908 г. проживал дома, а потом отправился кончать срок на место ссылки. Таким образом я дотянул до самого освобождения. 14-го июля 1908 г. был освобожден и в начале 1909 г. снова поступил на фабрику Макаровых.

Перед войной.

Никакой революционной работы на фабрике не велось, да вряд ли она была и в городе. Из всех знакомых товарищей мне удалось встретить только Васю Пиньжакова, который на мой вопрос—ведется ли партийная работа сказал, что ничего нет, полнейший разгром, все почти переарестованы. Так мне и не пришлось связаться с организацией. В начале 1910 года я из города уехал на жительство в Ревду, где тоже не было никакой работы. Были только одиночки, оставшиеся от 1905—6 г.г., да и те разного толка. Из города я привез экземпляров 100 литературы, уцелевших и хранившихся после моего ареста. При помощи ее я начал вести революционную работу в Ревде, скоро организовал кружок из нескольких товарищей. Первым, примкнувшим ко мне был Умнов Григорий, а потом к нам примкнул Алексей Иванович Щеколдин (расстрелян в 1918 г. колчаковцами, один из старых партийцев) и другие.

В то время началась кампания страховых больничных касс, в которой нам пришлось принять самое активное участие, но рабочие не могли понять значения этой идеи и наши труды пропали. Кассу рабочие организовать отказались. В 1913 г. во время кампании по организации кооперативов удалось организовать при содействии рабочих кооператив.

Кружок наш все пополнялся и насчитывал уже человек 15, но нагрянула германская война, рабочие ударились в шовинизм, большая половина нашего кружка заразилась этой болезнью и оторвалась от нас. Мы же остались верными делу большивизма и повели с ними непримиримую борьбу.

Воспоминания А. П. Кин.

В ПОДПОЛЬНОЙ ТИПОГРАФИИ.

В январе 1905 года по вызову Пермского комитета Вятская организация направила меня в Пермь на роль технического работника. В Перми я на явочной квартире встретила Клавд. Никол. Попову, приехавшую раньше меня из Вятки. От нее узнала, что Пермский комитет «провалился» и о постановке «техники» нечего пока и думать.

Мне было предложено двинуться в Екатеринбург, что я и сделала. Приехав сюда и побывав на «явке» (в книжном магазине Клушиной)—узнаю, что и здесь недавно был провал всего состава комитета, уцелела только Клавдия Тимофеевна Новгородцева (жена покойного тов. Свердлова).

Она предложила мне работать в комитетской типографии и дала паспорт на имя Анны Васильевны Краевой. С этого дня я становлюсь нелегальной. До начала работы я должна была высидеть некоторое время на «чистой» конспиративной квартире у одного радикального врача Спасского, куда меня в этот же день направили. Знали обо всех обстоятельствах только врач и его жена, а домашним было сказано, что я хорошая знакомая, приехавшая и временно остановившаяся у них. Лишний раз из квартиры я старалась не выходить, с Клавдией встречались и вели переговоры каждый раз в разных местах, чтобы не дать материала шпикам; здесь я держала экзамен на умение конспирировать, тут я впервые поняла, что значит «подполье». Высиживание в течение месяца на конспиративной квартире в ожидании начала работы сильно тяготило меня, но надо было считаться с необходимостью. Наконец, в один из дней свидания с Клавдией Новгородцевой я узнаю, что завтра должна увидеть товарища, с которым буду работать в технике. Через несколько дней нами найдена была в Верх-Исетском заводе квартира, поселились в ней трое: я и еще два товарища (кличек и фамилий я их не помню, одного из них звали, кажется, Прохорыч).—По паспортам мы должны были представлять одну семью, т. е. один из них являться как бы моим мужем, а другой братом (фиктивно). Квартира

наша представляла собой небольшую, покосившуюся набок хибарку на 2 окна, с однорядными рамами. Внутри она была так же убога, как и снаружи: обои изодраны, потолок закопчен, пол покосился. Пусть товарищи не подумают, что все подпольные типографии были таковы. Там, где было больше средств у организации, создавалась и лучшая обстановка. Вспоминается по ассоциации Самарская типография, где я работала позднее. Под нее взята была изящная квартира с парадным под‘ездом в доме одного либерального буржуа. Здесь же, в Екатеринбурге средств у организации было вобрез, чтобы сводить концы с концами. Но мы не унывали,—нам уже надоело быть без работы, хотелось скорее наладить организацию типографии. Принялись за декорацию своей хибарки: надо было скрыть следы типографии от хозяина. Единственную мебель—2 табурета—ставили на видное место, на столе лежали счеты, бумага, кое-какие книги, чтобы можно было подумать: что живет конторщик, берущий работу на дом. Другой товарищ выдавался нами за больного—(кажется он был горбатый). Станок прятали за занавес, который отделял мою койку; в другой комнате, кроме корыта, ведра, таза и висящей одежды, ничего не было (корыто третьему из нас заменяло стул во время еды).

Такая убогая обстановка нас не смущала, у всех троих было одно желание: больше выпустить прокламаций, и тем самым доказать жандармам, что организация живет, что арест нескольких человек не погубил всей организации. Первым надо было напечатать листок о 9 января и мы его спешно выпустили в огромном количестве, не считаясь с тем, что пришлось работать дни и ночи.

С техникой обычно сообщался только один человек, в данное время это была Клавдия, приходившая к нам часов в 9—10 вечера. По условленному стуку в ставень окна мы узнавали ее и ждали всегда с нетерпением. Она знакомила нас со всеми партийными новостями Центра и Екатеринбурга, приносила заграничные и российские новинки. Бывали такие моменты, когда тов. Клавдия по конспиративным условиям долго не показывалась,—тогда мы начинали беспокоиться—нет ли опять провала, как быть дальше и техника наша притихала. Помню один момент, когда деньги иссякли, хлеб доели, для освещения остался маленький огарок, бумаги для печатания не хватило, а Клавдии нет и нет. Решили, что положение серьезное. Но достаточно было сигнального стука и публика ожила—сразу стало весело. Во время большого скопления работы, мы так увлекались, что забывали о конспирации, о

том, что рамы окон—однорядки и каждое неосторожное движение по станку нашего больного вала, а не валика, слышно на улице (кстати он был слишком громоздким, совсем не по станку). При той ультраконспирации, какой требовала наша работа, не приходилось засиживаться долго на одной и той же квартире—за 8 месяцев существования нашей типографии мы сменили 3 квартиры.

Напечатанные листовки уносились тем из нас, кто имел наиболее конспиративный вид. Это выпадало обычно на мою долю: в простом повседневном костюме заводской женщины, покрытой большой шалью сверху, в какой-нибудь прямой кофте, я выглядела типичной заводской бабой-обывательницей. Обложив себя кругом прокламациями, я шагала в имевшуюся у комитета конспиративную квартиру и оставляла их там (это был основной склад), оттуда литература распространялась районными организаторами по фабрикам и заводам.

Жизнь проходила в 4-х стенах. Работавшие в типографии не должны были показываться ни на массовках, ни на каких бы то ни было собраниях. Помню, когда нам один раз за 8 месяцев сидения в технике, комитет разрешил принять участие на одной из массовок,— нашему восторгу не было конца. С огромным нетерпением ждали мы этого дня. Дождались. Пришли за город в лес (в начале лета 1905 г.), где увидели человек 50 собравшихся, долго не могли сосредоточиться,— как будто попали в невиданную обстановку, и речь говорившего слушали с разинутыми ртами,—было какое-то праздничное настроение; возвращались часов в 11—12 вечера с пением революционных песен пока были в лесу. Вернулись домой и опять за работу.

После первомайских листовок и после попытки первомайской демонстрации у полиции началась сильная тревога и беготня по городу в поисках нашей типографии, но и на этот раз мы сумели сохранить свое детище: закопали ее в лесу, куда вывезли ночью на лошади Новгородцевых. Похоронив на время технику, зажили как дачники: учитель с женой и братом—на Заимке верстах в 5 от города у тетки Клавдии—Александры Федоровны Мыльниковой. Недели через две розыски приостановились. Выкопав станок, мы снова взялись за работу, снова начали «печь блины» (как в шутку мы звали прокламации) и «пекли» их до начала августа. Тем временем 2 товарища—Прохорыч и Федосеич—ушли на другую работу, вернее совсем уехали из Екатеринбурга. Остались мы вдвоем со старушкой хозяйкой. Главным типографом пришлось быть мне, я должна была и набирать, и устанавливать набор на

гранку, и закреплять его и прокатывать вал. Александра Федоровна подавала мне бумагу и снимала ее после вальцевания. Листки расходились. В городе пошли слухи о розысках типографии, полиция искала и за городом—на дачах. Пришлось схоронить ее снова на несколько дней. А заводы просили литературы. На очереди было перепечатать пользовавшуюся популярностью брошюру—«Пауки и Мухи». Снова достали и заработали. Напечатано было 1600 шт. (как сейчас помню), и с этим материалом мы сели в тюрьму в августе 1905 года. Со мной арестована была хозяйка квартиры Александра Федоровна Мыльникова, тогда же сел и весь новый состав Екатеринбургского комитет...

Для жандармов арест типографии являлся целым торжеством. При обыске присутствовали все чины, начиная от простого городовика и кончая прокурором, весь дом ставился на ноги: все перебрасывали, вплоть до золы в печи. Не забыть того ликования, которое было нарисовано на лицах присутствовавших. Торжество было еще потому, что кроме типографии они брали молодого, не опытного (по их мнению) работника, у которого на допросе надеялись выведать об остальных. Но здесь они ошиблись: подполье научило молчать, научило этому и общение с хорошими учителями революции. Нас посадили в отдельный деревянный корпус, где сидели уголовные женщины. К тюрьме я была готова, меня поразил только обыск: тогда раздевали до рубашки и обшаривали кругом всю. Я была выделена от других товарищей, взятых одновременно, посажена в отдельную камеру, без койки, без стола (эта камера была приспособлена для нескольких человек уголовных женщин). Для спанья приходилось постилать однорядку-войлок и маленькую походную подушку. Камера освещалась керосиновой лампой, горевшей всю ночь и издававшей сильный запах. При себе разрешалось иметь кружку, чайник, ложку, полотенце, мыло и никаких острых вещей—ни ножей, ни вилок, ни ножниц, ни иголки. Карандаш и бумагу тоже нельзя было иметь (опыт научил прятать их в стене). Режим был таков: в 6 часов утра вставать, в 7 часов принимать кипяток и хлеб, в 12—обед, в 5—чай, 6—7 поверка, при обходе тюрьмы дежурным сторожем надзирателем и помощником смотрителя, после вечерней проверки—сон. Днем 10—15 минут прогулки, свидания в определенные дни; часть публики получала свидания за решеткой, часть непосредственно. Лично я,—свидания не имела.

Время проходило не у всех одинаково. Большинство из нас, не привыкнув к новой обстановке, разбрасывалось, не зная за что взяться.

Часть товарищей, наоборот, сразу садилась за книги и читала целыми днями, иные совсем ничем не могли заняться, кроме того, что измерять комнату шагами, или лежать вытянувшись на своих койках (у кого таковые имелись), или нарах. Если надоедало читать, петь, лежать, ходить—начинали перестукиваться или переписываться по тюремной азбуке.

При всей строгости изоляции в тюрьме всегда существовали способы передачи писем сидящим в других корпусах товарищам и на волю. Так сидели мы до октября, когда был получен «манифест» о бумажных свободах. Днем громадная толпа народа собралась у тюрьмы, требуя нашего освобождения, камеры обходили товарищи делегаты из толпы, чтобы сообщить нам, что мы свободны. Часов в 12 дня 18-го октября мы все политические заключенные вышли на волю.

С. Осокин.

Социал-демократическая Челябинская организация

в 1902—1907 г.

Незначительный город Приуралья с проведением великого рельсового пути из захудалого, мало-известного Челябинска, имевшего единственный путь сообщения—гужевой тракт, превращается в ценный железнодорожный узел с большим торговым и стратегическим значением. Громадный избыток пищевых продуктов местного района находит не менее значительный сбыт как на центрально-российских, так и на европейских рынках. Безграничный простор рядом лежащих киргизских степей и хлебородная полоса западно-сибирского края привлекает к себе поток колонистов со всевозможными обычаями, наречиями и национальными оттенками.

Местное казачье-крестьянское население сталкивается с новыми более культурными способами обработки полей, которые заносит сюда колонизация из южных и центральных губерний Малороссии и России. Ширится, растет торговля, а вместе с ней и увеличивается покупательная способность крестьянства местных хлеборобов. Как результат этого факта, в Челябинске открывается одна за другой различные конторы и склады всевозможных сельско-хозяйственных машино-орудий.

Акционерное общество «В. Г. Столль и К°, хорошо учитывая благоприятные в коммерческом отношении обстоятельства, основывает небольшой механический завод (ныне имени Колющенко) для выработки сел.-хоз. машин и орудий.

В 1900 г. при 120 человек рабочих заводик начинает свою промышленную деятельность. Имея под рукой Урал с огромным запасом чугуна и железа, а для сбыта своей продукции необ'ятную, только что заселяющуюся Сибирь, завод успешно развивается, увеличивает количество рабочих.

В 1902 г., летом, большие промышленные города России имели, хотя и частичные, но довольно крупные стачки рабочих и учащихся и через Челябинск потянулись в Сибирь арестантские вагоны с политическими ссыльными.

Михаил Анреевич Лоськов*), сверловщик завода «Столль», высланный из Златоуста в Челябинск за участие в рабочем движении, горячо и убедительно рассказывал в цехе небольшому кружку своих юных друзей о том, что сегодня на вокзале будет партия политических и что наша близость к их месту заключения покажет, что куда-б их не везли, как бы их не изолировали, везде есть и будут те, за которых они идут в далекую Сибирь.

В этот день человек 20 столлевцев явились на станцию. Здесь на первых путях стояло несколько вагонов с арестованными. Сейчас-же через решетчатые окна завязался разговор, но появились жел.-дор. жандармы во главе с вахмистром Петровым**) и набросились на рабочих, а Петров яро обрушился на конвоиров—солдат, которые, занимая посты снаружи около вагонов, мало обращали внимания на происходящее. Кто-то из заключенных кричал: «Мерзавцы, не смейте трогать рабочих». В вагонах громко запели: «Вихри враждебные веют над нами». Явившийся из зала 1-го класса жандармский ротмистр приказал отвести вагоны на дальний путь. Это была первая, услышанная челябинскими рабочими, открыто протесующая песня борьбы труда с капиталом.

Лоськов был старый болезненный человек, определенной политической работы он не вел, но, несмотря на это, его появление на заводе оставило в молодых умах глубокий революционно-воспитательный след. Он вел борьбу с бесшабашно-отчаянным ухарством, с поголовным пьянством и с тяжелыми, отупляющими религиозными предрассудками; в то же время довольно умело доказывал, что для рабочего нужен ясный ум, большой кругозор и что при наличии этих данных будет найден путь, по которому нужно идти, чтобы быть свободным человеком в полном смысле этого слова, а не жалким рабочим скотом, влачащим жизнь в угоду паразитам.

В 1903 г. жел.-дор. депо расширяет свою работу, значительно увеличивая ряды рабочих. В Челябинске строятся большие паровые мельницы, открываются с сотнями рабочих крупные чае-развесочные.

---

*) Михаил Андреевич Лоськов—рабочий Златоустовского завода. Один из первых участников рабочего движения в Златоусте. Отличался „обличительным“ способом пропаганды и агитации, независимым характером. Одно время находился под сильным впечатлением Глеба Успенского, Щедрина и пользовался всяким мало-мальским скопищем народа для своеобразных проповедей против власти попов. Из завода его выгнали. Он перебивался, как кустарь. Но и тут не сдался, остался верен своей рабочей правде. Таким он был в 1880–90-х годах. Таким и остался до смерти.

25/X—25 г. *(Сыромолотов).*

**) Ныне расстрелян.

В конце 1904 г. в депо Челябинска и в вагонных мастерских Сиб. жел.-дор. насчитывается около тысячи рабочих, из числа которых образовалась небольшая группа революционно настроенных. Члены этого кружка были тесно связаны одной крепкой мыслью, одним непреодолимым желанием идти вперед, сразиться с тем врагом, который пролил кровь рабочих Златоуста, который в угоду захватнического плана буржуазии беспощадно уничтожает, калечит молодые рабоче-крестьянские силы на Дальнем Востоке (русско-японская война). Члены этого кружка хорошо знали друг друга, взаимно верили один другому, собираясь, толковали о прочитанном и для всех выяснялось одно—чтобы завоевать права труженику и уничтожить эксплоатацию нужно свергнуть самодержавие, покончить с буржуазно-дворянским классом.

В кружок наш входили: Василий Гаврилов, Василий Ломовский, Селышев Павел, Мизин, В. Мержеевский, Кузьма Тарасов, Иван Баталов, Сергей Ивоин, Катков, Николай Симонов, Семен Осокин, Иван Попов, В. Мерзляков, Кучин, Тюрин, Соклаков, Гаврилюк, Лопухин, М. Русаков, Г. Тупаев, Соколов и Пушкарев (последний работал на заводе «Столль»).

Группа наша имела несколько мелких революционных брошюр, сборник революционных песен, несколько популярных брошюр по экономике и вся эта несложная маленькая библиотечка хранилась в депо, в инструментальных ящиках.

В январе 1905 года из газет мы узнали о беспощадной бойне питерских рабочих, устроенной царем и его приспешниками. Возмущение было настолько сильно, что совершенно были забыты необходимые условия конспирации, открыто велись разговоры с окружающими рабочими, что и нам нужно готовиться к борьбе с самодержавием.

Через несколько дней из Путиловского завода к нам пришел паровоз, проводник которого одному из нашей группы дал прокламацию, изданную Р. С. Д. Р. П. о событиях 9-го января. Прокламация была написана сильно, захватывающе: весь ужас кровавого дня вставал кошмарным призраком в глазах читателей, в ней чувствовались стоны и слезы умирающих искалеченных людей и омерзительное торжество палачей—победителей. Хотелось ответить не только, агитацией, нужно было сделать что-то более сильное, демонстративно-внушительное. Наша группа решила перепечатать при помощи гектографа и распространить эту прокламацию. Гектограф не удался, тогда собравшись у одного товарища, несколько человек от руки печатным шрифтом написали 40—45 штук экземпляров, проработав две ночи с 5-ти вечера до

утреннего гудка. В обеденное время была произведена разброска прокламаций. Надо было видеть испуг жел.-дор. администрации и жандармерии, которая сейчас же явилась в мастерские. Переполох еще увеличился, когда пользуясь паром и темнотой в текущем ремонте паровозов, жандармы были освистаны и в них было что-то брошено из небольших паровозных частей.

Вскоре после этого маленького события Мержеевский познакомил меня, Селышева и других товарищей с столярным учеником Романом Пивкиным, который имел связь с местной городской организацией Р. С. Д. Р. П. Теперь представилась полная возможность каждому из нас отдать максимум своих молодых сил для систематической, организованной борьбы не отдельно изолированной кучкой, а тесно связанной общим революционным планом, общими подпольно-конспиративными нитями в одно целое, готовое по известному сигналу к общему дружному выступлению. Это мы ценили, потому, что многие из нас уже имели некоторое революционное воспитание, один по заводу «Столль» другие по Омским и Красноярским главным жел.-дор. мастерским.

Получивши вполне сорганизованную, надежную группу жел.-дор. рабочих, городские товарищи сразу решили провести общее собрание городского и жел.-дор. районов. Собрание было назначено, примерно, в середине марта в сосновом лесу, сзади только что строящегося реального училища. Были даны пароли и выставлены наблюдения за городом на случай, если оттуда, пронюхав о собрании, вздумают нас накрыть. Собралось человек 40. Выступать должен был Абрам Елькин и второй товарищ, фамилии которого не помню. Но первому нашему собранию не суждено было осуществиться: из города сообщили, что не все благополучно и собравшиеся были распущены.

Примерно месяца через полтора за торфяным болотом, за Пермской железной дорогой, общее собрание состоялось, а вскоре после него была сделана массовая расклейка и разброска прокламаций, в распространении которой участвовало человек 20 жел.-дор. товарищей. Наступил 1-й май 1905 года, который был проведен организованно там же, за Пермской железной дорогой, но только дальше в лесу. Выступал Абрам Елькин и еще один из иногородних товарищей—кличка «Николай Иванович». Говорилось о значении 1-го мая, о рабочей жизни промышленных районов России и Западной Европы, о роли и значении пролетариата в революционном движении, пелись революционные песни, горел костер, на котором грелся большой чайник, был хлеб, колбаса и ведро пива (все это нужно было из конспиративных

соображений). Здесь впервые я услышал имя тов. Ленина. Участвовало всего человек 60, было несколько женщин.

Работа Челябинской организации быстро росла, были установлены связи с Самаро-Златоустовским депо, с заводом «Столь» и «Штолль», с рабочими городских чае-развесных, мельниц и пр. мелких предприятий.

Война с Японией достигла высшего своего напряжения, наши поражения следовали одно за другим, а Романовское Правительство из кожи лезло, чтобы удержать своей рекламой влияние на берегах Великого Тихого океана. Сплошной волной катились по Сибирской железнодорожной магистрали поезда с войсковыми и военными грузами, но все это бесследно исчезало в пасти японского империализма. Негодование народа и войск со дня на день росло. Железная дорога изнемогала от непосильной работы, рабочие и служащие считались на военном положении. За усиленные работы была обещана особая денежная доплата «мобилизационные деньги», но они задерживались управлением дороги и, казалось, что нет надежды их получить, — это обстоятельство возмущало даже самые спокойные слои трудящихся.

Учитывая создавшееся положение и горя желанием более активио проявить свои силы, мы, с согласия городской организации, решили провести забастовку. Имея некоторые сведения о других жел. дорожн. пунктах, можно было думать, что к нам присоединятся. Мысль о стачке была постепенно введена в умы рабочих и было видно, что мы можем надеяться на успех.

На городской конспиративной квартире собралось совещание представителей жел. дорожных мастерских и города, на нем детально обсудили план выступления, наметили руководителей и ряд требований:

1. Немедленную уплату «мобилизационных денег».

2. Увеличение заработной платы на 25% всем.

3. Улучшение санитарно-гигиенических условий.

4. Серьезное, внимательное отношение медицины к рабочим и их семьям.

5. Вежливое обращение администрации с рабочими, а особенно с работницами. При этом подчеркивалось гнусное отношение к женщине-работнице со стороны разных старших.

6. Утверждение-признание выборных цеховых делегатов с правом участия их при приеме и оценке поступающих. Увольнения, денежные взыскания, как мера наказания, должны быть только с их ведома и согласия.

7. Удаление из мастерских старшего инструментальщика Лумпова за поступки, нетерпимые в среде рабочих.

8. Немедленная постройка бани вблизи мастерских.

9. Ограничение сверхурочных работ.

10. Увольнение мастера вагонного цеха Яворского.

11. Уплата за все время стачки.

30-го мая тотчас-же после обеда с нижнего ремонта вагонов в паровозный цех по текущему ремонту пришло человек 30—40 рабочих, к ним присоединился весь целиком текущий ремонт, составилась внушительная по своему количеству группа, которая направилась в главные и многолюдные цеха: средний ремонт, токарка, пассажирские вагоны и кузница. В среднем ремонте члены нашей организации и сочувствовавшие при нашем появлении бросили работать, у тех-же, которые боялись примкнуть или были против забастовки, вырывался инструмент, отбрасывалась работа и сами они увлекались толпой. В токарном цехе произошла было заминка, которая могла сорвать наше дело, но быстрота и смелость вожаков спасли положение. Когда с криками: «бастуем», «бросай работу» толпа ворвалась в токарку, то только меньшинство, выключив станки, присоединились, а остальные-же не отходили от места работы. Машинист Бодров на наше требование остановить машину категорически отказался. Механизмы вращались, половина, а может быть даже больше была ещё не снята с работы, из административной конторки звонили по телефону в комендатуру, в жандармское отделение. С минуты на минуту надо было ждать вмешательства вооруженной силы, а это означало полный провал.

Белышев и я отбросили от парового винтиля машины Бодрова, Мизин быстро остановил машину. Все замерло. Вагонный бросил работу, толпа увеличивалась, кузница, самая консервативная, отсталая, под влиянием передовых товарищей потянулась от своих горнов в токарку. На паровозных скатах, приготовленных для обточки бандажей, было открыто собрание.

Говорил Роман Пивкин и кто-то из городских о значении забастовки, о том, кто создает богатства и кто ими пользуется, о тех требованиях, которые нами выставлены. Страсти разгорались, жел. дор. администрация, явившаяся для уговора, была с позором изгнана. С экономических вопросов перешли на политические (в связи с войной). Собрание продолжалось около часу. Наши патрули сообщили, что к мастерским идет отряд солдат. Тогда собрание, приняв решение не сдавать

позиции, пока не поступит полное удовлетворение, было распущено с тем, чтобы 31-го утром собраться у конторы мастерских. Уходя из мастерских, мы сняли с работ рабочих Самаро-Златоустовского и Пермского депо. Звуки победного гудка торжественно рокотали в воздухе, извещая патриархальному Челябинску об открытом выступлении жел-дор. рабочих на путь борьбы с правительством. Вечером на собрании более активной части рабочих в лесу выступал руководитель Челябинской организации тов. Апполинарий (он-же «Леший»), были представители от рабочих городских, чае-развесочных и других предприятий. Здесь-же было решено на утро охранять подходы к мастерским, дабы помешать штрейкбрехерам проникнуть на работы.

Утром 31-го мая около конторы депо собралась большая толпа рабочих. Сюда приводили наши патрули и тех, которые шли с намерением проникнуть в депо для работы. *).

Часов в 8 утра к толпе подошел небольшой отряд жандармов, во главе которого находился жандармский полковник Пермской жел. дор., ротмистр Самаро-Златоуст. и Сибирск. железных дорог, начальник депо и еще кто-то из жел.-дор. администрации.

Требования были напечатаны на гектографе и распространены среди рабочих. Один из таких экземпляров был сейчас-же вручен жандармскому полковнику, а затем от имени всех рабочих выступил я и Кривоножко; для нас заранее было известно, кто и где из членов нашей с.-д. организации должен выступать, но, несмотря на это по предложению наших организованных товарищей, рассыпавшихся в толпе, последняя дружным криком требовала, чтобы все переговоры велись мною при поддержке Пивкина и Кривоножко. Жандармы пробовали возбудить в толпе чувство патриотизма, полковник начал раз'яснять, что значит наша стачка, которая остановила движение войск и воинских грузов и что наш враг Япония пользуется этим, называя при этом наше дело «изменою», за которую виновные могут караться военным судом. Наше руководящее ядро прикрикнуло на жандармов, а я заявил, что мы пришли сюда не мораль выслушивать, а говорить о деле. Начальство присмирело, требования были пред'явлены и собравшиеся

---

*) Жел.-дор. мастерские были оцеплены военными патрулями, дабы помешать забастовщикам попортить станки и машины, последнее обстоятельство послужило на руку забастовщикам, т. к. военные части не допускали и штрейкбрехеров в здания мастерских. На следующий день рано утром все дороги, ведущие в депо были заняты товарищами по два и по три человека, многие имели оружие.

распущены. На другой день было выкинуто об'явление за подписью управления дороги и главного жандармского управления. В нем говорилось, что наши требования удовлетворяются и мы, созвав собрание, постановили приступить к работе, строго следя за точностью выполнения наших завоеваний.

Победа была полная. Политически-воспитательное значение ее для рабочей массы было огромно. Наша организация выросла, приобрела значительный авторитет в глазах рабочих. Работа пошла скорым шагом, значительно увеличилось членство, начались частые массовки, разброски и расклейки; можно было видеть как рано утром городовые, ругаясь самой отборной бранью, неистово скребли не только заборы, но даже двери собственных управлений, где вместо распоряжений с подписью исправника, красовались мелко напечатанные бумажки с жирной строчкой внизу «Долой самодержавие».

Под руководством тов. Апполинария и студента Селехова мы, деповцы, человек 10 в лесу изготовили небольшие цилиндры из тонкого кровельного железа, наполнили их порохом, на который насыпали бертолетовую смесь, а в нее пропустили жестяную трубку с напресованной в ней ватой. Изготовленный таким образом снаряд, обложив очень тонким войлоком, вставили в картонную коробку. Пустое место между коробкой и стенками снаряда наполнили прокламациями, свернутыми плотно в трубку 60—80 штук и влив в трубку с ватой серной кислоты, подвесили этот пробный снаряд на дерево. Минуты через две или три кислота проникла на бертолетовую смесь, которая, воспламенившись, взорвала порох. Получился довольно громкий удар и дождь прокламаций. В ближайший праздник городской сад, благодаря какой-то приезжей знаменитости, был битком набит шатающейся публикой. Увлеченные первой удачей вечером в саду, мы взорвали два таких снаряда. Картина получилась эффектная: сначала смертельный испуг бывших в саду городских властелинов, а затем их глупое положение, когда гуляющая публика, особенно учащиеся, в их присутствии расхватывали и читали прокламации. В то же приблизительно время на всякий случай были изготовлены бомбы, сила разрушения которых была довольно значительна. Одна (специально приготовленная только для испуга) была брошена в окно инструментальщика депо Лумпова, чтобы вразумить его. (Постановлением рабочих во время забастовки он был выброшен за шпионаж, но было принято его искреннее раскаяние и он снова был возвращен в рабочую среду. Через несколько дней после забастовки у

жел.-дор. ротмистра Давыдовского появился точный список передовых рабочих и было установлено, что эту услугу оказал жандармам Лумпов). Хозяин дома стал гнать Лумпова с квартиры и никто другой не хотел пустить его, боясь за себя и за свой дом. Рабочая организация потребовала, чтобы Лумпов оставил Челябинск, он уехал, но через полтора или два года было точно установлено, что Лумпов стал другим человеком, в корне изменив свое мировоззрение.

В это время в городском и жел.-дор. районах велась кружковая работа, а из более активных и способных товарищей Апполинарий создал особый кружок для подготовки будущих пропагандистов.

Наступили грозные октябрьские дни. Взрыв народного негодования потряс до основания устои нелепого абсолютизма, и казалось, что кровь 9-го января должна была быть отплачена кровью царя и его приспешников. По необ‘ятной России могучей волной прокатилась всеобщая забастовка. 11-го октября группа телеграфистов ст. Челябинск пришла в депо и известила, что многие российские железные дороги об‘явили всеобщую политическую стачку. Для нас было этого достаточно, т. к. наша организация, а также и рабочая масса были готовы к выступлению и громкий рабочий гудок оповестил, что рабочие вливаются в мощные пролетарские ряды восставших.

С пением марсельезы рабочие вышли из мастерских и по призыву партийной организации двинулись на другие предприятия: так были остановлены работы Самарской и Пермской ж. д., депо и заводов «Столль» и «Штолль», в казенном винном складе, в чайных развесочных, в городской электростанции, на жел.-дор. водокачке, почтово-телеграфной конторе и т. д. Везде произносились речи, призывающие ко всероссийской общей забастовке и к свержению самодержавия, давались гудки, опускались пар и вода из котлов, от поездов отцеплялись паровозы и тут же охлаждались. Наши трудовые братья единодушно присоединялись и силы Челябинского пролетариата росли. Рабочим оказывали сопротивление жандармы, где отличался жандарм Петров, хозяин завода «Штолль» и большой наряд полиции, закрывшийся во дворе винного склада. На требования рабочих открыть—пристав Лепицин ответил, что у них нет ключей. Тогда железнодорожники с пением революционной «дубинушки» взяли на руки массивные железные решетчатые ворота и сняли обе половинки с навесов, рабочие винного склада были освобождены и работа остановлена.

У жел.-дор. водокачки полиция и военные патрули не хотели дать остановить работу, но рабочие массы оттеснили их, а когда тов. Аппо-

линарий и Соломон Елькин крикнули: «Долой полицию» толпа подхватила этот крик и «власть» позорно бежала.

Надо сказать, что наши руководители всегда были окружены более стойкими и вооруженными товарищами.

На следующий день собрались большие массы рабочих на Александровской площади (ныне имени Ленина). Городской голова Бейвель и еще кто-то из городских властей уговаривали успокоиться и разойтись. Рабочий депо Пивкин от имени собравшихся заявил: «мы обсудим положение дел в России и, вынеся определенное решение, безусловно разойдемся, сейчас-же мы требуем, чтобы нам не мешали. «Бейвель тут же вслух переговорил с командиром казачьей сотни, находящейся на площади, последний ответил, что он ничего не имеет против собрания, когда-же собрание было открыто, то казаки напали на народ и стали избивать нагайками.

Ядро с руководителями довольно спокойно отошло на соседнюю улицу, где уже собралось много рабочих и, выкинув красные знамена, с революционными песнями двинулись на станцию. Казаки ехали на некотором расстоянии от демонстрантов. Руководящая группа заняла задние ряды на случай, если повторится нападение, чтобы защитить собою толпу и дать отпор. С приходом на станцию среди жел.-дор. путей был открыт многолюдный митинг. Говорили Апполинарий, Елькин, Джон и другие. Казачий отряд, оставив коней за жел.-дор. канавой, пешим строем был подведен к митингу и бездействовал; в это время со стороны Кургана подошел воинский поезд (дорога бездействовала и дальше от Челябинска, но как выяснилось после, желая перекинуть на помощь Челябинску войска, ночью был заправлен депо Курган паровоз и взята насильно бригада машиниста Болдырева). Поезд высадил не менее батальона солдат в полной боевой готовности. Начальник Челябинского политически-неблагонадежного гарнизона генерал Поруцкий потребовал разойтись, на что тов. Джон ответил зажигательной речью, тогда по сигналу рожка под дробь барабана серая солдатская масса с ружьями на перевес бросилась на собравшихся. В толпе произошла паника, многие сильно поушибались, полетевши с высокой насыпи, Солдаты были остановлены, а народ уже вновь собирался около жел.-дор. клуба, где казаки многих избили, пуская в ход нагайки и клинки. Было арестовано несколько человек, но один из них Пивкин был сейчас-же отбит. При этом были сильно ушиблены два казака (сброшены с лошадей на камни). Подоспевшими на помощь казаками Пивкин был вновь схвачен, а его освободители, отбиваясь от клинков, успели скрыться.

Арестованные по требованию рабочих и служащих дня через два были освобождены. Через несколько дней более активные деповцы, члены РСДРП, были вызваны вечером в город для работы по изготовлению бомб и для организации боевой дружины. Собравшиеся в город вечером были извещены, что в Петербурге об'явлена конституция и что сегодня местная либеральная буржуазия собирается в здании городского собрания, что наш комитет РСДРП предлагает явиться нам туда-же, чтобы общими силами сорвать радость городских либералов и открыто им показать, насколько ничтожна и безусловно вредна для рабочего класса эта пресловутая свобода. Когда началось собрание, кандидат на председательское место со стороны буржуазии врач Ляпустин был нами категорически отвергнут и с большим шумом проведен наш партийный работник Апполинарий. Буржуи были встревожены и парализованы нашей смелостью настолько, что некоторые голосовали за наше предложение, большинство-же более матерых—закоренелых кровососов заявили, что они вынуждены оставить собрание, т. к. здесь не свободное решение вопросов, а насилие, их проводили криками: «Долой самодержавие» и «Смерть капиталу».

На утро из жел.-дор. мастерских грандиозная демонстрация двинулась в город, выступали те-же ораторы, которые говорили на предыдущих митингах. Говорили, что значат эти политические свободы и чего действительно должны добиваться трудящиеся. Подойдя к тюрьме (ныне Народный банк), народ хотел узнать нет-ли политических заключенных.

Начальник тюрьмы уверял, что их нет, но ему никто не верил. Тогда от демонстрантов была выбрана делегация: Соломон Елькин (через несколько лет получивший каторжные работы), Апполинарий, Пивкин, Осокин, Мержеевский и другие, которые вошли в тюремный двор, опросили заключенных и познакомили их с событиями (политических не оказалось). У главного полицейского управления (ныне—Рабочий Клуб) толпа сорвала погоны у исправника города и заставила его снять фуражку перед рабочими знаменами.

Около собора между улицами Рабоче-Крестьянской и Цвилинга (нынешнее название) был проведен громаднейший митинг, после которого демонстранты разошлись. Местная буржуазия, полиция и попы повели черносотенную агитацию, говоря народу, что во время митинга у собора кто-то из демонстрантов, зайдя в собор, оскорбил святыни, вставляя папиросы великим чудотворцам, и что священники, бывшие в это время на площади, также подвергались оскорблениям и т. д.

Агитация была направлена против евреев, жел.-дор. рабочих и учащихся. Кулацко-мещанский элемент, любители легкой наживы и темная невежественная масса двинулась из-за моста на Уфимскую (ныне Рабоче-Крестьянская), где и началась дикая расправа,

Рано утром тревожным гудком было созвано общее собрание в мастерских, где были выбраны делегаты 8 человек, которые должны были отправиться к начальнику гарнизона и потребовать прекращения погрома, начатого с его разрешения, в противном случае рабочие своими силами расправятся с громилами. Двое из делегатов—Мержеевский и Осокин случайно отделились от делегации и попали на Уфимскую, где дикая орда, под прикрытием казачьих отрядов, вершила свое гнусное дело. Видя, что кучка громил бьет одного товарища, члена городской организации, делегаты вступились за избиваемого товарища, имеющимся оружием было ранено несколько человек из погромщиков. Нападение на громил было столь неожиданно, что толпа под напором двоих поддалась, но скоро поняв силу нападающих, черносотенцы со всех сторон напали и жестоко избили их. Подоспевшие казаки добавили от себя и, арестовав, доставили в главное полицейское управление.

Рабочие депо и завода, получив неудовлетворительный ответ от начальника гарнизона и узнав об избиении своих товарищей, вооружились, кто чем мог, и двинулись в город, но вынуждены были остановиться около Народного Дома, т. к. войска, численностью в батальон и 2-х сотен казаков, преградили дорогу. Возбужденные рабочие рвались в город, чтобы разделаться с черной сотней и выручить своих товарищей. Палачи, командовавшие войсками, приготовили свою силу для расправы и безусловно результаты были бы печальны для рабочих, если бы не вмешательство военного врача Ерофеева.

Военно-дезинфекционный поезд, которым он ведал, имел сознательную команду из 17 человек. Команда эта, вооруженная как и он, пошла с рабочими. Представители от рабочих, в числе коих был врач Д. Ерофеев, в сопровождении городских «сатрапов» были пропущены в город и освободили 10 человек избитых и арестованных железнодорожников, в том числе Мержеевского и Осокина. Пострадавшие от погрома евреи, благодаря заботам врача Ерофеева, получили безопасное убежище в Красном Кресте (на переселенческом пункте). Черносотенный город и революционные рабочие поселка оказались в положении воюющих. Были попытки ночного поджога ближайшей стороны поселка к городу городскими хулиганами. Рабочая дружина, пополненная новыми това-

рищами, охраняла покой и порядок жел.-дор. поселков. Через несколько дней после погрома патруль жел.-дор. дружинников около поселка столкнулся с отрядом городских хулиганов, последних поддержал откуда-то появившийся отряд казаков и только благодаря тому, что поезд врача Д. Ерофеева стоял на переселенческой ветке, что было близко к месту столкновения, дружинники успели спастись. Вскоре после этого ночью отряд казаков обстрелял поезд Д. Ерофеева. Команда поезда, имея винтовки, вышла из вагонов поезда и, заняв позицию за насыпью ветки, отбивала не менее часу нападение казачьих банд. Со стороны революционного поезда был ранен один солдат и убита лошадь врача, со стороны казаков пострадало двое.

В начале декабря революционная борьба значительно обострилась и усилилась. Челябинскими рабочими был установлен 8-мичасовой рабочий день. Жел. дор. была в руках рабочих. Было усилено движение воинских поездов с солдатами с Дальнего Востока, которые, измученные физически и морально, ехали по домам. Эти войска глубоко ненавидели офицерство, открыто презирали все правительство и было ясно, что раз'ехавшиеся по домам они подольют масла в разгоревшуюся революцию; кроме этого жел. дор. пропускала необходимые грузы для населения. Буржуазия-же, чиновничество и пр. слуги капитала и царизма не могли продвигаться. Жел.-дор. клуб (ныне имени бессмертного Ленина) являлся главным революционным штабом, где происходили многолюдные митинги*), производились сборы средств на оружие**).

Власть растерялась и бездействовала. Прибывшие из уезда новобранцы и местный гарнизон в большинстве сочувственно относились к революционным рабочим***). Были предложения арестовать местную власть, забрать город в свои руки, но сознание малочисленности рабо-

---

*) На митинге выступали студенты Сурьянинов, Сибирин, телеграфист Дубовицкий и члены местной жел. дор. с.-д. организации.

**) В жел.-дор. районе боевая дружина насчитывала свыше 100 чел. вооруженных Смитами, бомбами, небольшим количеством браунингов. Во главе дружины стоял машинист Добнов, вся жел.-дор. дружина делилась на боевые десятки, имея во главе решительных и преданных товарищей.

***) С новобранцами велась связь через челябинского рабочего новобранца тов. Кузнецова, который потом в Вильне 9 июля 906 г. после разгона первой Государственной Думы и Выборгского восстания участвовал в вооруженном восстании в войсковых частях, за это был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой.

чего класса и то, что Челябинск является гнездом реакционного казачества, останавливала от этого.

В декабре пали московские баррикады, а вместе с ними пали и их храбрые защитники. Наступила волна правительственной реакции. В Челябинске было об'явлено военное положение. Диктатором назначен генерал Стельницкий.

Одна из больших камер челябинской тюрьмы была наполнена местными руководителями революционного движения: студент Сурьянинов, студент Сибирин, Рукавишников, Рогалев, Лавров, слесарь Роман Пивкин, кустарь Витькин, машинист Поплавский, конторщик жел.-дор. Мочалкин, весовщик жел. дор. Ильиных, слесарь жел. дор. Семен Осокин, техник жел. дор. Тульников, техник жел. дор. Егоров, портной Обольский, конторщик жел.-дор. Россолов и телеграфист Дубовицкий. Проявляя волю кровавого Николая, генерал Меллер-Закомельский, подобно ядовитой гадюке, прополз по великой Сибирской магистрали, мстя и жестоко расправляясь с рабочим классом.

Челябинская тюрьма пополнилась, в числе вновь арестованных были начальник участка службы тяги Сиб. жел. дор. Крупышев и его помощник В. Пороховников.

При посещении тюрьмы генералом Стельницким политические заключенные не только не встают, но и не отвечают на его вопросы. При выходе же его из камеры раздается песня: «мщение и смерть всем царям плутократам, близок победы торжественный час». Администрация отвечает некоторыми репрессиями, но видя, что этим не доймешь, прибегает к гнусному средству—провокации. Среди глубоко невежественной уголовной массы тюремная администрация ведет агитацию, что благодаря политикам завинчивается тюрьма, отнимающая общие прогулки, игру в карты и т. д. Но и эта провокация не достигает желаемых результатов: среди уголовных находились неглупые люди, которые расшифровали желание ментов (тюремной стражи) и не восстали против нас. По отношению-же к пересыльным политическим товарищам—эта провокация частично удалась, уголовными были побиты два товарища и могло бы произойти серьезное избиение, но мы выбили двери камеры, загородив собою пересыльных, заявили уголовным, что мы члены одной семьи, что, избивая проходящих политиков, они избивают нас. Конфликт был исчерпан и в дальнейшем подобные явления не повторялись.

Жили коммуной. Многие пополняли свои знания, изучая элементарные предметы, читалась история культуры, политэкономия и другие серьезные книги. Прочитанное передавалось устно и излагалось на бумаге. В нашей камере собирались пересыльные, были диспуты между с.-д. и с.-р., но победа всегда оставалась за первыми. Мы были в восхищении от одного товарища-рабочего, шахтера с юга: не получивший никакого образования, но одаренный большими способностями, он при помощи самообработки достиг больших знаний, речи его были глубоко содержательны и замечательно хорошо укладывались в понятии слушателей. С простым рабочим лицом, грубыми мозолистыми руками, самоучка-марксист несколькими словами выбивал почву из-под ног своих противников эс-эров-интеллигентов с высшим образованием. От него мы много слышали о тов. Ленине, которого он называл лучшим, неизменным другом трудящихся всего мира.

Весной 1906 г. большинство челябинцев пошло в ссылку, а в конце лета многие из них уже бежали и с новой энергией принялись за работу в подпольи.

В. Гарохов

Челябинская организация в 1906—1907 г.

Октябрьские «свободы» кончились. Полиция по пунктам проводила в жизнь слова манифеста.

Злейшая зима и злейшая реакция сковали на некоторое время революционную политическую инициативу местных групп рабочих. В Челябинске, как и везде, была введена усиленная охрана, стояла сотня казаков и был назначен генерал-губернатор Стельницкий. Почти все активные работники переместились в тюрьму, ставшую с тех пор центром внимания рабочих. Там сидели руководители местной с.-д. организации: Осокин, Сибирин, Суртянинов, Рукавишников, Мержеевский, Дубовицкий и др.

Злобой дня в этот период был Меллер-Закомельский, о подвигах которого знает каждый рабочий, каждый стрелочник всей великой Сибирской магистрали. Путь свой Закомельский держал в Красноярск, где рабочие и солдаты под командой революционера—рядового Кузьмина—выдержали героическую борьбу с царскими слугами и об'явили Республику. По дороге туда, на полустанках, «страха ради» Закомельский вешал рабочих и телеграфистов на фонарных и телеграфных столбах.

В эти черные дни полицейского наступления, приблизительно в феврале месяце 1906 года, в чае-развесочной Губкина-Кузнецова и Высоцкого, в которых работало около 400 человек рабочих, по иницативе самих рабочих вспыхнула забастовка на экономической почве, которая вскоре же затем прекратилась, так как главные требования рабочих были удовлетворены.

Забастовкой этой руководили рабочие Некрасов Н. И., состоявший в организации с.-д. и носивший кличку «Тормаз», Будрин, Коротаев Сергей и Михарев—служащий. Между прочим, рабочие крайне были заинтересованы с'ездом развесочников в Москве, куда ездил делегатом Будрин, привезший оттуда резолюции С'езда и давший толчек к организации профессионального Союза. Забастовка эта носила в то время характер вылазки из осажденной крепости. Рабочее движение доказывало свою живучесть, партийная работа не умирала. Весной под непосредственным руководством приехавшего из Сибири тов. «Сергея» (Гладышев), Владимира Цвиллинг (брат известного челябинцам, Самуила Цвиллинг, погибшего на дутовском фронте), Бориса Пентегова, Михаила Шмотина были возобновлены связи, организован кружок пропагандистов,

в который вошло в начале до 12 человек. Начались массовки. Всего в организации насчитывалось человек 100—200.

Из других активных работников железнодорожного района принимали живейшее участие в организации рабочие Роман Пивкин, Николай и Валентин Артамоновы, Ал. Калугин (телеграфист) и Мочалкин—конторщик.

Первое время массовки были немногочисленны, обычно не превышали 100—200 человек. Место для массовок обставлялось конспирацией, чтобы попасть на место сборища, нужно было пройти через цепь патрулей и знать условный пароль. Тем не менее, полиция по этим патрулям, которые часто не могли замаскировать тщательно цель своего нахождения в лесу, легко добиралась до массовок и разгоняла их. Опыт, однако, научил, как маскировать и скрывать место массовок и они потом проходили без всяких инцидентов, привлекая к концу лета до 400—500 человек.

Большой толчек организации дал приехавший нелегально в половине 1906 года из центральной России т. «Староста», обнаруживший великолепные организаторские способности и обладавший к тому же даром слова и неиссякаемой энергией. Под его руководством организация быстро стала шириться и крепнуть, состояла она по преимуществу из рабочих депо, завода Столль, чае-развесочных, паровой мельницы Губкина-Кузнецова и кожевенных заводов. К осени организация насчитывала уже 500 членов, имела типографию, выпускала прокламации. Центр тяжести работы как-то сам собою переместился в рабочие районы: «Порт-Артур», к заводу Столль и на окраины кирпичных заводов.

В половине лета под непосредственным руководством «Старосты» успешно прошла забастовка самых неорганизованных, отсталых рабочих мельницы Губкина-Кузнецова, которая находилась в 5 верстах от города. Забастовка длилась около 2-х недель и закончилась удовлетворением экономических требований. Это сильно подняло настроение рабочих и усилило интерес их к партии.

Вскоре затем возникла вторая забастовка в чае-развесочных, которая длилась более 30 дней, руководимая стачечным комитетом из рабочих. Почти каждый день устраивались собрания, на которых выступал «Староста». Забастовка закончилась удовлетворением частичных требований, но зато не обошлась и без репрессий: около 30 человек наиболее активных рабочих были уволены.

Таким образом к осени Челябинская С.-Д. организация окрепла не только в количественном отношении, но и проявила большую организационную активность.

Помнится, что именно в этот момент в организацию были вовлечены настоящие кряжи из рабочих, имеющие за собою по 40 лет жизни, лет по 20 пролетарского стажа и при том отцы семейств.

Не могу забыть яркой картины, как один из рабочих депо, по фамилии Колющенко, побывав раза два на массовках, привел с собою на третью массовку двух взрослых сыновей, чтобы приобщить их к партии, заявив при этом, что у него имеется еще взрослая дочь, которую он также просит принять в партию. В этот же момент в организацию вошли такие рабочие, как Петухов, Косьянов, Злобнов, Давыдов, Орешкин, Григорий Осипов—наборщик, Н. Обросов (он же Шляпин) и многие другие. Все они были люди многосемейные, кроме Обросова, и, тем неменее, когда настала зима, все городские конференции и кружки собирались ни у кого иного, как у этих рабочих, и я не помню случая, чтобы кто-нибудь из них и когда-нибудь отказал в этом.

Жили они все в тесных домишках на окраинах города и неурочное появление в их квартирах 20—25 человек, если не было обязательно сопряжено с провалом, то во всяком случае вызывало подозрение соседей. Правда, собирались в большинстве случаев под покровом ночи и при условии соблюдения строжайшей конспирации и тишины. Часто приходилось говорить вполголоса, ибо стены были далеко не капитальные, сидели в полутьме или даже вовсе без огня.

Глубокой осенью, когда уже прекратились массовки, были организованы в разных частях города кружковые занятия. Два кружка, человек по 15—20, собирались в «Порт-Артуре», большей частью в квартирах рабочих депо Касьянова и Колющенко, один в Никольской слободе в квартире братьев Кочетковых из рабочих завода Столль. В кружок этот, между прочим, входили тов. Ратнев—ныне член Екатеринбургской окружной контрольной комиссии. Три кружка в Привокзальной слободе «Нахаловке»; один кружок в городе для рабочих чае-развесочной, один кружок для рабочих кожевенных и кирпичных заводов, собиравшийся в заречной части города в мастерской Шумакова и один для розночинной городской публики и учащихся женской гимназии и реального училища.

Все кружки поровну обслуживались «Старостой», В. Цвиллингом и мною.

Занятия в кружках велись всю зиму по программе Лебедева. *).

Помимо кружков, регулярно созывались собрания организаторов районов и общегородские конференции.

---

*) Легально изданная в „дни свобод“ программа для кружковых занятий.

Собрания эти происходили в Привокзальной слободе и в городе на разных квартирах, но большей частью у рабочего депо Петухова (состоящего доныне в нашей партии), рабочего Здобнова и изредка у других, фамилии которых, к сожалению, не сохранились в памяти.

Был также организован мусульманский кружок, в котором непосредственное участие принимал молодой мусульманин под кличкой «Шах», приехавший из Казани и неожиданно исчезнувший, т. к. были основания подозревать его в провокаторстве.

Пока в Челябинске возглавлял организацию «Староста», а он с небольшим перерывом проработал в ней до весны 907 года, организация имела меньшевистской уклон, т. к. «Староста» был меньшевик, и он пользовался в организации большим авторитетом, хотя сама-то организация имела иную закваску и по настроению была склонна к бойкоту первой думы.

Правда, на городских конференциях в решительных случаях группа активных товарищей высказывалась за бойкотскую точку зрения, но товарищи эти не могли бороться с таким авторитетом и мастером аргументации, как «Староста».

Приблизительно в декабре месяце 1906 г. организация деятельно готовилась к предвыборной кампании во II-ю Государственную Думу и принимала активное участие в избрании выборщиков на Губернский С‘езд, выставляя своих кандидатов.

Если не ошибаюсь от Челябинска в качестве выборщиков на губернский с‘езд прошли эс-деки—мусульманин Касанов и Орешкин и демократы—Балакин (учитель), Еврейнов—адвокат (легальный марксист).

Все они, конечно, в Оренбурге на губернском с‘езде выборщиков были провалены помещичье-буржуазным блоком.

В январе 1907 года «Староста» выехал в Оренбург, с целью развернуть там выборную кампанию во II-ю Думу, а затем снова возвратиться в Челябинск.

Одновременно с ним выехал туда же и я, но на обратном пути через Самару я попал на общее собрание организации С. Д. Р. П. и был арестован в числе 120 человек.

Возвратился я в Челябинск уже к осени 1907 года.

В это время в Челябинской организации и произошли перемены в руководящем составе.

«Староста» по возвращении из Оренбурга работал уже немного, а его сменил большевик Михаил Краснов-Иконицкий.

Кроме этого, организация пополнилась другими активными товарищами, а именно: Марией Пиньжаковой (секретарь комитета) и Фокой Кретовым. Все лето 1907 года, по воспоминаниям т. Клепацкого, устраивались массовки и велась кружковая работа.

От Челябинской организации на Лондонский С'езд партии ездил «Михаил».

По воспоминаниям тов. Клепацкого, организация имела нелегальную типографию на вокзале, в которой работали двое: П. Васильев и С. Клепацкий. В августе 1907 г. на Сибирской линии забастовали рабочие Курганского депо и Омских мастерских.

По этому случаю в Челябинском депо настроение было приподнятое, шло брожение и со дня на день ожидали забастовки.

Оформить эту забастовку взялся „Михаил", который и выступил на летучем митинге, при выходе рабочих из депо.

На этом митинге решено было работу прекратить и еще раз собраться всем, чтобы обсудить требования и избрать стачечный комитет. Подобного же рода предварительные митинги должны были быть организованы у рабочих чае-развесочников, куда прикомандировали „Фоку", и на заводе Столль, на котором мне также удалось провести решение о присоединении к забастовке.

Я немогу сейчас восстановить в памяти, какие рисовались в то время возможности и перспективы в связи с этой забастовкой, но помнится, что мы ожидали от нее чуть ли не начала новой всеобщей железнодорожной стачки.

Добившись очень быстро реальных результатов в смысле расширения железнодорожной забастовки на городских рабочих, „Михаил" откомандировал меня в Златоуст, чтобы связаться с Златоустовской организацией и призвать также златоустовское депо к поддержке, а если возможно, то и рабочих Златоустовского завода. В Златоустовском депо настроение рабочих оказалось также приподнятое и они присоединились к забастовке.

Однако, дальше Омска в одну сторону и Златоуста в другую забастовка не распространилась, а, наоборот, не успел я возвратиться из Златоуста, как уже получил сведения о том, что забастовка прекратилась и при том прекратилась совершенно неорганизованно.

Железнодорожная администрация и жандармерия, почуяв новую угрозу для себя и при том на таком сравнительно большом участке, как Омск-Челябинск-Златоуст, приняла решительные меры, как к пре-

кращению забастовки, так и вообще к ликвидации всяких возможностей к будущим забастовкам.

В Челябинске, например, с рабочими расправились весьма свирепо: около 300 человек рабочих было уволено и передано в руки жандармов, а затем высланы из Челябинска. В число этих 300 человек попали не только активные работники организации, но и рядовые члены ее и сочувствующие.

В ссылку эту ушли: Колющенко, Касьянов, Давыдов, Здобнов, Орешкин, Петухов—словом депо очистили от «крамолы».

Это был первый, весьма ощутительный удар по Челябинской организации, после которого она долго не могла оправиться и снова восстановить связи с депо. На заводе Столль также кой-кого из активных просеяли, а многим пришлось удирать самим.

В самой организации произошли также перемены. „Михаил“ уехал, оставив после себя боевую дружину, которой он крайне увлекался, а руководство организацией перешло к т. «Фоке»—Кретову.

Вскоре затем, именно в октябре 1907 г., на квартире Перевалова арестовывается городская конференция из 25 человек и в число арестованных попадают: Фока Кретов, М. Шалыто, П. Второв-журналист, С. Ряховский, Жуковский, Н. Крылов, Н. Седов, С. Пеньков, Петр Бондырев, Ст. Клепацкий, Воронов, Пивкин, Харчистов, Илья Изможеров, П. Мингинович, Соломон-Нодель—реалист, К. Фирсова—гимназистка.

Всех их потом судили в 1909 году по 1 ч. 102 ст. (кроме Соломона Нодель и К. Фирсовой, которые были признаны действовавшими без разумения и от суда освобождены). Палата приговорила всех к ссылке на поселение, кроме Клепацкого, как недостигшего совершеннолетия, который получил 1 год тюрьмы и Кретова, получившего 6 лет каторги.

После арестов конца 1905 года, это был первый квупный провал, весьма повлиявший на работу С. Д. организации.

В общем же условия для нелегальной работы в Челябинске были относительно сносны: полиция была к политическому розыску не приспособлена, а жандармерии в Челябинске, как уездном городке, было всего лишь 3—4 человека, во главе с ротмистром.

Кроме того полиция до такой степени была продажной, что за 3 целковых можно было купить кого угодно, начиная от городового и кончая самим исправником. Беспаспортные, ссыльные и евреи, не имевшие права жить в городе—все платили ежемесячно от 3 до 15 целковых и жили, как у „Христа за пазухой“.

Особенно благополучной в этом отношении была 3-я часть, которой ведал взяточник Гоголевских времен—надзиратель Мордвинцев.

Ввиду провала конференции, а вместе с нею и наиболее активных работников, Уральский Областной Комитет Р. С. Д. Р. П. был озабочен восстановлением организации, для чего в Челябинске неоднократно посылался Евг. Преображенский, собиравший здесь уцелевшую публику и пытавшийся вновь оформить организацию.

Попытки его, однако, не увенчались успехом, т. к. 3-го марта 1908 года в квартире Баландина вновь провалилась конференция из 11 человек, а именно: Баландин, Блошкис, Лапидовский, Черепанов, Андреев, Крылов, Герцман, Фролов, Сима Каплун, Винокуров и Преображенский, назвавшийся Алексиным. До суда содержались под стражей трое: Блошкис, Гецман и Преображенский.

При чем Винокуров, как выяснилось на судебном следствии, по приказанию исправника **не был включен надзирателем Козловым в протокол о задержании и «по неизвестным мотивам» был освобожден из полицейского управления**.

Преображенский бежал из полицейского управления и был задержан в Уфе значительно позже.

Дело 11 разбиралось в марте 1909 года в Саратовской Судебной Палате, которая осудила всех на поселение, кроме Фролова, который был оправдан. Сима Каплун, будучи освобождена на поруки, от суда скрылась.

О боевой дружине.

Характеристика деятельности Челябинской организации была бы неполной, если бы не была освещена деятельность боевого отряда, состоявшего на особом положении.

Я уже упоминал, что вдохновителем и организатором этого отряда был Михаил Краснов, после от‘езда которого боевики проявили себя в нескольких экспроприациях.

В начале этот отряд имел нечто вроде штаба в Челябинске, а затем центр его переместился в Златоуст и Уфу.

В отряд этот входили Роман Пивкин, Иван и Семен Осокины, Валентин и Николай Артамоновы, Алексей Калугин, Никита Кочетков и другие.

Именно этой группой были совершены экспроприации в Чумляке, в общественном собрании и на ст. Миасс, носившие организованный политический характер.

Что касается остальных эксов, имевших место в районе Челябинска, то они совершались уголовным элементом и некоторыми отщепенцами, отколовшимися от основного ядра.

Эксы имели место в период 1906—1908 годов.

Чумляцкая экспроприация, удавшаяся вначале, через неделю закончилась арестом Никиты Кочеткова, Николая и Валентина Артамоновых. Удалось бежать из-под ареста одному лишь А. Калугину.

При этом Николай Артамонов, будучи захвачен в квартире, был застрелен вахмистром Чемодуровым на путях ст. Челябинск, а Валентин Артамонов был судим военным судом и по приговору его повешен.

Весьма организованный характер носила вторая миасская экспроприация.

Недели за две до нее отряд боевиков в 21 человек провел в горах Урала, верстах в 25 от Златоуста, обучаясь сигнализации и военным приемам.

Отряд был хорошо вооружен боеприпасам и револьверами.

Нападение на ст. Миасс было совершено ранним утром и притом дело обошлось без жертв, сильно пострадало только станционное здание, разрушившееся от взрыва бомб.

Во время экспроприации подошел товарный поезд, который был встречен отрядом и остановлен. Добыча была погружена в один из вагонов подошедшего поезда, а затем вагон этот с помощью паровоза был угнан до раз‘езда Хребет. Паровозом управляли сами отрядники. В Хребте ожидали заранее приготовленные кони, на которых вся добыча была увезена. Вся эта операция была проделана максимум в один-полтора часа.

Первые дни отряд, разделившись на несколько групп, удачно скрывался от преследований, но полиция и охранка набрели на след и задержали уже на реке Уфе около 4 человек.

По уликам, которые были обнаружены у этой группы, добрались и до остальных. Таким образом почти все участники были по одиночке и группами задержаны.

Всех задержанных было около 15 человек, в числе которых были братья Осокины, Ефремов, Калинин, Терентьев, Козлов, Лопаткин Лаптев, сестры Тарасовы, Калугин, Мельникова и другие.

Военным судом часть из них—Калинин—были приговорены к повешению, а часть к каторжным работам на 15 лет.

Е. Соловьев.

АЛАПАИХА.

(Воспоминания о 1905 г.).

Первые искры революционного пожара, охватившего Алапаиху в 1905 году—были заброшены в массу алапаевских рабочих—жителей деревни Алапаиха—молодой интеллигенцией—учительством и учащимися, распространявшими среди нас литературу в конце 90-х и начале 900-х годов. Это был учитель Д. К. Решетов, ученики Кунгурского Технического училища Н. М. Харлов и Н. М. Коростелев. Через них и рабочего токаря Василия Берсенева, к нам попадали издания образовавшегося в 1900 г. „Уральского Союза С. Д. и С. Р.“—«Пауки и Мухи», «О штрафах», «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «Кто чем живет» и т. д., через них же до нас стала доходить «Искра» и др. заграничные издания. Брошюры эти делали свое дело, мы поняли, что нужно организоваться, что нужно знакомиться с вопросами рабочей борьбы.

Под руководством братьев Коростелевых у нас начались кружковые занятия. В кружки ходили рабочие Гр. Еловских, Яков Бубнов, Афонасий Гуляев, Александр Морщинин, Михаил Лебедев, Михаил Павлов, остальных не помню.

В 1903 г. приехавший в Алапаевск из Перми жандармский генерал Широков с графом Подгоричани-Петрович—произвели несколько обысков, но арестовали только меня и Лебедева. Годом раньше были арестованы у нас рабочие завода Василий Семенович Киселев и Гр. Ив. Кабаков, обвинявшиеся в организации нападения на Тягунские рудники, где крестьянами были вывезены запасы из рудничных складов—хлеб и железо. Кабаков и тогда уже определенно тяготел к эс-эрам и пользовался большим влиянием среди мало разбиравшихся массовиков.

В 1904 г. я уже был на свободе и мы через рабочих Гуляева и Карноухова связались с с.-д. группой Режевского завода, откуда получали литературу при содействии управителя Режевского завода Павла

Егор. Яргина. У него была явка и пароль, а в начале 1905 г. мы уже имели прямую связь с Екатеринбургом, получив явку в магазин Куренщикова, где служила тов. Клавдия Тимофеевна Новгородцева. Получали литературу, за которой отправляли нашего же рабочего Петра Яковлевича Костылева, которого мы в целях конспиративной перевозки литературы заставили торговать галантереей.

В апреле 1905 г. к нам приезжал из Екатеринбурга тов. «Лука» (С. А. Черепанов),—для окончательного оформления нашей С.-Д. Алапаевской группы. Все же нас, определенно считавших себя социал-демократами, было очень немного.

В это время брожение, охватившее всю страну, докатывалось и до Уральских заводов.

На Алапаевском заводе шло глухое брожение по поводу низких расценок труда и намерения администрации понизить заработок еще на 30%. У наиболее сознательных эти недовольства находили себе исход в агитации к забастовке всем заводом. Вели эту агитацию несколько человек:—появившийся в это время приемщик руды Г. Г. Ветлугин и приехайший из Надеждинского завода эс-эр А. Я. Тараканов.

Последователи у нас были, но надежных ребят было мало, почему мы и решили в одно из воскресений—7-го марта—устроить об'единенное собрание в квартире рабочего Леонтия Шадрина. Собралось тут семь человек с.-д. и девять с.-р., был тут Ветлугин, Тараканов, Кабаков Г. И. и др.

Беседовали часа два, читали газеты и спорили о тактике, как вести подготовительные работы, как организовать кружки, увлеклись, а в это время из другой половины сестра хозяйки дома Евдокия Николаевна Тартачева сходила и донесла уряднику Пантюхову, а тот приставу Нестерову, который с 15—20 стражниками явился на квартиру Ветлугина и произвел обыск. Арестовали у нас одного только Ветлугина, у него было найдено 126 воззваний к алапаевским рабочим, напечатанных им на ручной типографии, а 3—4 револьвера, бывшие у некоторых из нас, и еще кой-какие листовки сохранились в люльке у ребенка, куда мы их сунули незаметно от полиции.

На завтра допрашивал Ветлугина пристав Нестеров, 9-го марта приехал из Верхотурья, или Тагила жандармский офицер—Ральпевич товарищ прокурора Шамарин и хотели его отправить в знаменитую Н.-Туринскую тюрьму (бывший ружейный завод, основанный при Николае I), но рабочие завода и рабочие рудников,—главные жители дер.

Алапаихи,—привалили к зданию волостного правления, где содержался Ветлугин—выручать его. Когда Ветлугина провели в Земскую квартиру, толпа хлынула туда. В это время происходила Алапаевская ярмарка, у квартиры торговали колесами, горнорабочие пришли якобы покупать колеса, а сами кричали: «отдай Ветлугина, иначе всех перевешаем на этих лычагах». Видя такую толпу, прокурор Шамарин вынужден был отпустить Ветлугина под надзор полиции.

После ареста Ветлугина и его освобождения работа в массах пошла еще сильнее. Оживилась работа в кружках и молодежь уже готовилась к бою с правительством, запасались кто нарезным оружием, кто гладкоствольной берданкой, а в заводе пики и кинжалы ковали во всю (больше всех перековал В. А. Смолянинов, ныне управдел малого Совнаркома). Оболочки для бомб делались чугунные и железные, динамит приобретался с помощью с.-р. у горнорабочих. Эс-эры могли приобретать динамит, но не могли начинять бомбы, эти взаимные услуги нас и связывали. Они также не могли приготовлять массу для гектографа, а у нас социал-демократов, на этот счет мастеров было много. Через эс-эров мы приобрели динамита около 2-х пудов, и наш окружной комитет отправил его через представителя Областного Комитета в Петербург, вероятно для нужд боевой организации Ц. К.

Жизнь била ключем, прокатка на заводе шла хорошо и вдруг появилось об‘явление о снижении расценок на 30%. Рабочие бросили работу, в других цехах их поддержали и движение росло. Заводоуправление вынуждено было пойти на уступки, разрешило по цехам иметь своих депутатов.

Таким образом, в апреле создался Совет Рабочих Депутатов, куда администрация всячески старалась подобрать покорных и угодливых себе людей. Выставила, например, претензии, что Ветлугин и Тараканов, работающие на заводе меньше года,—не могут быть избраны в Совет, но всетаки их рабочие избрали вместе с членами Совета.

Совет Рабочих Депутатов добился осуществления закона, изданного ранее, по которому рабочим за сверхурочные часы должны платить больше, расценивая час в полтора раза дороже, добились некоторого улучшения со спецодеждой, уменьшения рабочего времени на полчаса в праздничные дни, пожалуй и только, но важно то, что в это же время, под шумок, распространяли революционную литературу, организовали ячейки и членскими взносами поддерживали арестованных рабочих и безработных.

Совет Рабочих Депутатов под натиском беспартийных рабочих вынужден был написать петицию о своих нуждах на имя председателя министров, министра внутренних дел, министра юстиции, министра торговли и промышленности. Петиции были вернуты обратно, почему Совету и пришлось командировать в апреле 1905 г. в Петербург тов. Тараканова, который, конечно, вернулся ни с чем (вернулся без меня уже, мы были 11 и 12 мая с Кабаковым, Г. И., и Ветлугиным арестованы и отправлены в Николаевскую тюрьму-одиночку).

Совет Рабочих Депутатов состоял из С.-Д. и С.-Р., беспартийных стариков было четверо: Н. П. Копалов с болваночной машины, из доменного цеха И. А. Суслов и О. Е. Кочусов и с сортопрокатной машины Г. И. Тюкин.—Совет руководил переговорами с администрацией и намечал дальнейшую линию поведения.

Местные рабочие ставили вопрос ребром: или поставьте нас в сносные человеческие условия, или дайте нам землю. Вопрос тесно переплетался с землей, потому что в это время происходило наделение горнозаводских крестьян. Вопрос о таком наделении обсуждался и на наших собраниях.

Волнение рабочих охватило не только Алапаевский завод, охватило и вспомогательные заводы: В.-Синячихинский, Н.-Шайтанский и Ирбитский. Везде вырабатывались и пред'являлись свои требования не только заводскими рабочими, но и окрестными заводскими крестьянами. Были случаи вытаскивания администрации и мастеров на тачке, рабочие были крайне возбуждены, мстя за все прошлое. Нашей небольшой социал-демократической организации приходилось несколько сдерживать от нежелательных выходок неорганизованную толпу.

Движение росло. Администрация принимала свои меры: число стражников увеличивалось, местность об'явлена была на чрезвычайной охране, а охранять было нечего, что и заставило заводоуправление совместно с полицией устроить провокационные пожары, дабы поднять панику среди обывателя, который выступил против рабочего. На первых порах некоторые из погорельцев поверили, что жгут «политики», как нас в то время называли, и меня один из погорельцев, бывший старшина А. Л. Густомесов, чуть не застрелил, выпустив в меня 5 пуль.

На другой день, после покушения на меня, утром ко мне привозит из Режевского завода сын священника Старцев тюк нелегальной литературы. Стоим мы с ним под сараем, собрались тут-же некоторые соседи и рабочие, распрашивают как я мог отвертеться от пяти вы-

стрелов Густомесова, в это время пришедший в Алапаевск батальон солдат оцепил весь квартал, а во двор вошли тов. прокурора, жандармский ротмистр, пристав, три урядника и человек десять стражников. Старцев едва успел литературу бросить к квартирантам под крыльцо, начался обыск, не помню, какие-то брошюрки нашли, что-то вроде «Тактика уличного боя», еще какую-то брошюру Ленина, попросили одеться и арестовали меня. В арестное помещение привели первого. Слышу набатный звон и стражник, охранявший меня сказал, что горит у завода дом Н. С. Новоселова, во время этого пожара привели арестованных т.т. Ветлугина Г. Г. и Кабакова, рассадили всех по разным комнатам, а вечером нас отправили в Николаевскую тюрьму.

Картина была жуткая, весь день происходили пожары, звонили в набат, обыватели выехали на Ялань, побросав дома, забрав пожитки и скот. А жандармы, глумясь над нами, указывали «вот ваша работа». От В.-Синячихи нас повезли ночью, и на беду у переднего экипажа в 4-х верстах от селения спала шина с колеса. Бедного ямщика чуть не пристрелили, подозревая, что он остановился с целью, чтобы нас отобрали. Ехал я под охраной жандарма Обухова, который сопровождал меня при моем первом аресте в 1903 году. Он же при Колчаке в 1919 году вез меня из Алапаихи в Екатеринбургскую тюрьму, а до Алапаихи из Омска я был доставлен его сыном поручиком Обуховым. Судьба вручала меня попечению отца и сына Обуховых.

Пожары продолжались и влиятельные люди в обществе, как Коробкины и Густомесовы, начали собирать на берегу сходки, кричали: «сослать всех надо в Сибирь». Такое решение было вынесено на общем сходе. Меня из слесаря превратили в химика, назвав организатором преступного сообщества шайки поджигателей.

Не могу допустить мысли, чтобы кто-либо из местных или приезжих рабочих участвовал в поджогах частных домов, чьи-бы они не были. Возможно, что кто-либо по глупости поджег за селением заводские корни, или дрова, но это, конечно, другое дело. Были и такие явления во время пожара: в доме Барона поймали стражника Кирилла Борисихина, поджигающего веники, а на пожаре у Овчинникова и Самодурова найдена была кисточка от шашки полицейского, это и многое другое заставило население не верить в злостную клевету на нас рабочих и просить эту полицию заменить другой.

Пожары кончились. Сознательных рабочих засадили, часть разослали, но чем больше репрессий было со стороны полиции, жандар-

мерии и прокуратуры, тем больше рабочих входило в местную С.-Д. группу. Центр был в механическом, электрическом цехах и Алапаевском заводском госпитале, где некоторые фельдшерицы и акушерки были в С.-Д. группе, сюда же входили или оказывали всякие услуги учительницы: Лебедева Л. С., Бессонова А. Д., Шахурина Е. Т., Маслова, Богданова и другие.

Многие были потом арестованы. Многих из рабочих перевозили в Николаевскую тюрьму на месяц, только для того, чтобы избить. Но поток рабочего движения рос и ширился, пока жестокая реакция не придавила все до нового революционного под'ема, до новой волны 1912 года. В этих годах только начали собираться из ссылки некоторые товарищи, как Перминов Д. В., Смольников А. А. и др. Из них и составлялось снова социал-демократическое ядро.

А. Тягунов.

Очерк работы Надеждинской организации.

Начало революционной работы в Надеждинском заводе точно указать нельзя. Верно только одно, что работу вели от случая к случаю отдельные лица, например, в 1900 и 1901 году такую работу вели товарищи: Дородных, Рассанов, Мих. Вас. Горшков, затем Дмитрий Никол. Добрынин. С этого, приблизительно, времени Д. Н. Добрынин, через А. В. Горшкова (Горшков младший) стал влиять на меня в смысле выбора книг для чтения.

Постепенно я втянулся в чтение революционной беллетристики и в 1902 году уже стали частенько собираться на особые „вечеринки"— с беседами и кружковыми чтениями. Кружок наш постепенно расширялся, члены его росли, получались издания Уральского Союза С.-Д. и С.-Р., Средне-Уральского комитета С.-Д.

Некоторые из нас пытались вести агитацию среди рабочих по своим цехам. В 1904 году наш кружок имел уже тесную связь с такими-же кружками—в Богословске, Сосьвинском заводе, на Туринских рудниках и в Верхотурье.

По поводу Японской войны, а также и другим злободневным вопросам были одновременно во всем Богословском Горном Округе раскиданы прокламации, отпечатанные в Надеждинске на гектографе. Прокламации раскидывались по улицам и цехам, расклеивались по заборам, на двери проходной будки, в полицейских учреждениях, клались в ящики для инструментов и т. д.

В расклейке и распространении прокламаций кроме меня и моего среднего брата участвовали: Ал. Горшков, И. Р. Чуприков, А. Климов, А. Сергеев, Чащин и Колмогоров. Распространение прокламаций в цехах вызывало много толков и слухов, при чем самое распространение приписывалось «студентам». Особенно много разговоров было в связи с раскидкой прокламаций в мартеновском цехе (тогда черносотенном). Там на глазах у всех рабочих один неизвестный человек с поднятым

воротником и лакированных сапогах разбросал прокламации среди ошеломленных рабочих.

За ним устроили погоню, но выскочив в ограду никого не увидели, хотя спрятаться было некуда. Человек буквально провалился сквозь землю. Никому не пришло в голову осмотреть поленницы, стоящие на значительном расстоянии от мартена, так как считали совершенно невероятным, чтобы обыкновенный смертный в такой короткий промежуток времени мог пробежать сравнительно большое расстояние. Человек этот (И. Р. Чуприков) был необычайной силы мускулов и быстроты ног. Постепенно раскидка прокламаций была заменена непосредственным распространением через надежных рабочих.

Время от времени распространялись газеты, брошюры и т. п. К 1905 году, когда особенно бесчинствовала полиция, избивая молодежь (в скобках отметим, что тогдашний врач Токарев скрывал при освидетельствовании истинные причины кровоподтеков) – атмосфера сгущалась. На возмутительные поступки полиции, врача и заводской администрации рабочие отвечали битьем рам и некоторое время это было возведено в систему.

События 9-го января в Петрограде окончательно повернули рабочих в нашу сторону. Стала организовываться боевая дружина.

Через Надеждинское потребительское общество, где Добрынин был главным руководителем, было выписано дружине несколько десятков револьверов и эти револьверы продавались только тем лицам, которые имели удостоверение от секретаря Совета Рабочих Депутатов, образовавшегося из депутатов всех цехов. Таким образом было вооружено до 50 человек.

Время организации Совета Рабочих Депутатов в Надеждинском заводе я не помню, хотя и был выборным членом с самого возникновения его. Президиум первичного состава состоял из т.т. Добрынина, как председателя и А. В. Горшкова, как секретаря Совета. Во втором составе председательствовал И. Р. Чуприков, тов. Председателя был Поваренков (прокатный цех), секретарь Тягунов. Кроме того, в Совете были: Оверин старший, Чащин, Колмогоров и ряд других товарищей, фамилии которых не помню.

Заводская администрация, видя как растет волна движения, в связи с чем поднимается настроение и надеждинских рабочих, подчинялась требованиям Совета. Совет за небольшой промежуток времени разрешил ряд конфликтов с заводской администрацией, нормировал рабочий день

и зарплату и организовал товарищеский суд. Авторитет Совета рос, функции его расширялись.

Им же был смещен весь состав полиции во главе с полицейским надзирателем, выслан врач Токарев и некоторые администраторы. Высылались также и хулиганы.

Вопросы, касающиеся заводской администрации, разрешались в присутствии ее представителей: Бобровского, Зарудного, Хренкова, Ротмана и др.

По поводу об'явления «манифеста» 17-го октября 1905 года была устроена грандиозная демонстрация. Большая толпа рабочих с красными знаменами, пением марсельезы и других революционных песен шла по улицам. Знамена имели надписи: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», «Долой монархию» и т. п.

27-го октября 1905 г. черносотенцами была организована «патриотическая» манифестация с иконами и портретом царя. После манифестации был учинен погром против «проклятой политики», как нас тогда называли. Все вооруженные товарищи собрались в Народный дом и решили защищаться. Вскоре громадная толпа народа тесным кольцом окружила наш дом с требованием выдачи оружия. В выдаче оружия в начале было отказано. Были попытки поджечь нас, но так как это было не совсем безопасно, то угрозы в исполнение не были приведены. Толпа возбуждалась все сильнее, крик ее был слышен во всех концах завода.

В конце концов нам была дана гарантия, что после сдачи оружия нас нетронут. Для убедительности толпа, руководимая попом Африканом, при участии помощника управляющего округом гр. Широкова, приняла присягу о неприкосновенности на случай выдачи оружия. После некоторых колебаний, несмотря на протесты М. Горшкова, по настоянию Добрынина решено было оружие сдать. Однако, некоторые товарищи этому решению не подчннялись, хотя немногим из нас удалось провести его.

Присягу толпа, конечно, не сдержала и началось избиение. Особенно пострадали: М. Горшков, И. Рубцов, Г. Будницкий, Калинин (партиец), П. Лапин и многие другие. Кроме того, были избиты либеральные администраторы, как-то: Ю. Зарудный (брат адвоката, защищавшего Шмидта). Ворвавшиеся в Народный дом громилы били по полу дубинами, ломали мебель, рвали портреты, между прочим изорвали «по недосмотру» портрет Николая II.

Ко мне подбежали два оборванца с дубинами, и я, имея револьвер, но не желая раздражать толпу, отвернулся от них в сторону, приняв самый беспечный вид зеваки. Они остановились в нерешительности. Я протолкался в гущу толпы и по настоянию Н. М. Александровой, ушел. Чуприкова вздумали обыскивать, но так как ему не хотелось расстаться с револьвером, то он употребил свою необычайную силу, опрокинул их и бросился бежать к высокому забору. За ним побежало несколько громил, однако, Чуприков перед самым их носом сделал чудовищный прыжок и оказался по другую сторону забора.

Хотя и там ему не повезло, но еще более не повезло двум здоровенным вальцовщикам, которые его поймали. Чуприков в одну секунду «убедил» их, отпустить его, «аргумент» оказался настолько ошеломляющим, что они долго лежали без сознания и на почтительном друг от друга расстоянии. Сохранившиеся другие товарищи заперлись в новостроящихся домах.

Толпа неоднократно грозила нам и снова требовала сдачи оружия, мы категорически отказали, ведя переговоры через урядника, который к нам, как посол толпы, залезал в окно. К утру нас оставили в покое. Мы присоединились к остальным избитым и забинтованным товарищам и уехали в Богословск в специально для нас приготовленном поезде.

Всего с оружием пришло на поезд шесть человек: Оверин, П. Хлебников, Н. Гусев, Рябов, мой средний брат—сапожник и я. Через неделю над нами был учинен «суд». Общим собранием черносотенцев постановили нас выслать за пределы Богословского Горного округа. В числе высланных были: братья Климовы, В. Зуев, Калинин, врач Усышкин,—руководитель нашего политкружка П. Мурашев и его сестры, Серебряков, Г. Носков, Ягодкин и др. всего до 45 человек.

По приезде в Екатеринбург мы ознакомились с существующими там организациями. Под руководством Добрынина посетили клубы анархистов, эс-эров. Нам был прочитан ряд лекций лучшими силами социал-демократической организации.

В Екатеринбурге от нас откололось ряд товарищей, так—И. М. Горшков, отойдя к эсэрам, убеждал меня сделать то же. Впоследствии он стал отчаянным террористом, особенно после жестоких пыток, которым был подвергнут его брат Александр *), казненный в 1908 г. после 2-х летнего заключения. Михаил Горшков погиб в 1907 г. (оба максима-

*) Известный на Урале максималист под кличкой „Сибиряк“.

листы). В 1906 г. я снова вернулся в Надеждинск и при содействии бельгийца Виллисека поступил работать.

Революционная работа в Надеждинске приняла более планомерный и серьезный характер. От кружковщины перешли к массовой работе, стали организовывать марксистские кружки низшего пропагандистского и высшего типа под руководством пропагандистов-профессионалов, как-то: т.т. «Петровича»), «Михаила»*) (наездника) «Осипа», «Марка»**) и др.; быстро стали организовываться фундаментальные и популярные цеховые библиотечки, иногда последние организовывались по инициативе низов (беспартийных).

Была выбрана местная С.-Д. группа, завязана связь с Сосьвинским, Богословским заводами, с Туринскими рудниками, Верхотурьем и прежде всего с Екатеринбургом. Центром являлся Надеждинск и после нашего первого районного с'езда (в Верхотурье) был создан Районный Комитет Партии в составе: Шебякина, И. Лапина, А. Сергеева, меня и еще товарищей, фамилии которых не помню. Во всей надеждинской организации было три меньшевика, а именно: Шебякин и Раскатов—(интеллигенты) и Корчемкин (рабочий). «Держим на развод»—говорили большевики.

Собрания рабочих происходили в лесу, большей частью за рекой Каквой. До места собрания ставились пикеты. Во время собрания была охрана. Массовки были иногда многолюдны. Посторонние устранялись следующим образом: избранный председатель предлагает всем разбиться по цехам, каждый цех проверяет свои ряды и подозрительные выделялись. Собрания проходили довольно оживленно, благодаря полемике между нами и эс-эрами.

Полемика иногда носила ожесточенный характер в продолжении нескольких дней и проходила уже по цехам завода, особенно в ночные смены. Много дискуссировали по вопросам аграрной программы, выборов или бойкота думы, о терроре и значении личности, концентрации капитала, вооруженном восстании и т. д.

Однажды после одной перебранки с эс-эрами по вопросу, что важнее для массы: дух или оружие, эс-эры утверждали, что дух это все, а мы утверждали, что с оружием куда сподручнее. По окончании митинга на нас насели ингуши, кое-кому попало нагайкой, остальные

---

*) Вилонов.

**) Минкин.

разбежались по лесу—что есть «духу». Мне пришлось бежать рядом со свом противником, перескакивая через колодины и я, время от времени, справлялся о состоянии его «духа» и на сколько верст его хватит.

Партийность цехов была такова: механический цех преимущественно—большевики, литейный—эс-эры, мартен—черносотенцы, рельсопрокатной большинство сочувствующие эс-эрам, в мелко-сортном—большевикам. В общем и целом перевес социал-демократов был настолько велик, что маевки, забастовки и другие мероприятия наша организация проводила самостоятельно, эс-эры только присоединялись. Инициатива была безусловно в руках нашей организации.

Во времена расцвета эс-эров, по их словам, в их рядах насчитывалось до 84 человек, тогда, как на выборах на Всероссийский (Лондонский) С‘езд РСДРП, я, например, получил около—390 голосов, хотя на с‘езд уехал А. Е. Сергеев, получивший только 180 голосов, т. к. я на с‘езд, по независящим от меня обстоятельствам, выехать не мог.

А. М. Баторгин.

ВОСПОМИНАНИЯ
о рабочем революционном движении в г. Тюмени
в период с 1905 по 1907 г.г.

Печатая обзор рабочего движения в Тюмени за 1905 и 1906 г.г. необходимо указать и количество рабочих разных производств и предприятий, среди которых это движение развивалось.

К 1905 году в Тюмени существовали следующие промышленные предприятия: чугуно-литейный завод Машарова с количеством до 400 постоянных рабочих, распределенных на три цеха: литейный, гвоздарный и механический; судостроительный Мысовской завод Ятеса, на котором было более 1000 рабочих, распределенных по механическому, токарному, литейному, котельному и столярно-малярному цехам; судостроительная верфь Воткинского завода с количеством рабочих до 300 человек, мастерские по ремонту судов по Тюменскому затону Плотникова, Корнилова, Т-ва Западно-Сибирского пароходства и Иртышского участка водных путей сообщения, всего с количеством до 1000 человек рабочих; механические заводы Крутишева и Котельникова,—имевшие до 100 человек рабочих; спичечная фабрика Логинова—до 400 человек рабочих кожевенные заводы Колмогорова, Плишкина, Решетниковых и несколько мелких с количеством до 300 рабочих; сундучное производство Огибенина, имевшее до 300 рабочих; лесопилки Коваленкова, Ромашева, Селянкина, Прорвина, Агафонцева и завод Городской Управы с 150 рабочими: мельницы Текутьева (до 70 человек) и другие мелкие производства. Кроме, того насчитывалось железно-дорожных рабочих до 500 человек.

Из всего числа рабочих до 25% чистых пролетариев и 75% полупролетариев. связанных с ремеслом, или крестьянским хозяйством.

Всего, таким образом, постоянно живущих в Тюмени наемных рабочих насчитывалось более 4500 человек, не считая прислуги и торговых служащих.

Посвящаю тюменским товарищам—рабочим водникам.

1905 год.

Наступил памятный рабочим 1905 год. Я работал тогда в зимовочных мастерских Иртышского участка, Томского округа путей сообщения, по ремонту землечерпательницы «Сибирская седьмая».

После 9-го января из газет мы узнали о расстрелах рабочих и волнениях среди них в промышленных районах России, с жадностью набрасывались на газеты, читали их где только могли и даже во время работы обсуждали интересующие нас события в центре.

К нам в мастерские в это время частенько заходил один рабочий—токарь Александр (фамилию забыл), который был под надзором полиции и позднее, как я слышал, был убит в Сибири. Он передавал нам кое-какие листовки и прокламации. Я теперь не помню подробно их содержания, но тогда для нас они были откровением, мы с увлечением читали их и передавали другим рабочим. Во время посещений мастерских т. Александр говорил о необходимости об'единения рабочих и об организации группы сознательных рабочих; но потом посещения его вдруг прекратились. Позднее мы узнали, что он принужден был уехать из Тюмени.

В то время я близко сошелся с работавшим вместе со мной в мастерских Иртышского участка Модестом Сухих (позднее член РКП; убит в Ялуторовском уезде бандитами во время кулацкого восстания в 1921 году). Вместе с ним мы старались как нибудь об'единить рабочих. Это нам трудно удавалось, но постепенно среди рабочих возрастала спайка и солидарность и все больше развивалось чувство товарищества.

Забастовка грузчиков.

Весной с открытием навигации, когда зимовавшие пароходы уже ушли, или частью готовились к отходу, ожидая погрузки барж, а на пристанях шла лихорадочная работа, в городе вдруг вспыхнула забастовка грузчиков, вызванная самой грубой и наглой эксплоатацией их труда пароходовладельцами. Забастовавшие грузчики, собравшись толпой и снявши по пути, несмотря на противодействия растерявшейся полиции рабочих с предприятий и заводов, пошли по конторам с требованием увеличения платы и увольнения ненавистных приказчиков.

Забастовка по результатам была неудачна, но важна была как **первая забастовка** тюменских рабочих, впервые об'единившихся и выступивших дружно на улицах Тюмени.

Вскоре я был оторван от Тюмени на все лето работой на землечерпательнице и только в конце сентября снова был переведен в город на зимовку.

Первые революционные кружки.

Волна революционного движения из центра России докатилась и до Тюмени. Среди учащейся молодежи тюменских средних учебных заведений возникали кружки сомообразования. Руководителями этого движения, насколько я помню, были реалисты С. И. Силин, В. Е. Чесноков и др. Центром кружков являлась квартира заведующей библиотекой «общества попечения об учащихся» на Ишимской ул. в доме Елсыкова, Павлы Яковлевны Чесноковой, с этой явочной квартиры и доставлялась в кружки вся литература.

Кружки имели связь с отдельными рабочими и солдатами, но определенной партийной организации еще не было; она образовалась позднее.

Я был участником одного из таких кружков, доставая где только можно литературу. Мы собирались первое время обыкновенно в квартире Модеста Сухих за рекой Турой, где-то на задворках зимовок. Там я встретил Трофима Владимировича Жданова, сосланного в 1907 г. на поселение в Иркутскую губ., рабочего металлиста Якова Силина (умер 1908 г.), рабочего водника Михаила Семеновича Сиротина (кажется расстрелян белыми в Семипалатинске в 1918—19 г.г.). Екатерину Дмитриевну Червякову (Катю), Веру Забелинскую и брата Модеста Сухих—Степана. На собраниях кружка мы штудировали «экономические очерки» А. Баха и «хитрую механику» и друг. Однако литературы у нас было мало.

Манифестация 16 октября.

Утром 16 октября мы—рабочие Иртышского участка зимних мастерских, были извещены, что вечером будет политическая манифестация. Сообщив об этом рабочим и других частных пароходов, мы после работы, предварительно собравшись в квартире М. Сухих и захвативши с собой приготовленное раньше красное знамя, вышли к пристаням, где нас уже поджидали кучками остальные рабочие.

Направились сначала по Пароходской ул. на Тобольскую, Садовую и, наконец вышли на ул. Республики (быв. Царскую). По дороге ряды наши все больше увеличивались прибывающими к нам учащимися и рабочими.

Стройными рядами, взявшись за руки с пением «Марсельезы», «Варшавянки» и «Смело товарищи», двинулись мы к городской думе. Полиция отсутствовала.

От думы повернули обратно и тем же путем пошли по направлению к базарной площади, но на углу ул. Иркутской и Республики нам вдруг загородила дорогу другая манифестация человек из 30-ти с портретом Николая II и национальным флагом. С околодочным надзирателем и парикмахером Чесноковским во главе, с пением «боже царя храни», манифестанты бросились на нас, видимо, с целью разогнать и отнять наше красное знамя. Но знамя было в надежных руках, и это им не удалось, как не удалось и разогнать нашу манифестацию, хотя и были пущены в ход палки. Мы пошли своей дорогой дальше по направлению к площади. На углу улиц Республики и Первомайской, у б. дома Колмакова, при свете газо-калильного фонаря был устроен митинг. С речами выступали несколько товарищей, вскоре нам сообщили, что опять подходит толпа манифестирующих черносотенцев и мы, чтобы избежать столкновения, спешно разошлись.

17-го октября был об‘явлен царский манифест о свободах. Как только нам стало известно о манифесте, мы тотчас-же прекратили работы и устроили собрание всех рабочих зимовки. На собрании с раз‘яснением значения манифеста выступил инженер Бедларский. На другой день, начальником Иртышского участка Ступаловым нам было сделано новое раз‘яснение манифеста с предупреждением не слушать «всяких социалистов-смутьянов» и не входить ни в какие союзы и общества. Но мы знали уже цену словам г.г. Ступаловых и дали ему дружный отпор.

Рабочий клуб.

Приблизительно в это же время я познакомился с Германом Яковлевичем Назаровым и Валентиной Евгеньевной Назаровой. 22 октября в квартире Назаровых на Малораз‘ездной ул. в д. Макухина было назначено собрание рабочих. Нас собралось человек около 50—большинство водников. На собрании выступили: приехавший от Уральского Комитета РСДРП «Лев Александрович» *),—(это была его партийная

---

*) Под именем „Льва Александровича“ в Тюмени работал присланный Екатеринбургским Комитетом РСДРП (б) т. Сибиряк—б. студент-техник, приехавший на Урал в мае 1905 г. и работавший до этого в Екатеринбурге и Н.-Тагиле. В Тюмень он был послан по приезде в Екатеринбургскую организацию Я. М. Свердлова в конце сентября, но потом был отозван обратно за неправильную линию, особенно ярко выявившуюся в устройстве демонстрации по случаю смерти Трубецкого и выкинутым им тогда лозунгом. Тов. Сибиряк (фамилию его не помню) был редким тогда на Урале типом, отдававшим сильными меньшевистскими уклонами. Приехал он на Урал из Сибирского Союза РСДРП. *С. Чуцкаев.*

кличка, а фамилии его не знаю) и Герман Яковлевич Назаров. Мне, да я думаю и многим товарищам рабочим-участникам не забыть этого собрания, на котором мы впервые слушали речи о положении рабочего класса в России и за границей, о РСДРП, о необходимости нашей организованности и об'единения в союзы рабочих. Тут же на собрании тов. Назаровым было предложено на первое время организовать в Тюмени клуб союза рабочих. Это предложение было собранием восторженно принято и, после небольшого обмена мнений, были выделены для выработки устава клуба 17 уполномоченных от рабочих.

Через два дня в кв. Г. Я. Назарова состоялось собрание уполномоченных от рабочих, и был выработан устав клуба. Спустя двадцать лет трудно восстановить в памяти этот устав полностью, но можно отметить, что целью клуба было—об'единение рабочих г. Тюмени, политическое воспитание и культурно-просветительная работа среди них. На этом же собрании было положено начало организации боевой дружины членов клуба союза рабочих. Средства клуба составлялись из % % отчислений членов и поступлений от концертов и спектаклей.

В правление собранием были избраны т.т. Г. Я. Назаров, В. Сухих—раб. мет.—водник, я—раб. метал.—водник, Мих. Сем. Сиротин—раб. метал.—водник, Екат. Дм. Червякова, Петр Алекс. Заливин—раб. мет.—водник, Ник. Сем. Макаров—раб. мет.—водник, Яков В. Силин—раб. мет.—водник, Ф. И. Севастьянов—практикант-техник. В президиум правления вошли: председателем М. Сухих, товарищем председателя Г. Я. Назаров, секретарем Е. Д. Червякова и казначеем П. А. Заливин. Была открыта запись новых членов.

Мы же энергично принялись за работу по изысканию средств, помещения для клуба и мебели. Членских взносов было недостаточно и чтобы усилить средства был устроен в городском театре концерт, который дал сразу нам 300 рублей и в кассе у нас оказалось около 600 р. Помещение для клуба было предоставлено Бурковым на углу Садовой и Успенской ул.

Организация Тюменской группы РСДРП.

К этому времени, через «Льва Александровича» была установлена связь с Екатеринбургским Комитетом и образовалась тюменская группа РСДРП в лице, насколько я помню, т. Назарова, вет. врача Л. С. Сумцева и Мар. Пав. Захарченко. К нам начала поступать из Екатеринбурга нелегальная литература и издательства: «Молот», «Донская речь» и др.

Ко времени открытия клуба, состоявшегося, кажется, числа 29 октября, у нас уже была устроена порядочная библиотека и читальня. Открылись кружки: драматический, где готовились к постановке пьесы «Ткачи» Гауптмана, «Жан и Мадлена» О. Мирбо и др.; хорового пения, где разучивали песни, и была открыта запись на лекции:—по общественно-экономическим вопросам, по математике, механике, черчению и т. д.

Ноябрьская демонстрация.

В половине ноября было еще одно выступление тюменских рабочих по поводу убийства офицером Егерем солдата в Николаевском училище. Это убийство, столь обычное в царской армии, глубоко возмутило рабочих. Негодованию отпускных солдат и толпы не было предела и был момент, когда толпа готова была растерзать Егеря и только благодаря такту и умению повлиять на толпу Г. Я. Назарова, самосуда не произошло. Давший «честное слово офицера» выйти к рабочим из земской квартиры, куда он спрятался от толпы, и дать свои об‘яснения, Егер постыдно скрылся. На другой день предполагалось устроить гражданские похороны убитого солдата и было уже все приготовлено. Но рано утром он был тайком отвезен полицией на кладбище и там похоронен.

Реакция в Тюмени и разгром клуба.

По России прошел ряд погромов и карательных экспедиций. Обещанные свободы оказались мыльным пузырем. После Московского восстания либеральная буржуазия и интеллигенция, так мило заглядывавшая в глаза рабочим, повернулась к ним спиной. Тюменская городская дума на заявление правления клуба устроить биржу труда, дешевую столовую и чайную для рабочих, ответила отказом. Так охотно вначале записавшиеся лекторами в клуб рабочих интеллигенты-инженеры и т. п. ни разу не заглянули в клуб. Рабочие поняли это и еще тесней сомкнулись в стенах клуба. Авторитет клуба среди рабочих все больше и больше рос. Они видели в своей организации единственную защитницу своих интересов. Так во время железно-дорожной забастовки приходят рабочие—машаровцы и заявляют, что хозяин завода Машаров закрывает завод из-за отсутствия чугуна и кокса. Я и Модест Сухих отправились тотчас же в железно-дорожный забастовочный комитет обсудить этот вопрос. Комитет предложил по телеграфу пропустить вагоны с грузом для завода Машарова, задержанные в пути.

Рабочие с Мысовского механического завода Ятес пришли с заявлением, что им не платят заработную плату, якобы за неимением денег у заводской администрации. Из переговоров с администрацией выяснилось, что деньги не выдает Сибирский Банк. Тов. Г. Я. Назарову удалось получить в Сибирском Банке кредит заводу, кажется, в сумме 25000 руб., и рабочие были удовлетворены.

Фармацевты обращались с просьбой урегулировать взаимоотношения их с хозяевами—аптекарями, бойцы с городских боен приходили с просьбой ввести посредничество при выработке условий новой расценки за убой скота; сундучники, модистки и портнихи с жалобой на своих хозяев; приходила и домашняя прислуга. Все перебывали в клубе и все искали защиты и товарищеского совета.

Наряду с этим правлению клуба приходилось разбирать и много мелких конфликтов между рабочими и предпринимателями, служащими и администрацией, ликвидировать и улаживать их. Клуб в это время играл роль Совета рабочих депутатов. Я уже выше говорил, что буржуазная интеллигенция, на первых порах готовая заниматься с рабочими, резко отмежевалась от нас. Им было не по пути с нами, и таким образом, намеченные у нас в клубе многие лекции—механика, черчение, математика—провалились. Но зато усиленно работали под руководством т. Назарова кружки по самообразованию и по политическому воспитанию. Благодаря этим кружкам, выковались будущие стойкие борцы за рабочее дело. Наиболее активными были т. т. Зах. Вычуров (повешенный в Екатеринбурге в 1907 г.), Тр. Жданов, Ал. Васенин, бр. Сухих и Силины.

Но черные тучи сгущались уже над нашим клубом. Полиция стала зорко следить за каждым нашим движением. Она заинтересовалась и нашими клубными средствами. Это заставило правление клуба больше законспирироваться в своей работе, а после того, когда околодочные надзиратели стали открыто посещать клуб и интересоваться деятельностью его и правлением, стало ясно, что дни клуба сочтены. Мы стали извлекать из клуба все, что не должно было попасть в руки полиции.

Наши ожидания оправдались. В один из праздничных дней, 5 или 6 января, когда утром мы, по обыкновению, отправились в клуб, но нашли двери клуба опечатанными полицейской печатью. Потом официально было извещено о закрытии клуба. Инвентарь и библиотека клуба были свезены в одно из пустых торговых помещений Гостинного двора и там опечатаны полицией.

В подполье

Но однако с закрытием клуба связь с рабочими не порвалась, так как с этого момента началась уже определенная подпольная работа группы тюменской организации.

В годовщину расстрела рабочих 9 января была выпущена первая, напечатанная на гектографе прокламация.

Наладившаяся еще в конце 1905 г. связь с Екатеринбургским Комитетом или вследствие провала там, или по какой другой причине была прервана и перед нами встал вопрос о посылке кого нибудь в Екатеринбург для возобновления ее. Как раз в это время тов. Назаровым была установлена связь с Красноярским Комитетом и вскоре же к нам был привезен тов. Белоноговым целый тюк нелегальной литературы, изданной Красноярским Комитетом. Вся привезенная литература находилась в квартире тов. Назарова и ее нужно было немедленно взять и распределить по заводам и предприятиям. Местом наших небольших собраний служили квартиры т. т. Назарова, Тр. Жданова и М. Сухих.

14 января вечером я и т. М. Сухих пришли к т. Назарову. Он поручил нам взять всю литературу и через активных членов организации распределить ее в городе по заводам и предприятиям, а так-же зайти к тов. Кате Червяковой и сказать ей о предстоящей командировке ее в Екатеринбург по делу организации.

С большими предосторожностями, замаскировав под полами наших пальто свертки с литературой, мы отправились в заречный район города, где проживали большинство членов нашей организации-водников. Часть литературы мы распределили среди них. Нам оставалось зайти к тов. Червяковой (Кате) и остальную часть литературы перебросить за реку Тюменку к т. Тр. Жданову. (Тов. Жданов ведал в то время «Летучим отрядом» по распределению и расклейке прокламаций). Переговорив с «Катей» и дав ей несколько брошюр (Катя жила за рекой в д. Прелина, от'явленного негодяя и черносотенца, брат которого был известным жандармом. Оба потом были свидетелями по нашему процессу), мы взяв извозчика, поехали за Тюменку. Ни мы, ни Катя не думали, что за каждым нашим шагом уже следят. Квартала за два до квартиры тов. Жданова мы расплатились с извозчиком (извозчик Белопасов—тоже был свидетелем по нашему процессу, но вел себя прилично и отказывался от показаний запамятыванием) и пошли до квартиры Жданова пешком. Передав ему все, что у нас имелось, разошлись по домам.

Провал и массовые аресты.

На другой день в 12 часов дня, в квартире т. М. Сухих было назначено собрание. Собралось человек 12 рабочих-активных членов организации и закрытого клуба и правления клуба. Присутствовавшим на собрании т. Назаровым перед собравшимися был поставлен вопрос о развитии нашей дальнейшей подпольной работы и об использовании оставшихся клубных средств.

В самый разгар обсуждения этого вопроса в квартиру ворвалась тьма жандармов и околодочных надзирателей, во главе с жандармским ротмистром бароном Корф и пом. исправника, дом был кругом оцеплен пешей и конной полицией. Как сейчас представляю себе входившую в комнату, где мы сидели, сияющую в синем мундире, на кривых, затянутых в узкие рейтузы ногах,—фигуру барона Корфа. Наше положение было не из ловких. Пока Корф перед нами расшаркивался и позвякивая шпорами и потирая руки, рассыпался в своих «жандармских любезностях»—жандармы приступили к обыску наших карманов. Однако все компрометирующее нас в глазах жандармов, что имелось у тов. М. Сухих в квартире и у нас в карманах верхней одежды, висевшей на вешалках в темной прихожей, благодаря чрезвычайной находчивости и ловкости семьи тов. Сухих, было извлечено и уничтожено. Благоприятных для жандармов результатов обыск не дал, но все же после составления протокола, Корф об'явил Кате Червяковой, что она арестована и будет увезена в тюрьму. На попытку протеста и просьбу заехать домой, Корф ответил: «незачем,—я был у вас и вам пришлют все, что необходимо». Жандарм не врал: оказалось, что в отсутствие Кати у нее был произведен обыск и захвачена нелегальная литература. Простившись с нами, в сопровождении жандарма и околодочного надзирателя, Катя отправилась в тюрьму. По предложению Корфа поехал с ними и тов. Назаров, а нам-остальным—об'явили, что мы через два часа можем быть свободны. И действительно, ровно через два часа дежурившим при нас околодочным надзирателем мы были отпущены. Несмотря на постигшую нас неудачу и гадливое чувство к жандармам, настроение у нас было приподнятое.

На другой день утром я узнал об аресте тов. Назарова, затем были арестованы Пав. Як. Чеснокова *) и Ст. Сухих, а через три дня

---

*) **Заведующая библиотекой, где была явка организации.**

был вызван на допрос к Корфу я и Мод. Сухих, последний ночью был арестован. Позднее был вызван к Корфу и Жданов.

После жандармского допроса дело было передано судебному следователю Крысенко и тов. прокурора Полуботко, которые продолжали следствие. На одном из допросов, мне и т. Жданову было пред'явлено об'винение в принадлежности к РСДРП, задавшейся целью ниспровержения существующего строя и в распространении прокламаций, и друг. литературы. Пред'явив такое же обвинение, нас однако оставили на свободе, под негласным надзором полиции.

Уходя с одного из таких допросов, я встретился в жандармском управлении с рабочим, которого где-то видел, но забыл его фамилию. По наведенным справкам, он оказался плотником Краснеевым, работавшим зиму 1905 и 1906 года на Мысовском заводе. Потом выяснилось, что он был первым провокатором (он же фигурировал на нашем процессе в качестве ложного свидетеля). Позднее Краснеев получил от руки рабочего должное возмездие.

Аресты продолжались. Были арестованы Петелин, М. П. Захарченко и ряд других. Петелин был привлечен к суду по нашему делу, а Захарченко выслан административно в Томскую губернию.

После разгрома организации.

Напрасно однако торжествовала жандармерия, думая арестами убить нашу организацию. Работа последней быстро развивалась и устраивались кружковые занятия с рабочими, были установлены связи с солдатами местного гарнизона, с местной командой и с охотничьей командой через фельдфебеля команды Ивана Петровича, если не ошибаюсь—Галеева,—которому мы обязаны за благополучный исход наших многих собраний и массовок в лесу.

Активное участие в работе принимали: Борис Щетинин (студент Московского сельскохозяйственного института,—потом уехавший из Тюмени), Петр Иванович Шабалин—учитель, М. Мишин, Т. Жданов, Ст. Новоселов, В. Просандеев, М. Глузман, Маркел Атмакин—учитель, Силин, Алехина, А. Блинов и я.

Вскоре была снова возобновлена связь с Екатеринбургским Комитетом РСДРП, и к нам был оттуда командирован товарищ «Василий» *).

*) Если не ошибаюсь, под кличкой „Василия“ работал в Тюмени присланный из Екатеринбурга Комитетом РСДРП(б) профессионал, работавший в Екатеринбурге и на Уральских заводах, фамилию я не знаю. Он был известен нам под кличкой „Японец“ (монгольский тип лица). Товарищ этот сидел потом в 1908 г. в Екатеринб. тюрьме и привлекался по делу, которое грозило ему многолетней каторгой или даже смертью. Имени своего он кажется не открывал и сидел, как нелегальный. По положению он был рабочий. После Тюмени он работал в Екатеринбургской окружной организации по заводам Среднего Урала. *С. Чуцкаев.*

С его приездом—работа нашей организации охватила все предприятия города: спичечную фабрику Логинова, завод Машарова, лесопильный завод Кыркалова (один из крупнейших заводов Тюмени, сгоревший в в 1909 г.), Мысовской завод Ятес (потом закрывшийся), мельницу Текутьева, завод Ромашева, винный, казенный склад, Западно-Сибирское пароходство, пароходство Плотникова, мастерские Иртышского участка Тюменского округа путей сообщения(казенная зимовка), торгово-промышленных служащих, сундучников и ряд других более мелких предприятий, а также тобольский полк, кварировавший в то время в Тюмени.

В конце апреля через тюменскую тюрьму большими партиями проходили административно-ссыльные, направленные в разные уезды Тобольской губернии. Во время проводов одной из таких партий с пристани Т-ва Запад-Сибирского пароходства учащаяся молодежь и рабочие демонстративно приветствовали жертвы административного произвола. Полиция, окружив цепью демонстрантов, произвела аресты. В числе арестованных оказались я, Мих. Мишин, Тр. Жданов и Ив. Силин. Все мы были направлены в тюрьму.

Тюрьма в это время еще переживала свою политическую весну: камеры были открыты на целый день,—свободно можно было ходить из камеры в камеру и из тюремного двора в тюремную больницу, которую тогда в шутку называли «палатой лордов». А на тюремном дворе по целым дням шли игра в мяч и митинги. Здесь в тюрьме я имел возможность каждый день видеться и проводить время с арестованными в январе т.т. Назаровым, Червяковой, Чесноковой и М. и С. Сухих, и здесь же я узнал об окончательном переходе братьев Сухих в партию С.-Р., что заставило нас, соц.-демократов стать с ними в определенные отношения.

Снова за работу.

По выходе из тюрьмы в конце мая мы принялись за прерванную работу. Наш профессионал тов. «Василий» буквально изнемогал от работы. Я помню его усталый вид вечерами, после ряда проведенных кружковых занятий или собраний.

Тов. Мих. Мишин был душой нашей техники: на его обязанности лежала вся постановка ее. Он был более свободен от занятий; мы же не могли отдаться партийной работе целиком, так как были связаны кроме того личным трудом, и только свободное время отдавали организации.

Нелегальная работа в Тюмени, где нас знали наперечет, была крайне тяжела. Нужна была чрезвычайная осторожность. Поэтому собрания и массовки частью устраивались в лесу, за Заречным кладбищем, не доходя до Мысовского завода, или за керосиновыми складами по направлению к Казачьим лугам. Для предупреждения провала, из среды товарищей ставили пикеты.

Но не всегда наши собрания в лесу проходили гладко. Иногда жандармы и полиция выслеживали и делали облаву. Случалось, что даже арестовывали наших пикетчиков. Были и ложные тревоги, срывавшие наши собрания,—однако это не мешало нам собираться.

Наши средства были очень скудны; мы даже не были в состоянии тогда дать тов. «Василию» необходимую сумму на его более сносное существование. Но он был хороший революционер, удовлетворялся тем, что ему давали и жил так, как жило тогда большинство рабочих.

Для усиления средств мы продавали партийную литературу, портреты революционных вождей, открытки с революционными сюжетами; а тов. Мишин взял на себя труд напечатать на гектографе сборник революционных песен. Устраивались и единовременные сборы с товарищей.

Все собранные таким образом средства расходовались по особым назначениям: часть шла на содержание профессионала, часть на политический «Красный Крест», который помогал заключенным, ссыльным и их семьям, на эти же средства выписывались журналы и газеты.

Каждый месяц на гектографе печатался отчет и рассылался членам организации.

Подпольная типография.

Техника у нас была слаба и это было большим минусом в нашей работе. Мысль о создании типографии зародилась еще в конце 1905 г. и тов. Ждановым, Силиным и Васениным тогда еще принимались меры по приобретению шрифта. Его удавалось раздобывать в разных типографиях по горсточкам, но в значительной части он был взят из типографии «Сибирской Торговой Газеты» А. Крылова, из типографии Буркова (издававшего тогда, кажется, газету «Зауралье»), через специально поступившего для этой цели наборщика тов. Силина. Надо сказать, что шрифт был избитый и его не хватало, но нас это не смущало. Оборудованием типографии занялся наш техник т. Мих. Мишин.

Предстояла нелегкая задача устроить хотя бы самый примитивный станок.

1906 год.

В устройстве подпольного типографского станка приняли горячее участие и некоторые рабочие—активные члены организации. Так, рабочими Машаровского завода была выточена на токарном станке одна из важных частей станка—железный валик.

Затем было приобретено толстое зеркальное стекло, вделано в специально устроенный деревянный ящик-раму, устроена касса и валик для смазывания шрифта, добыто несколько верстаков и типографская краска, добавлено шрифта и, наконец, наша типография была готова.

Поставленная сначала в городе с большими предосторожностями, она стала выпускать первые печатные листки и воззвания к тюменским рабочим.

Ошеломленная и озадаченная жандармерия стала усиленно разнюхивать местонахождение типографии. Оставлять типографию в городе, за неимением надежной квартиры, становилось опасным. Работу ее пришлось приостановить, заменив гектографом. При первом же удобном случае типография была перевезена в с. Червишево к члену организации-учителю Червишовской школы т. Маркелу Атмакину и поставлена в стоявший на школьной усадьбе пчелиный омшаник.

Вскоре после этого мне пришлось уехать из Тюмени к месту своей работы на землечерпательницу «Сибирская Седьмая», откуда я смог вернуться только к августу. За время моего отсутствия в организации произошли перемены. К большому сожалению, т. «Василия» уже не было; он был отозван Екатеринбургским комитетом и вместо него я встретил в организации новых товарищей: Алексеева («Семена»), Влеуна П., Кац и Геор. Соломона (все адм. ссыльные).

Раскол.

Хорошо не помню, но кажется в феврале*) в Уфе была созвана Уральская областная конференция РСДРП. От тюменской организации

---

*) Уральская областная конференция в г. Екатеринбурге. От тюменской организации, насколько припоминаю, был на конференции один делегат—т. „Василий“ (японец). Инициатором и организатором конференции был Я. М. Свердлов. Принимали на ней участие организации Екатеринбургская, Пермская, Н.-Тагильская, Уфимская, Вятская, Тюменская, Восточное бюро ЦК РДРП б) (Самара) и др. На этой конференции была оформлена Уральская Областная организация РСДРП(б) и был избран Уральский Областной Комитет. На конференции обсуждались вопросы о наших внутрипартийных отношениях, были вынесены и резолюции об оценке меньшевистской линии. Надо считать, что кроме создания областной организации, эта же конференция дала и первое яркое определение большевистской линии Уральской организации. Тов. Баторгин прав, отметив это обстоятельство в докладном отчете о конференции. *С. Чуцкаев.*

на конференцию были посланы некоторые товарищи; в числе их был и т. Алексеев («Семен»).

Для доклада о конференции был назначен один из ближайших свободных дней. Собрание состоялось за бывш. Кыркаловским лесопильным заводом, где то на горке в небольшом леске. Собрались почти все более или менее активные члены организации—рабочие, представители заводов и предприятий города. В докладе т. Алексеев («Семен») резко осуждал соглашательскую тактику с.-д.-меньшевиков и настаивал на полном отмежевании от них в работе.

Тюменская организация с самого начала своей подпольной работы была большевистской и все постановления Областной конференции считала для себя обязательными.

Присутствовавший на собрании В. Кац, выступил с критикой конференции и тактики большевиков и нашел поддержку среди очень немногих членов организации с определенным меньшевистским уклоном, (кажется, в лице т. Пахомова—токаря мастерских Зап.-Сиб. парт. и т. М. Глузмана).

С этого момента нужно отметить начавшийся в нашей организации раскол. На все наши попытки путем специальных собраний убедить В. Каца и поддерживающих его товарищей, что, внося раскол в организацию, они разлагают с таким трудом налаженную было работу. В. Кац с удивительным упорством продолжал, всеми доступными ему демагогическими приемами, вносить дезорганизацию в ряды рабочих, а потом, связавшись с Екатеринбургской организацией с.-д. меньшевиков и заручившись оттуда полномочием сорганизовал тюменскую меньшевистскую группу, имевшую отдельную от нас печать. Таким образом, в Тюмени стали работать две с.-д. организации: большевиков и меньшевиков.

Фракционная рознь не могла не отозваться на всей нашей работе. Этим воспользовалась ничем не проявлявшая себя до сих пор Тюменская организация эсеров (во главе с своим лидером адм.-ссыльным студентом Стаккиным), которая стала всюду проникать и проводить свою мелкобуржуазную идеологию, главным образом среди учительства и учащейся молодежи.

Положение нашей организации становилось тяжелым. Недостаток в работниках «профессионалах» всегда был одним из самых слабых мест организации. С Урала мы работника достать не могли, а появлявшиеся у нас адм.-ссыльные товарищи-партийцы, поработавши немного, обыкновенно уезжали.

Судебный процесс Тюменской группы РСДРП.

В начале сентября в здании быв. Пушкинской библиотеки на ул. Ленина (б. Спасская) выездной сессией Омской судебной палаты с сословными представителями был устроен первый в Тюмени процесс «Тюменской группы РСДРП». К суду по обвинению в принадлежности к Тюменской организации РСДРП, в агитации и распространении нелегальной литературы были привлечены: т.т. Г. Я. Назаров, Е. Д. Червякова, П. Я. Чеснокова, я, Т. В. Жданов, М. В. Сухих, С. В. Сухих и Петелин.

За несколько дней до суда я встретился с приехавшим в Тюмень Г. Я. Назаровым (жившим после освобождения из тюрьмы в Ялуторовске). Мы тогда же сговорились с защитниками: присяжн. поверенными Анисимовым (адм.-ссыльным с.-р.) и А. К. Захарченко, и ознакомились с делом.

Заседание суда происходило при открытых дверях и вход для публики был свободным.

После допроса свидетелей: Прелина, Краснеева и др., возмутивших своими крайне наглыми и сбивчивыми показаниями даже судей, обвинительной речи прокурора палаты, построенной, как и все дело, на показаниях жандармов, и речей защиты, суд тов. Е. Д. Червякову приговорил к 4-м месяцам крепости (с зачетом предварительного заключения), а всех нас остальных за отсутствием и недостаточностью улик оправдал.

Вскоре же после суда, тов. Г. Я. Назаров уехал окончательно из Тюмени, а остальных участников процесса, кроме т. Жданова, я потерял совершенно из вида.

Борьба с меньшевиками.

В своей повседневной революционной работе нашей организации приходилось уделять много времени борьбе с меньшевистской группой. Нам нужно было расширить и углубить работу, но не хватало сил. Тов. Алексеев («Семен») вскоре уехал, а Г. Соломон,—первое время, казалось, горячо принимавший участие в работе, под разными предлогами стал отдаляться, чем возбудил общее недовольство организации и в конце-концов отошел совсем (потом работал в издававшейся в то время в Тюмени прогрессивно-буржуазной газете). Но несмотря на это, перебрасываясь с одной работы на другую, мы продолжали свою деятельность с небольшими силами. Во время подготовки к годов-

щине 17 октября мы вошли в соглашение с организацией с-р о совместном в этот день выпуске воззвания к рабочим и устройстве общей демонстрации.

М. Мишин, я и М. Атмакин, захватив с собой бумагу и оригинал воззвания, отправились пешком в с. Червишево, вечером извлекли из омшаника станок, перенесли его в баню и рано утром принялись за работу. Это было моей первой работой в подпольной типографии. Закончив работу и спрятав станок снова в омшаник, мы возвратились в Тюмень и все напечатанные воззвания разбросали по заводам и предприятиям города.

Устроенная в день 17 октября демонстрация по ул. Республики была крайне неудачна. Разогнанная моментально полицией, она повлекла за собой аресты т.т. М. Мишина и М. Атмакина и административную высылку их из пределов губернии. Они были для нас большой потерей. Но вскоре после этого к нам прибыли новые работники: Борис Федюшин, затем т. Качалов («Петрович»), кажется с Урала, и адм.-ссыльный студент Московского Университета Петр Калугин.

Захиревшая было работа в организации стала оживляться, а с приходом пароходов на зимовку приняла, благодаря старым связям, еще более интенсивный хирактер. Я в это время перешел в Зап.-Сиб. пароходство помощником машиниста на пароход «Владимир». Собрания организации устраивались в квартире у меня и тов. Мих. Сем. Сирошина и других. Наряду с регулярными собраниями велись и кружковые занятия с рабочими—водниками.

Ликвидация меньшевистской группы.

При энергичной поддержке водников нами были приняты решительные меры к ликвидации группы с-д меньшевиков. *).

---

*) Ликвидация возникшей в Тюменской организации склоки и разложения, которая отчасти определялась и имеющимися среди некоторых товарищей меньшевистскими уклонами, но носившей и значительный налет типичного для Урала в то время недоверия к интеллигентам-партийцам,—относится к октябрю 1906 г., когда Урал. обл. комитет (а не Екатеринбургский) посылал в Тюмень тов. Чуцкаева для разбора и ликвидации возникших в организации раздоров. В результате этой работы действительно был произведен роспуск образовавшейся параллельной группы, которая, однако, не была определенно меньшевистской и по этой линии не ориентировалась. Этим и об'ясняется, что группа эта беспрекословно подчинилась решению большевистского Областного Комитета.

С. Чуцкаев.

Вскоре из Екатеринбургского комитета был послан товарищ, если не ошибаюсь, «Сергей» для ликвидации группы. После нескольких совместных собраний она была ликвидирована. Все дела и печать группы были отправлены в архив Екатеринбургского комитета, а В. П. Кац, совершенно отстраненный от работы, вскоре уехал из Тюмени.

1907 год. Работа в условиях реакции.

Ликвидация меньшевистской группы и прибытие новых партийных работников дали возможность окрепнуть организации и значительно расширить ее работу. Усилилась работа среди водников и рабочих заводских предприятий города, усиленным темпом пошли кружковые занятия и собрания, была возобновлена живая связь с солдатами Тобольского полка и местной команды. В городе нужно было поставить типографию.

Наша типография находилась все еще в с. Червишевском. После ареста и высылки тов. М. Атмакина, в Червишевскую школу был назначен новый учитель, совершенно нам неизвестный. Спрятанный в омшанике станок мог быть открытым. При школе жила еще мать т. Атмакина и мы решили взять станок пока она там.

В конце декабря, я и т. Вяч. Щетинин, наняв извозчика, вечером поехали в Червишево. Приехав в школу к матери т. Атмакина и усадив своего возчика за чай, мы отправились в занесенный снегом омшанник и с величайшим трудом извлекли оттуда все типографские принадлежности. Уладив таким образом дело и обогревшись, перевезли типографию в город. Но обстоятельства складывались неблагоприятно. Типография была поставлена на Садовой ул. в квартире Щетинина, но через неделю уже пришлось ее немедленно оттуда перенести на бывшую в то время судостроительную верфь Воткинского завода в стоявшую на берегу казарму, в квартиру материального рабочего т. «Геннадия» (фамилию забыл). Помещение было ненадежное, тут всегда могли накрыть. Печатать приходилось много, поэтому работали мы ночью, а на день станок убирали в подполье. Работу в типографии вели я, Жданов, Силин, «Геннадий» и Константин Галецкий (студент Киевского университета, умерший впоследствии на поселении в Иркутской губ.). Типография однако была обнаружена ночным сторожем верфи и могла быть им выдана. Пришлось ее спешно убрать и, за неимением квартиры, закопать в поле в снегу, за быв. Гуллетовским заводом. Потом после бесконечных мытарств, она была помещена в дом № 8 по Войновской ул. (как раз под квартирой помощника исправника Вишневского), но опять не посчастли-

вило: в первых числах июля типография была выдана провокатором Архангельским, вместе с находившимися в ней т.т. Ждановым и Галецким.

Как только мы расширяли свою работу, так начиналась за нами усиленная слежка. Припоминаю такой случай. Однажды вечером т. Борис Федишин, отправившись с моей квартиры на Пароходской ул. на обычные свои кружковые занятия с рабочими был выслежен и арестован среди зазимовавшего на реке каравана.

В начале февраля на Уральской областной конференции Р. С. Д. Р. П., на которой от Тюмени присутствовал т. Качалов («Петрович»), была намечена общая линия борьбы с наступающей реакцией, а наша организация, бывшая до сих пор как бы под контролем Екатеринбургского комитета Р. С. Д. Р. П., была превращена в самостоятельную и линия, занятая Тюменским комитетом, признана правильной. А реакция уже вела наступление во-всю, капиталисты отнимали у рабочих с таким трудом добытые ими в 1905 г. частичные свободы. Тюменскими рабочими была вручена депутатам с.-д. фракции 2-й Государственной Думы петиция с ярко выраженными требованиями.

Вторая забастовка водников.

Среди судовых команд пароходов, зазимовавших в Тюменском затоне, большинство были членами организации и членами закрытого клуба союза рабочих; в них жива была еще та революционность и крепкая товарищеская спайка, которая так резко проявлялась еще в зиму 1905—6 г. Когда с окончанием навигации и наступлением зимы пароходовладельцы бесцеремонно стали урезывать заработную плату и прибавлять рабочий день, борьба сделалась неизбежной и с наступлением первых весенних дней водники стали готовиться, под руководством партийного комитета к испытанному средству борьбы—забастовке.

Было выбрано забастовочное бюро, напечатаны и разосланы воззвания с призывом к одновременной забастовке к водникам затонов: Барнаульского, Омского, Павлодарского, Семипалатинского и Томского, изыскивались средства в забастовочный фонд.

В марте в затон прибыли большие партии матросов, кочегаров и штурвальных, законтрактованных агентами пароходовладельцев в Вятской губ., началась лихорадочно-спешная агитационная работа среди них.

В зимовочных помещениях проводились грандиозные собрания, на которых водники подготовлялись к борьбе.

Готовились к ней из товарищеской солидарности и рабочие других предприятий города.

На одном из городских собраний было утверждено, выработанное комитетом и забастовочным бюро, требование к пароходовладельцам. В основном это требование сводилось к следующему: 8-часовой рабочий день, работа в 3 смены на судах, увеличение заработной платы особенно матросам и кочегарам, и предоставление командам более сносных в санитарном отношении помещений.

День забастовки был близок и мы умышленно задерживали окончательную сборку машин. Уже в день забастовки у меня например, в тисках была зажата не законченая приделкой кулисса. Так было почти на всех параходах.

5 или 6 апреля перед ледоходом, специально выбранной делегацией наши требования были вручены пароходовладельцам. Последние уже были осведомлены о готовившейся забастовке и, очевидно, сговорившись, категорически отказались удовлетворить их. Но жребий был брошен и вечером в тот же день, на Пароходской улице в пивной Аксендера состоялось последнее наше собрание, на котором делегация сделала доклад о результатах переговоров с пароходовладельцами, единогласно было решено на следующий день в 10 часов дня начать забастовку.

На утро все вышли на работу и принялись каждый за свое дело. Начальствующие лица: командиры, машинисты группировались издали, не подходя к нам выжидающе посматривали на нас. В 10 часов на 1 номере раздался первый призывной гудок к забастовке, а за ним также гудки на всех заводах города. Все заволновались, стали выходить из помещений и становились в ряды, поджидая товарищей всего затона.

Затем вышли из ворот и стройными рядами пошли Заречной ул. по направлению к мосту.

По дороге к нам присоединились рабочие казенной зимовки и спичечной фабрики.

Пока мы шли заречной частью, полиция отсутствовала, но когда мы, пройдя мост, стали подниматься к управе, нам преградил дорогу усиленный наряд городовых, но был оттеснен нами, и мы пошли мимо бывш. городской управы по направлению к Спасской улице.

Когда мы поровнялись с полковыми казармами, солдаты Тобольского полка из казарм взабравшись на забор и крышу, восторженно приветствовали нас. Но не успели мы пройти казарм, как на нас налетел с ружьем на перевес отряд учебной команды, сбил прикладами в кучу и, оцепив тесным кольцом, погнал во двор полицейского управления. Во дворе полиция с помощью жандармов, очевидно, по заготов-

ленному уже ранее списку, стала выхватывать из рядов загнанных во двор рабочих, намеченных в списке лиц, которые после небольшого допроса в помещении полиции, увозились в сопровождении околодочных надзирателей в тюрьму. Было арестовано больше 30 человек. Всех арестованных товарищей я не помню и назову только тех, о которых мне удалось припомнить. Это:—Качалов, («Петрович»)—профессионал, партийный работник, А. Равинский—тоже, Мих. Сем. Сиротин—пом. машиниста парохода «Товарищество», Виталий Бауков—масленщик парохода «Товарищество», Я-пом. машиниста парохода «Владимир», Евл. Исаков—кочегар парохода «Владимир», К. А. Аликин—пом. машиниста парохода «Казанец», Д. Ф. Грехов—пом. машиниста парохода «Эдм. М.», Жирарде Вильяр—машинист парохода «Зорный», А. Баженов—баржевой плотник, Суворов—рабочий Макаровского завода, П. Тысченко—баржевой конопатчик, А. Н. Неверов—конторщик Зап. Сибир. пароходства и Жигулин—масленщик.

Тюрьма и ссылка.

Тюменская тюрьма была в это время битком набита политическими каторжанами и административно-ссыльными. Когда нас целой вереницей стали подвозить к воротам тюрьмы, они, видя из окон верхнего этажа это необычайное для Тюмени зрелище, стали реагировать на это доступными им средствами: приветствуя нас, они тотчас же начали бить оконные стекла и посылать проклятия привезшим нас полицейским надзирателям и жандармам.

Нас поместили в одну из камер левого флигеля против кухни, и не успел тюремщик замкнуть за нами дверь камеры, как мы услышали стрельбу. Подбежав к окнам, мы из-за косяков увидали—как взвод солдат караульной команды, под руководством старшего надзирателя тюрьмы С. Ребрик, обстреливал окна тюремного корпуса, отчего вся передняя площадка перед корпусом покрылась обвалившейся штукатуркой. Скоро обстрел прекратился. Пострадавших, к счастью, не было, но негодованию всей тюрьмы не было предела. Когда в тот же день приехал прокурор Полуботко и следователь, то каторжане—вечники заявили, что если они увидят Ребрика на тюремном дворе, он будет ими немедленно убит. После этого, мы Ребрика в тюрьме уже больше не встречали: он был, как мы узнали потом, переведен в Тобольскую тюрьму.

С городом у нас была заведена живая связь через личные свидания и через охранявших тюрьму сознательных солдат Тобольского полка. А вести о ходе забастовки шли к нам одна другой печальнее. Забастовка, руководимая после нашего ареста т.т. Калугиным, Севастьяновым (вскоре же навлекшим на себя подозрение рабочих и сбежавшим) и М. Глузманом, под давлением жандармерии и полиции и вследствие штрейкбрехерства самих рабочих, быстро пошла на убыль и, продержавшись всего около 10 дней, была ликвидирована. А мы продолжали тянуть свою длинную и нудную тюремную лямку.

Тюрьма в то время была еще не «завинчена» и мы пользовались относительной свободой. Прогулки были общие, камеры днем закрывались редко, и мы имели возможность знакомиться с товарищами. Среди политических каторжан было много матросов по Крондштадтскому восстанию, поляков-пэпэ-эсовцев, террористов и др. партий. Все они направлялись в Александровский и Тобольский централы.

Стремление освободиться заставляло изыскивать всяческие способы к побегу. Смежно с нашей камерой, через не большой коридор помещались административно-ссыльные, среди которых я встретился здесь с тов. Ароном Сольц. И вот из этой камеры нечеловеческим трудом этих товарищей велся подкоп на улицу. Он почти был доведен до конца, но был выдан одним предателем, каторжанином—Столбовым. После обнаружения подкопа, Столбов за предательство был на другой же день убит политическими каторжанами.

Однажды вечером, когда мы сидели в соседней камере с товарищами и вели какие то разговоры, в камеру ворвался начальник тюрьмы и помощник исправника с солдатами с приказанием нам немедленно возратиться в свою камеру. Когда мы ответили, что ночью никуда мы не пойдем, они хотели пустить в ход приклады, но тов. Сольц дал им такой энергичный отпор, что они, не переместив никого и только осмотрев камеру, ушли.

Были со стороны тюремной администрации и попытки устроить расправу с ненавистными политическими. Мы готовились к празднику 1 мая и сделали даже красное знамя. С ним мы вышли на двор, думая пройти кругом корпуса и устроить небольшой митинг. В это время из камер уголовных каторжан, до сих пор запертых и нарочно открытых в этот момент надзирателями, выскочили несколько человек пьяных уголовников каторжан с ножами в руках. Сначала было под-

нялась паника, но благодаря удивительному хладнокровию некоторых товарищей, и в частности тов. Арона Сольца,—расправа не удалась.

Благодаря помощи рабочих и энергичной работе М. П. Захарченко по изысканию средств для тюремного «Красного Креста», мы не нуждались ни в чем и даже имели возможность помогать политическим каторжанам.

Через некоторое время многие из арестованных с нами товарищей были освобождены и только немногие ждали разрешения своих дел. В июле мне, М. С. Сиротину, А. Неверову, А. Равинскому и некоторым другим было об‘явлено об административной высылке из пределов губернии. Вскоре мы покинули тюрьму и были увезены в арестантском вагоне к месту ссылки, под надзор полиции.

М. Зиновьев.

Мои встречи с „Артемом“ и 3-й Областной Партийный С‘езд в феврале 1907 года.

(Отрывок из воспоминаний).

В Перми на конспиративной.

В феврале 1907 года, вскоре по прибытии в распоряжение Пермского Комитета РСДРП мне пришлось встретиться с товарищем Артемом, который в это время вел большую партийную работу в Комитете. Встреча произошла в Смышляевской библиотеке днем, когда библиотека была открыта и Артем зашел на несколько минут. В библиотеку для встречи с Артемом и получением от него директив являлись и другие работавшие в Перми профессионалы—«Александр»*), «Зеленый», В. Калинин из Кунгурского уезда. Артем сразу взял меня в работу и я познакомил его с состоянием работы в Красноуфимском районе, откуда я приехал, а также с моей предыдущей работой в Перми и Екатеринбурге.

Вскоре после этой встречи произошла там же вторая, на которой Артем сообщил, что по постановлению Пермского Комитета я командирован в Красноуфимско-Михайловский район с тем, чтобы оттуда ехать в Екатеринбург на Областной С‘езд.

Подготовка к Областному С‘езду РСДРП(б).

Сборы к от‘езду, получение паспорта на имя приказчика Петра Ивановича Иванова, литературы и явок заняли несколько дней. Перед от‘ездом тов. Артем вручил мне бумажку в один вершок в квадрате с оттиском печати Областного Комитета Р.С.Д.Р.П.(б.) для пред‘явления в Екатеринбурге и сообщил Екатеринбургскую явку, которую я никуда не должен был записывать, а запомнить. Маршрут поездки был—Кунгур, Красноуфимск, Михайловский завод и места организаций в районах этих пунктов.

До Кунгура я доехал благополучно на лошадях, явился по явке в фотографию, где сдал литературу и получил мандат от наличных голосов кунгурской группы.

В Красноуфимске пришлось задержаться несколько дольше, так как ехать в Екатеринбург слишком рано не следовало. Собрание членов

*) На V с‘езде присутствовал под кличкой Алексей от Чусовской и прилегающих к ней других организаций (Зеленый).

Красноуфимской организации также передало мне, как кандидату Пермского Комитета наличные голоса на с‘езд.

(В Красноуфимске я работал под кличкой «Учитель», а впоследствии в других местах под кличкой «Наум»).

В один из вечеров, когда я был на совещании у работавшего тогда в Красноуфимске тов. Путо, на улицах Красноуфимска по распоряжению председателя уездного с‘езда земских начальников Свиридова, произошло избиение манифестантов полицией. Свиридов впоследствии был убит с-ром Рогозинниковым *). Из Красноуфимска проехал в Артинский завод, где была небольшая организация. Явка и квартира в Артях была у часового мастера. Здесь также было собрание организиции, на котором присутствовало 5 рабочих.

Пробравшись затем благополучно до Михайловского завода (связь с организацией Михайловского завода поддерживалась через лесничего, моего товарища по красноуфимской тюрьме) присутствовал на двух собраниях организации и, получив голоса, через Шемаху-Нязепетровск (последний входил уже в район Екатеринбургского Комитета) и ст. В.-Уфалей прибыл в Екатеринбург.

В ожидании С‘езда.

Явка в Екатеринбурге была назначена в парикмахерской на углу Главного проспекта и Успенской улицы—теперь угол улиц Ленина и Вайнера. Во время бритья я спросил у работавшего с моими волосами парикмахера «где я могу видеть хозяина»? Ответив, что хозяин он, по окончании стрижки парикмахер предложил мне пройти в задние комнаты, где я сообщил ему, что «привез вести из Ирбита с ярмарки» (условный пароль) и показал оттиск печати. Парикмахер попросил меня несколько обождать, а сам куда-то вышел. Вернувшись через несколько, минут, он направил меня в дом на противоположной стороне улицы, на углу Главного и Студеной, в библиотеку Тихоцкой и предложил—в читальном зале, сделав вид, что разыскиваю на столе газету, сказать: «где-то не видать дружеских речей» (черносотенная газетка того времени). Я так и сделал.

В читальне сидело несколько молодых людей. После моего вопроса, ко мне подошел один из них, которому я сообщил о моей командировке, результатах поездки и передал оттиск печати. Оказалось, что все сидевшие были наши делегаты. Здесь, между прочим, я встретился с товарищем Александром также приехавшим из Пермского района.

*) Дело об убийстве Свиридова с-ром Рогозинниковым имеется в делах Пермского Истпарта

Из библиотеки Тихоцкой мы прошли на квартиру одного товарища работавшето в Екатеринбурге, проживающего по б. Тихвинской ул., где узнали что С‘езд соберется на следующий день и что Артем из Перми еще не приехал.

На ночевку нас направили на комитетскую конспиративную квартиру (улицы не помню). В квартиру мы вошли через лавочку, содержавшуюся для этой цели старушкой-матерью одной работницы*). На ночевке собралось человека четыре. Сюда же пришел видный работник Пермской организации—рабочий, работавший под кличкой «Зеленый» с ним потом мне пришлось продолжительное время работать в Перми и Мотовилихе. Вечером, когда лавочка, была закрыта между нами надолго затянулась оживленная беседа:—ждали сообщения адреса с‘езда. Это сообщение принесла нам одна из Екатеринбургских партийных работниц.

Областной С‘езд 1907 г.

На другой день в 9-м часу утра по двое мы отправились на с‘езд. С‘езд происходил по бывш. В.-Вознесенской, теперь Тургеневской улице в квартире инженера Терникова. На наш условный стук дверь открыл сам Терников. У него мы спросили дома ли тов. Гилев и он пропустил нас в парадное крыльцо.

В маленькой комнате на два окна, выходивших во двор, вокруг письменного стола, тесно сжавшись, сидели, кто на стульях, кто на окнах человек 12, ждали местных работников и Артема. Последний запоздал и на С‘езде не присутствовал. С‘езд открылся в 10 час. утра, когда собралось 18 человек. В составе С‘езда были исключительно большевики и не одного меньшевика. Большинство участников с‘езда мне на были известны. Руководил с‘ездом специально командированный центром на Урал тов. Лядов, который сделал доклад по текущему моменту, в котором отметил оживление революционной работы. Его тезисы без поправок были приняты с‘ездом.

Из организационных вопросов, между прочим, долго обсуждался вопрос, куда отнести Красноуфимский район: к Перми, или к Екатеринбургу. Комитеты по этому вопросу спорили. Точку зрения Перми отстаивал «Зеленый» и С‘езд большинством голосов высказался за отнесение Красноуфимска к Перми из-за удобства сообщения по телеграфу и на лошадях через Кунгур.

Особо обсуждался вопрос о боевых дружинах и о подготовке вооруженного восстания. Доклад по этому вопросу делал Уфимский деле-

*) Кати Комаровой, после работавшей в технике Пермск. комитета (Зеленый).

гат, до этого мне неизвестный. Как я узнал потом—это был тов. Кадомцев. С'езд, учитывая развивавшуюся в то время деятельность шайки Лбова, решил отмежеваться от тактики эксов и указал, что рабочая партия должна держаться тактики массовых вооруженных выступлений рабочего класса.

Так как Областной С'езд был созван перед 5-м Лондонским Партийным С'ездом, в порядке дня стоял отдельно доклад о задачах этого с'езда, о выборах на С'езд. Урал послал на 5-й с'езд исключительно большевиков*).

В состав Областного Комитета вошли «Назар», «Артем», «Зеленый»**).

С'езд продолжался один день. Собравшиеся тут же, в соседней комнате, во время перерыва позавтракали и разошлись в 8 час. вечера.

Ночевать пришлось опять на той же квартире, а на следующий день мы с тов. «Александром» уехали в Пермь.

С Лядовым мне пришлось еще раз встретиться в Перми, когда проезжая через Пермь, должен был дожидаться поезда и, чтобы не сидеть на вокзале и этим не привлекать «шпиков», пришел в Смышляевскую библиотеку. Я его сразу узнал и провел в задние комнаты (в Екатеринбурге Лядов был под фамилией—Гилев).

По возвращении с Областного С'езда пришлось некоторое время ожидать приезда из Екатеринбурга т. «Артема» и «Зеленого», которые задержались на заседании Областкома. С их приездом работа пошла усиленным темпом. Вскоре меня отправили для работы в Осу и Юго-Камский завод.

---

*) 22 большевика и 1 меньшевик от Воткинского завода.—(„*Зеленый*")

**) Семен (Шварц) и секретарем т. по кличке кажется Маня. (Зеленый).

К ИСТОРИИ БОЕВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА УРАЛЕ.

(По воспоминаниям Э. С. Кадомцева, О. М. Кадомцевой, Н. Н. Накарякова, М. И. Ефремова, записанным на вечере товарищеских воспоминаний в ноябре 1924 г.).

Идея вооруженного сопротивления насилию царских опричников всегда пользовалась популярностью на Урале. Еще в 1896 г. златоустовские рабочие после одной из больших забастовок завоевывают себе 8-ми-часовой рабочий день. Руководители этой победы т. т. Рогожников, бр. Тютевы, бр. Авладеевы и Кондратьев немедленно были арестованы и большинство из них погибает.

На смену им из Казани и Уфы приходят Инна Кадомцева и Виктор Быков из Екатеринбурга, которые с участием Клавдии Ивановны Огарковой восстанавливают и оформляют марксистские группы в Златоусте. Ту же работу в Кусе выполняет Вячеслав Буталов.

Тогда охранка ставит в Златоусте сотню оренбургских казаков и организует широкую сеть шпиков и предателей. Рабочие отвечают организованно—шпики исчезают, казачьи патрули разоружаются и избиваются.

Тогда же в 1897 и 1898 г. И. Кадомцева, будучи фельдшерицей, через больных казаков с помощью Э. Кадомцева впервые создает прототип ячейки военной организации.

Массовый расстрел златоустовских рабочих в 1903 г. окончательно разбил всякие иллюзии о мирных путях улучшения своего положения и поставил на очередь вопрос о вооруженной борьбе.

Осенью 1905 года широко развертываются революционные манифестации по всем городам и заводам Урала, опыт предыдущих лет организованного отпора царским и капиталистическим насильникам осуществляется в более грандиозном масштабе. Правда, четких организационных форм еще нет. Известная часть рабочих—партийцев, оставаясь в общей гуще партии, составляет, так называвшуюся тогда «вооруженную милицию». Общее число милиции в октябре 1905 года в одной Уфе достигает 350 человек, около этого же количества и в Златоусте. Роль этих неоформленных милицейских групп сводилась к охране митингов, манифестаций, иногда, как исключение, к организации какого нибудь определенного противодействия. Так например: жандармское

управление в Златоусте завело у себя собаку—ищейку, специалистку по отыскиванию оружия у рабочих. Ищейка в камышевой крыше у рабочего «Пантюхи» раскопала винтовку. Златоустовские «дружинники» (так называли членов рабочей милиции) решили уничтожить собаку. Организовали засаду на пути следования жандармского полковника с собакой. Убийство ее не удалось: ранили лишь полковника в ногу, собака осталась невредима.

Специального обучения милицейских военному делу тоже не было. Да и вооружение было случайное, самое разнообразное.

В конце 1905 года из людского материала вооруженной милиции начинают выделяться наиболее испытанные и смелые товарищи. Впервые закладывается особое ядро внутри самой милиции в виде специальной группы, вооруженной бомбами. группы, члены которой получили название «Боевиков».

В дальнейшем оформлении боевых организаций партии сыграли решающую роль большие события того времени: для Южного Урала таким событием надо считать столкновение рабочих с царскими войсками 9-го декабря 1905 года в железнодорожных мастерских ст. Уфа. Боевики во главе с братьями Иваном и Михаилом Кадомцевыми и Якутовым организовали охрану большого митинга рабочих. Казаки и войска оцепили мастерские. В результате вооруженного сопротивления (с бомбами) казаки должны были отступить. Рабочие без потерь разошлись. Затем столкновения во время манифестаций с погромщиками 19 октября в Екатеринбурге и 20 октября в Перми показали нам, какие организационные недостатки кроются в боевых дружинах и заставили поспешить с дальнейшим оформлением наших вооруженных сил.

Эта работа всей своей тяжестью легла в Уфе на Э. С. Кадомцева—специалиста по своему образованию, марксиста по подготовке. Марксизм, плюс военное дело сделали из него такого работника, который ярче всех представлял роль боевых организаций в осуществлении диктатуры пролетариата. Тем более, что на Южном Урале даже в массе простого народа живы были легенды о лихих делах Пугачева,—этого вождя мужицкого восстания, в течение трех лет бившего лучших царских генералов. У организаторов боевиков вставал вопрос, почему пугачевские партизаны могли бить лучшие царские войска? Ответ подсказывали старики—уральские рабочие: сила Пугачева была в недовольстве народа, в бунтующих рабочих Урала и пугачевские действующие войска мощными прослойками были связаны тут же на месте с массой, являвшейся для системы малых войн, которые вел Пугачев, постоянным резервом,

всегда готовым итти в бой. Войска атамана являлись лишь боевой организацией вооруженного народа.

Эта идея боевых организаций, пронизывающих своими корнями всю толщу рабочего Урала, указывала единственно правильный путь к захвату власти; она в начале 1906 года и легла в основу наших вооруженных сил.

Совершенно естественно, базами «боевых организаций народного вооружения или народных армий», как стали называться наши реорганизованные силы, к началу 1906 года выдвигаются города: Пермь, Екатеринбург и Уфа. Второе место занимают Челябинск и заводы Урала, тяготевшие в смысле влияния к тому или другому из главных центров.

Окончательно боевые организации формируются следующим образом: каждый партийный комитет имеет при себе в своем районе 3 дружины—первую, вторую и третью. Действующей силой является вторая дружина, в состав которой входят так называемые «десятки» (отряды), укомплектованные молодыми, менее занятыми партийными обязанностями членами партии, посвятившими себя военному делу. Каждый «десяток» имеет свое специальное назначение: отряд разведчиков, отряд саперов, бомбистов, стрелков, Красного Креста; при дружине состоит отряд мальчиков—разведчиков и распространителей партийной литературы, а также мастерская бомб и другие подсобные предприятия. Дружинники (боевики) 2-й дружины работали в наших типографиях, выполняли шифровальные работы, подделывали печати и т. д. Во главе каждого отряда («десятка») стоит десятский. Отряд в свою очередь распадается на так называемые «пятки» (в каждом пятке, как и в десятке, могло быть во много раз больше людей, чем показывают названия).

Над второй дружиной стояла многочисленная по составу первая дружина, состоявшая из выборной и кооптированной частей. Выборных входит по одному члену из каждого отряда второй дружины, плюс командующий всей боевой организацией «тысяцкий», избираемый представителями 1-й и 2-й дружины совместно. В выборную часть 1-й дружины также входит постоянный представитель партийного комитета. Кооптированная часть 1-й дружины состоит из разных военных специалистов, как, например: инструктор, заведующий мастерскими бомб, заведующий оружием, разведкой, казначей, секретарь, заведующий санитарным делом и пр. Выборная часть первой дружины представляет совет боевой организации, который, по его функциям, вполне сравним с нынешним Реввоенсоветом. Кооптированная часть этой дружины составляет штаб боевой организации с инструктором (начальником

штаба) во главе. Штаб разрабатывает устав, инструкции, стратегические планы действий, руководит обучением, вооружением и т. д. в масштабе всей организации.

В Уфимской организации «тысяцким» (командующим) был избран Иван Кадомцев, по партийной кличке хорошо известный как «Василий», инструктором (начальником штаба) состоял «Петр-Павел» (Э. С. Кадомцев).

За второй шла 3-я дружина, в состав которой входили партийцы-массовики, члены парткомитета («комитетчики»), а также примыкающие к партии рабочие. 3-я дружина была школой военного обучения. Обучением занимались боевики 2-й дружины, на ответственности каждого из которых состоял минимум пяток из 3-й дружины.

Такой структурой вполне достигались конспиративность и гибкость массовой военной организации. Тысяцкий знал только десятских, десятские—только своих пяточников. Благодаря этому, в течение 4-х лет Уральские боевые организации не знали ни одного случая провала. С другой стороны, эта организация через строго разграниченные друг от друга дружины глубоко уходила в толщу пролетариата, что отчетливо сказалось в 1917—1918 годах, когда стоило небольших трудов возвратившимся на Урал старым боевикам вновь в неслыханно большом масштабе развернуть боевые организации народного вооружения, черпая силы из всей толщи уральских рабочих.

Но вернемся к истории.

Особенно характерно было положение Совета боевой организации. В состав его, как уже говорилось выше, входил один член парткома, как своего рода «наблюдатель», который имел право «вето» по решениям совета. Непринятые им вопросы переносились на окончательное решение парткома. Роль наблюдателя вполне понятна в те времена, когда в некоторых парткомах играли значительную роль интеллигенты и отчасти меньшевики. Они всегда относились с недоверием к боевым организациям, пустив по их адресу даже специальное крылатое слово: «партизанщина». В головах даже партийцев (интеллигентов) тогда еще не созрела мысль о захвате власти вооруженным организованным путем. Им казалось, что как-то само собой без всякой специальной военной подготовки в одно прекрасное время рабочая масса поднимется и возьмет власть. В свою очередь в состав парткома боевики посылали своего представителя специально для защиты интересов и решений боевых организаций. С течением времени парткомы очистились от меньшевиков, чему сильнее всего содействовали боевики, посылая из своей среды в

партком лучших партийцев. Строго введенное в практику боевых дружин обязательство—боевикам нести и партийную (агитаторскую и организационную) работу—делало из них и отличных комитетчиков. К тому времени также выдвинулись на роль хороших руководителей партии и рабочие.

В 1906 г. боевые организации охватывают весь Средний и Южный Урал: на каждом заводе, где имеется партийный комитет, создается своя боевая организация из всех трех дружин. В Симском горном округе особенно выделяются боевые организации Миньярского завода с Яковым Заикиным, как сотником (тысяцким) организации во главе, и Симского завода с отважным Михаилом Гузаковым главой боевой организации завода, ставшим легендарным героем революционного Южного Урала. Отличных боевиков имели заводы и других Уральских горных округов: Катав-Ивановского, Тагильского и др.

В том же 1906 г. перед Уральской областной конференцией партии (участвовали товарищи: Свердлов, Чуцкаев, Накаряков, Авейде и др.) встал вопрос об отношении к боевым организациям, выдвинутый самой жизнью. Конференция выносит особую резолюцию о «боевых организациях народного вооружения», согласованную с мыслью создателей их, рассматривая впервые боевые организации, как основу будущей повстанческой армии. Тов. «Назару» (Николаю Никандровичу Накарякову) поручается от Областного Комитета партии наблюдать за боевыми организациями Урала и связать их деятельность с парторганами. Во главе боевых организаций всего Урала конференция поставила Ивана Кадомцева; инструктором (начальником штаба) при нем стал Э. С. Кадомцев. В последующей деятельности руководители боевых организаций вырабатывают широкий стратегический план военных действий для будущего вооруженного восстания. Урал рассматривается, как крепость, с подступами к ней с одной стороны—Самара, Вятка, с другой—Тюмень, Омск. Основными базами крепости выбираются Пермь, Екатеринбург, Уфа, с резервами в окружающих эти пункты заводах. Даются определенные задания каждому заводу в смысле производства средств обороны (бомб, других огнестрельных припасов и пр.), их захвата с военных царских складов. Как видно, на Урале большевики всерьез и очень конкретно готовились к вооруженному восстанию, поднимая его не как бунт, а как организованный акт революционного авангарда пролетариата.

На областной партконференции Урала зимой 1906 г., под руководством тов. Лядова и при участии Э. С. Кадомцева все заводы про-

демонстрировали в своих докладах полную организованность военных и боевых сил.

Верховным органом боевых организаций являлся боевой центр при ЦК партии, куда входили: Лурье Моисей (кличка «Михаил Иванович»), Шкляев («Лазарь»), Э. С. Кадомцев («Петр—Павел») и Уриссон «Виктор» (впоследствии злостный предатель). Таким образом, боевые организации Урала находились в прямой связи и зависимости от ЦК нашей партии, и ни одно важное предприятие на Урале не совершалось без ведома Владимира Ильича и «Любича»—Ал. Ив. Саммер.

Уставы, организационные и стратегические планы Уральского областного штаба боевых организаций были в том же 1906 г. (осенью) представлены на Всероссийскую конференцию боевых и военных организаций в Таммерфорсе (Финляндия), где Урал был представлен Иваном и Э. С. Кадомцевыми и Филиппом Ивановичем Локацковым. Уральские планы и устав конференция приняла для всех военных и боевых организаций партии в России, подчинив их центру военных организаций при ЦК партии; в этот центр входил и т. Е. Ярославский.

Для полного представления о боевых организациях необходимо коснуться внутренней стороны жизни дружины. Подготовка и прием боевиков в 1 и 2 дружинах были обставлены чрезвычайно строго. За поступающего в них боевика ручались 2 старых члена организации. Поручители отвечали за своего «крестника» до конца. В случае каких-либо серьезных отступлений от устава, приговор совета приводился в исполнение над «крестником» его поручителями. Боевик даже с своими мог говорить только то, что **нужно**, а не то, что **можно.** Одним из серьезных пунктов устава было—постоянное напоминание, что боевик имеет оружие не для того, чтобы скрывать его, бросать при опасности, а для того, чтобы **убивать врага**, а при крайней опасности и себя (живым не сдаваться). Конспирация была полная: с недоверием смотрели даже на того боевика, которого партия выделяла на обучение в третью дружину, т. к. члены последней могли случайно проговориться. Время от времени производились серьезные испытания над молодыми боевиками, если появлялась хотя тень сомнения в их стойкости. В какой форме могло производиться это испытание, можно судить по следующему примеру: один миньярский боевик должен был приехать из Челябинска в Миньяр. Переодетые в форму полиции, миньярские боевики схватывают прибывшего из Челябинска своего члена, производят над ним основательный допрос. Если испытуемый не выдержи-

вает, его удаляют как ненадежного. Один из выдающихся боевиков Урала симский рабочий Михаил Гузаков обучал своего 14—15-тилетнего брата Петра, проводя его через целый ряд опасностей, поручал ему неоднократно в глухие ночи проходить через густой лес между Симским заводом и Бьянкой для выполнения серьезных задач, помимо этого систематически тренировал Петра повседневными поручениями нелегального характера. Такой выучкой боевики старались оградить свою организацию от всякого провала по вине ее членов. На случай убыли кого бы то ни было из начальников (сотского, десятника, пяточника) имелось по 2 их заместителя.

Но неправильно было бы думать, что боевики представляли из себя замкнутую касту. Кроме того, что они были хорошими партийцами, служили интересам партии, боевики вели работу по принципам современного комсомола. Под их руководством создавались ячейки мальчиков—распространителей партийной литературы, они же воспитывали будущих себе заместителей из детей, как это делал Михаил Гузаков с братом Петром, или как делал он же с другими заводскими мальчиками, давая, например им такие на первый взгляд шутливо-остроумные поручения: масленица... дым валит из всех труб. Пекут блины. Михаил Гузаков поручает своим «комсомольцам» заткнуть все трубы. Проходит четверть часа, поручение исполнено. Заводские бабы ахают: блины не пекутся, дым ест глаза. В следующие четверть часа трубы, по приказанию Гузакова, открыты. Блины спасены. Это в известной степени надо отнести и к заводскому озорству, бывшему формой протеста против мещанства. Но боевики и это «озорство» часто оригинально использовали для целей воспитательных.

На боевиках второй дружины, кроме обучения третьей и ряда других функций, лежала охрана митингов, агитаторов, агентов ЦК партии, вылавливание и уничтожение шпиков.

В Уфе по шпикам наспециализировался рабочий «Илюша Глухарь». Уничтожались (обычно пристреливались в лоб—между глаз) злостные, вредные шпики. К глупым—не вредным применялась в назидание потасовка, вроде той, которая была применена, например, к одному глупому жандармскому ротмистру: «Глухарь» стоял на карауле, а один из выдающихся боевиков Уфы—силач Шура Калинин, взяв за шиворот здоровяка—жандарма, выкупал его в грязной луже, приговаривая соответствующий совет—не совать глупого носа куда не следует. Нашу науку хорошо знали шпики. Всякое напоминание о ней приводило многих в трепет. Однажды, надзиратель Уфимской тюрьмы Уваров,

отличавшийся страшной жестокостью, во время тюремной обструкции пригрозил и прицелился в арестованного Э. С. Кадомцева, на что получил от последнего только маленький намек на возможные последствия. Но и этого было достаточно, чтобы Уваров окончательно растерялся. И, действительно, поставленный в известность через организацию, Шура Калинин покончил с ним выстрелом меж глаз, когда Уваров караулил арестантов на сенокосе.

Охрану митингов дружинники проводили не менее находчиво и остроумно. Прежде всего боевиками самими производился выбор места для митинга, затем шла основательная разведка, наконец, расстановка связи и охраны. В связь шла молодежь из отряда разведчиков при 2-й дружине. С едва заметными только опытному глазу знаками на платье, разбивались они естественными группками по дороге к месту митинга. Участники митинга по ним получали направление. Но лишь сказанный правильно пароль открывал им доступ к месту митинга.

Еще одна большая задача лежала на 1-й и 2-й дружинах—это работа по разложению правительственных войск. Боевики 2-й дружины своей устной пропагандой и раздачей наших листовок среди войск постепенно, но упорно подготовляли почву для агитационных выступлений членов 1-й дружины перед большими массами царских солдат.

Вполне понятно, почему штаб особенное внимание уделял обучению 1-й и 2-й дружины военному делу. От каждого дружинника требовались ежедневные одиночные упражнения в прицеливании из револьвера во всех возможных положениях тела, упражнения в фехтовании и т. д. Несмотря на огромные опасности, летом 1906 г. уфимские дружинники под руководством Э. С. Кадомцева проходили маневренные занятия на Деме, в 10—15 верстах от Уфы: была произведена боевая стрельба, было дано понятие об искусственных препятствиях и других фортификационных сооружениях. Но такая смелость сошла нам безнаказанно совершенно случайно. Возвращаясь с занятий, кавалькада наших лодок встретила на берегу реки Белой кольцо полиции. Только находчивость Э. С. Кадомцева спасла боевиков от ареста: он, увидя опасность, одел находившуюся при себе (умышленно взятую) офицерскую форму, смело подошел к группе полицейских с приставом во главе и затеял с ними спор. Пока полиция доказывала мнимому офицеру свою правоту, остальные дружинники поднялись на пригорок и, спасаясь сами, дали вместе с тем возможность и Э. Кадомцеву уйти от полиции.

Военная и физическая подготовка дружинников была отличная, о чем можно судить хотя бы по примеру Шуры Калинина и Михаила

Кадомцева: Калинин выжимал руками до 7 пудов, Михаил Кадомцев из браунинга во всех неожиданных позах стрелял в маленькую цель на 75 шагов. Все это нисколько не мешало ему быть отличным оратором, зажигающим массы своими речами.

Боевые организации усиленно занимались и снабжением себя боевыми средствами. Наши мастерские получили задание выработать простой тип бомб для массового боя. Бомбы были изготовлены в большом количестве.

Марксистская подготовка боевиков стояла на уровне их военного обучения. Тысяцкий Уфимской организации, впоследствии военный глава всего Урала, «Василий» (Иван Кадомцев) пользовался в дружинах огромнейшим идейным и боевым авторитетом. Его авторитет в организации был настолько высок, что достаточно было его присутствия и слова, чтобы поддерживалась самая строжайшая дисциплина. Под его руководством росли марксисты-боевики, одинаково владевшие и марксизмом, и оружием (например: Михаил Гузаков, Шура Калинин и др.).

Личные качества Ивана Кадомцева—чрезвычайная скромность, задушевная простота—распространялись и на подчиненных ему боевиков. Стоило Ивану задать один—два самых простых на первый взгляд вопроса блуждающему товарищу, как прояснялась последнему самому его ошибка, и он первый сознавался в этом. Поэтому взаимоотношения между боевиками и дисциплина среди них не желали оставлять ничего лучшего.

Тысяцкий «Василий» (Иван Кадомцев) великолепно разбирался и в личных качествах каждого боевика. После одного предприятия, когда боевик Мячин (Яковлев) проявил трусость, Иван сказал: «Мячин нас рано или поздно предаст». Оружие у Мячина тут же было отобрано. И, действительно, Мячин, будучи назначен ком. войсками в 1918 г., затем смещенный с этой должности, нас предал,—перешел к Колчаку.

К весне 1906 г. перед боевиками вплотную встал вопрос об экспроприациях: требовалось оружие для массового обучения, потребовались средства.

Принципиальное, положительное решение об «эксах», хотя и не опубликованное, было принято на Уфимской конференции в феврале 1906 г. с участием некоторых товарищей из Екатеринбурга (Чуцкаев, Свердлов, Накаряков). Каким-то образом это решение стало известно меньшевикам и они в своих выступлениях против нас на Лондонском с‘езде не преминули укорить им. Уральский областной комитет утвер-

дил «эксы» в середине 1906 года (июнь—июль) на областной конференции боевых организаций, на которой также присутствовали «областники» Е. А. Преображенский, Накаряков (Назар).

Эта область работы потребовала от боевиков еще большей сплоченности, стойкости, тщательной личной подготовки и обдуманного отношения к каждому шагу.

Любимыми изречениями Ивана Кадомцева, а за ним и всех остальных боевиков, становятся следующие: «Не надо быть храбрым,— храбрым нужно быть тому, кто трус»; «Всякое предприятие надо выполнять с тем спокойствием, с каким хлебаешь ложкой обед за столом»; «Самое трудное дело—замести следы, а совершение акта—пустяки». Поэтому на подготовку самого предприятия и группы, совершающей экспроприацию, отводилось исключительное внимание; без тщательнейшим образом проработанного плана не совершалось ни одно дело. Самой трудной частью «экса» считали подготовку его и заключительную часть—«заметание следов». При наличии хорошей проработки этих сторон самый акт всегда считался легким делом. В подготовку „экса“ входила предварительная хорошая разведка (организация добычи сведений самого разностороннего характера об об'екте «экса» через личное знакомство, через подсылку своих для снимания планов и выяснения подступов; сюда же относилось приготовление отпечатков от ключей, замков и, наконец, организация путей и способов отступления после совершения акта, перевозочные средства и проч.). Все должно было быть организовано так, чтобы самый «экс» проходил **внезапно, без шума и без всякого риска**. Чтобы исключить всякий элемент риска, нужно было доводить четкость каждого шага боевика в каждом отдельном предприятии до степени автоматичности. Предварительная тренировка по условным знакам вполне гарантировала нам это достижение. Кроме этого, важно было для успеха дела развивать в каждом боевике находчивость и уменье выходить из любого положения. Учеба для этого в схеме была проста: каждый боевик должен был руководить хотя бы одной экспроприацией (все наши боевики по нескольку раз были руководителями «эксов»); каждый боевик должен был уметь управлять лошадьми, паровозом, владеть огнестрельным и холодным оружием, знать анатомию человека, чтобы без шума при помощи холодного оружия убирать с дороги помеху; обладать ловкостью и проворством, наконец, уметь гримироваться. И, действительно, каждый наш дружинник обладал всеми этими свойствами и знаниями.

Не менее серьезным надо считать «заметание следов». Здесь также заранее подготовлялся ряд деятелей. Благодаря этому поразительно мало времени требовалось для сокрытия всяких следов дела.

Насколько отважны и смелы по исполнению были экспроприации, можно судить по «эксу» почтового поезда на Деме (близь Уфы). 12 человек под командой Ивана Кадомцева сделали такое дело, которое на царском суде рисовалось, как дело рук 120 человек. Боевики отцепили у поезда паровоз. Шура Калинин своей беспрерывной стрельбой из маузера вдоль поезда представлял в воображении 20—30 вооруженных казаков - проводников поезда—целую роту экспроприаторов. Михаил Кадомцев фехтовальным приемом при помощи браунинга вышиб у двух нападавших на него солдат винтовки и винтовочными чрезвычайно меткими выстрелами перетушил фонари у кондукторов. Таким образом фактически «экс» был совершен только 2—3 лицами, так как остальные 9—10 человек исполняли лишь подсобные функции: охраняли путь, выносили из вагона и уносили взятые деньги.

Во всех наших экспроприациях, в частности совершенных под руководством Ивана и Михаила Кадомцевых, красной нитью проходило требование всячески избегать человеческих жертв. Вынужденное убийство, например артельщика во время демской операции долго не давало покою Ивану Кадомцеву; во время той же экспроприации наш 16-летний боевик Гринька Андреев (брат Шуры Калинина) до того ослаб, что не мог самостоятельно двигаться, тогда руководитель «экса» Иван Кадомцев лично отнес его в кусты и покрыл ветвями. У сотского златоустовской боевой организации Кудымова «эксы» в первое время от плохой подготовки и неуменья всегда сопровождались жертвами: били людей, лошадей. Приехал Иван Кадомцев и личным примером экспроприации «казенки» в течение каких-нибудь двух часов продемонстрировал златоустовцам опыт настоящего «экса».

Но не все наши большие предприятия проходили гладко, в некоторых из них (правда, в исключительных случаях) приходилось наталкиваться и на основательные препятствия. Так, например, однажды группа во главе с Михаилом Кадомцевым была отправлена в рудники на башкирских землях за динамитом. Башкирцы выследили нашу группу в лесу и организовали преследование. После двухнедельного в полном окружении отступления, почти без пищи, все товарищи вернулись домой.

С большой самоотверженностью и с чувством полной ответственности за каждую добытую копейку творились нами «эксы» для нужд партии. Деньги передавались парторганам, как непосредственно для из-

дания газет, содержания боевых школ, так и для отсылки в центральные учреждения партии. В течение 1906—07 г. передано было—через Назара Накарякова—в Областной Комитет около 40.000 руб. и через А. И. Саммера в ЦК партии около 60.000 рублей.

На эти деньги Областной Комитет на Урале издавал целых три газеты: «Солдат», «Пролетарий» и газету на татарском языке. Деньги поступали также на поездку делегатов на Лондонский с‘езд, на содержание школы боевых инструкторов в Киеве, школы бомбистов во Львове, а также на держание границ (Финляндия и Западная Россия) для провоза литературы и прохода наших товарищей за границу.

Экспроприированным суммам велся тщательный учет. Бухгалтерия была своеобразная: приход и расход записывались по каждой экспроприации отдельно. «Бухгалтерские книги» (на клочках бумаги) обертывались в фольгу, помещались в пустую бутылку и заливались воском. Бутылка укладывалась в деревянный ящик. Последний закапывался в землю в надежде, что наступит в недалеком будущем время «Великой ревизии». Оно наступило. Но наши «бухгалтерские книги» все еще, к сожалению, не увидали света: некому их вытащить—главные исполнители «эксов» не дожили до этого времени: их самих закопали царские опричники.

Е. Жоров („матрос“).

Пермская патрульная дружина 1906 г.

(Воспоминание).

Несмотря на усилившиеся аресты зимой 1905—1906 года, Пермская организация настолько расширилась и окрепла, что ограничиваться одной подпольной работой было нельзя.

Лето 1906 г. нужно было использовать для широкой массовой работы.

Последнюю необходимо было организовать таким образом, чтобы обмануть бдительность шпиков, жандармов и полицейских, которые в свою очередь усиленно готовились к нашей летней работе. Конная полиция, например, прежде насчитывала в городе всего несколько человек; за зиму же 1905—6 г. была увеличена настолько, что везде можно было встретить конного городового.

Мы должны были организовать охрану наших собраний от провалов, причем поставить ее таким образом, чтобы полиция на эти собрания и массовки не могла наткнуться, а в случае необходимости суметь дать и вооруженный отпор полиции.

Сначала хотели поручить эту охрану боевой дружине, которая в то время насчитывала в своих рядах более полусотни человек. Но это легко могло расшифровать всех членов дружины и привести к очень серьезному провалу. А взять одного члена боевой дружины, да еще «на деле» для полиции было важнее, чем разогнать целое собрание. Поэтому было решено создать более легкий подвижной аппарат—особую патрульную дружину и для организации ее боевой дружине было предложено выделить одного из своих членов. Патрульная дружина должна была быть создана преимущественно из молодежи, преданной революционному делу, уже из‘явившей желание вступить в ряды боевой дружины, но не принятой, вследствие недостаточной испытанности или молодости. Проще сказать, патрульная дружина должна быть предварительной ступенью для желающих вступить в ряды боевой организации. По соглашению боевой дружины с городским комитетом, организация патрульной дружины была поручена мне, как члену боевой организации.

Ранней весной 1906 г. взялся я за вербовку членов. Надо сказать, что среди рабочей и интеллигентской молодежи в то время весьма много было горящих революционным пылом, но при конструировании приходилось быть весьма осторожным, так как охранка всегда старалась втереть к нам своих провокаторов (как мы увидим ниже, этого мы всетаки не избежали). Кроме того, нужно было подобрать таких товарищей, которые отдались бы этому делу не случайно, беспрекословно выполняли бы каждое порученное им дело, могли бы вынести все тяжести предстоящей работы и, в случае провала, имели бы достаточно мужества выдержать натиск охранки и не выдать своих товарищей.

В течение двух недель мне удалось завербовать человек 12—15, которые и составили основное ядро патрульной дружины. Вскоре удалось набрать еще человек 10—15 и патрульная дружина к средине апреля могла считаться вполне сформированной.

Так как со времени организации дружины прошло уже более 20 лет, то фамилии дружинников я уже теперь не помню, тем более, что после моего ареста в конце 1906 г. я в Перми более не работал и никого из них не встречал. Но наиболее близких своих помощников я помню: то были Абрам Левин, Павел Токмачев, Владимир Урасов и Иосиф Коган.

Управление дружиной было наполовину демократическим, наполовину военным. Демократизм выражался в том, что начальник дружины и его помощник избирались общим собранием дружинников, а военный принцип выражался в безусловном и безоговорочном подчинении начальнику. Начальник дружины держал все оперативные планы в секрете, не сообщая их дружинникам до момента выполнения. Каждый дружинник накануне или утром получал указание о месте и времени явки и только на явочном месте он узнавал определенный пост, пароли и проч.

Начальником дружины был избран я, а помощником—Владимир Урасов.

Практическая работа велась таким образом. В определенный день я являлся по явке для свидания с секретарем или организатором городского комитета. Явка была в магазине Агафурова, иногда в квартире студента Бернштейна*), если не ошибаюсь, на Екатерининской улице, а иногда секретарь комитета являлся ко мне на квартиру.

От городского комитета я получал при свиданиях указания о собраниях, намеченных в течение недели, и в это же время уславливался

*) Михаил и Виктор, работавшие в 1906 г. в качестве пропагандистов. М-ки. и в 1907 совершенно ушли от работы. (Зеленый)

в отдельности для каждого собрания: где будет стоять первый пикет, как его можно опознать, какой будет пароль и проч. Договаривались, например, так: на 6-й версте по Сибирскому тракту, на левой стороне будет стоять молодой человек в белом костюме, в черной шляпе и с перевязанной левой рукой. Его нужно было спросить: «Не проходил ли здесь белый медведь?», а он на это должен был ответить—«белого медведя не видел, но змея верхом проехала» и т. п.

На следующий день, обычно, я, Урасов и Левин отправлялись в лес выбирать место для собрания, имея при этом ввиду его характер и размеры.

Затем исследовали все дорожки и тропинки, ведущие от выбранного места во все направления, и определяли, где нужно ставить открытые и скрытые пикеты, а также устанавливали пароли для последующих пикетов, кроме первого, или, как мы его называли, головного.

Охрана собрания производилась нами как открытыми, так и скрытыми пикетами. Открытые пикеты не только охраняли собрания и следили за движением полиции, но и давали направление собирающимся, знающим пароль. Обычно после начала собрания открытые пикеты снимались. Скрытые же пикеты ставились во всех направлениях, замаскировывались (часто сидели на деревьях, горках и др.) и имели своей целью исключительно охрану собраний от внезапного нападения полиции. Обычно, как только полиция выезжала за город или переправлялась через Каму, она попадала под наблюдение наших пикетов и потому почти никакого беспокойства нам не причиняла.

Только очень редко она нападала на правильный след и в таких случаях дружине приходилось проявить свое искусство. О всяком движении полиции и о всякой опасности особым сигналом сообщалось в штаб охраны, который находился в наиболее удобном месте, ближе к п нкту собрания. Здесь обязательно находились или я, или Урасов, причем по очереди ходили проверять пикеты. Наша сигнализация состояла из свистков, особых трещеток, флажков и револьверных выстрелов. Значение имели как род сигнала, так и формы его. Выстрелы были крайним исключительным сигналом, когда опасность была несомненна.

Когда мы убеждались, что собрание может быть накрыто, спешно переводили его на другое место, наблюдая при этом за каждым шагом полиции.

За лето было несколько таких случаев, но они всегда сходили благополучно, главное было в том, чтобы не допустить паники среди собравшихся, поэтому являясь на место собрания, я по секрету передавал организатору о наших наблюдениях и указывал, куда надо пере-

вести собрание. Последний проделывал это так осторожно и умело, что собравшиеся, иногда по 300 и более человек, спокойно, с шуточками, перекочевывали с места на место. Помню такой случай. Было очень важное и интересное собрание, которым руководил тов. Андрей (Я. М. Свердлов). Я ушел из штаба на место собрания. Как на зло, случилась тревога, и ближайший пикет, обычно сигнализировавший флажками или доносивший лично, увидев, что никого в штабе нет, бросился на место собрания и, увидев меня, издали закричал: «тревога, полиция». Собравшиеся, услыхав об опасности, повскакали и побежали кто куда. Только твердый и уверенный голос Яков Михайловича сумел удержать и успокоить толпу, перевести ее в порядке на новое место, за несколько верст. Здесь собрание спокойно продолжалось и закончилось.

Несмотря на то, что летом не проходило ни одного праздничного дня без массовки, а партийные собрания бывали и в рабочие дни и, несмотря на то, что полиция частенько нападала на правильный след, ни одно из собраний провалено не было.

Об'яснялось это вероятно тем, что полиция всегда посылала за город конные резервы, а последние боялись углубиться в лес.

Мы были вооружены револьверами, правда, разнокалиберными, и кроме того, в нашем распоряжении было еще 2 винтовки; то и другое мы получили от боевой дружины. На всех оружия не хватило.

Наша попытка разоружить несколько полицейских была неудачна и такой порядок приобретения оружия впоследствии был запрещен Партийным Комитетом. Наконец боевая дружина сумела вооружить всех наших дружинников. Обучаясь стрельбе из револьверов, сигнализации и др. приемам, мы собирались не меньше 3 раз в неделю в лесу за городом.

В дни собраний, несмотря на стоявшую иногда непогоду, мы были на своих местах. Простаивали часто по несколько часов под проливным дождем.

К осени ряды наши стали постепенно редеть. Сторожевая служба патрульной дружины была окончена и уцелевшие остатки занялись главным образом распространением нелегальной литературы.

Способы распространения литературы были весьма разнообразны и это беспокоило полицию не меньше лесных собраний. В ночное время мы расклеивали прокламации на всех заборах и витринах. Полиции приказано было вылавливать всех лиц, подозрительных в этом отношении, и прокламации немедленно срывать. Бывало, сорвет полицейский прокламацию в одном месте и направится дальше, а в это время там,

где он только что был, уже снова наклеена такая же прокламация. Разбрасывали прокламации по панелям и дворам или наши дружинники под видом газетчиков раздавали прокламации прохожим в руки, выкрикивая «последняя новинка». Разбрасывались прокламации также и в театре. При поднятии занавеса, когда в театре тушились огни, дружинники бросали с галерки несколько пачек и прокламации разлетались по всему театру. На этой работе я вместе с тов. Урасовым и Левиным был однажды арестован. При метании прокламаций один экземпляр упал нам под ноги и чтобы его никто не увидел, мы стали пинать его ногами. Это было замечено полицией.

Кроме этого наиболее надежные люди из патрульной дружины использовались парторганизацией и для других разных поручений. Так, нам приходилось принимать участие в организации побегов из тюрьмы (вместе с т. К. Кирсановой) и проч.

Несмотря на наши большие предосторожности, охранке все же удалось ввести в патрульную дружину провокатора, Я не помню теперь его фамилии, но мне помнится только, что это был молодой—лет 18—19 рабочий железнодорожных мастерских, поляк*). Вступил он в дружину в средине лета и рекомендовал его кто-то из надежных товарищей. Как новичек он находился у нас на испытании и мы ему доверяли очень мало. Раскрыли его рабочие ж.-д. мастерских, которые однажды, окружив его тесным кольцом и дав несколько тумаков, заставили во всем сознаться. Он вырвался и убежал, оставив в руках рабочих пиджак, в кармане которого находилась записная книжка и другие документы, доказывавшие сношения с охранкой. Впервые он навлек на себя подозрения таким поступком: однажды за Камой происходило общее собрание СД и СР Перми и Мотовилихинского завода. Был устроен диспут по аграрному вопросу. С нашей стороны выступал или т. Преображенский («Леонид») или т. Сергеев («Артем»), а со стороны СР—приезжая девица, теоретически тоже весьма подготовленная. Схватка была «не на жизнь, а на смерть», дружинник железнодорожник стоял на посту в средней цепи. Я в сопровождении тов. Токмачева шел проверять пикеты. Когда я подошел к нему и задал обычный вопрос: нет ли чего подозрительного—Пан (так его, кажется, звали у нас) сказал мне—«знаете, т. Матрос, этот револьвер не стреляет», и нажал курок револьвера системы «Смит-Вессон». Последовал выстрел. Пуля пролетела возле меня, задев мою руку. Провокатор при этом побледнел, уронил на землю револьвер

*) Шимульский. См. ст. Шпагина в сборнике Пермск. Испарта „Борьба за власть“.

и стал что-то лепетать. Стоявший около меня т. Токмачев, не выдержав, размахнулся и ударил его по голове так сильно, что тот присел.

Полагая, что выстрел случайный, я считал вопрос исчерпанным и направился к другим патрулям, чтобы предотвратить панику, которую мог вызвать этот выстрел.

Когда я рассказал об этом случае некоторым товарищам, они решили, что дело нечисто. После этого ему ничего не стали доверять, а в ж.-д. мастерских устроили слежку, которая и дала указанные результаты.

Эти воспоминания из жизни и деятельности Пермской патрульной дружины охватывают лишь несколько эпизодов. Между тем, деятельность дружины в период 1906 года весьма богата разными приключениями, которые самым красочным образом рисуют эпоху революционной борьбы того времени. По истечении двух десятилетий, в течение которых почти ни с кем не приходилось вспоминать, трудно собрать в памяти и передать все подробности.

Было бы хорошо, если бы активные участники патрульной дружины, оставшиеся в живых, пополнили в этом отношении мои воспоминания.

Чердынцев.

ДВА МОМЕНТА.

Социал-демократическая партия в 1906 г. об'явила бойкот выборов в первую Гос. Думу; рабочие г. Екатеринбурга и окрестностей не сразу усвоили смысл этого решения. В Верх-Исетском заводе рабочие говорили:

— Ну, ладно, бойкот! Значит, не пойдем на выборы. А кто же тогда представит нужды рабочего перед царем? Кто постоит за рабочего, чтобы закон охранял его от капиталиста? Выходит, что как раньше, так и теперь, рабочий остается без защиты! На что тогда революция была нужна? Нет, в Думу выбирать нужно!

Партийные агитаторы пытались доказать им, что в Гос. Думе рабочий класс не найдет выразителя своих интересов. Читался избирательный закон, рассматривались статьи о двухстепенных выборах, о делении населения на курии, об избирательном цензе, о числе избирателей каждой курии, о числе выборщиков, посылаемых каждой курией на выборы в губернию, наконец, о числе самих депутатов в Гос. Думе. Выходило по избирательному закону, что самые малочисленные классы населения, но зато самые богатые и праздные, как, например, дворяне, одни посылают, в общем, в Гос. Думу больше депутатов, чем рабочие и крестьяне вместе.

— Всякое постановление нашей Гос. Думы, издать или нет тот или иной закон, принимается, как и во всех парламентах, большинством голосов. Рабочие никогда не будут иметь на своей стороне большинства голосов, потому что сам закон это большинство отдает в руки помещиков и капиталистов,—говорили рабочие социал-демократы.

Собрания в то время (начало 1906 г.) были уже запрещены правительством. Партия собирала рабочих нелегально. Это не нравилось рабочим. Казалось странным, как это так выходит, что с одной стороны у рабочих законное право выборов представителей для защиты их интересов в законодательной палате, а с другой—критика этого законного права происходит на нелегальных собраниях, исходит от людей, преследуемых властью даже после революции. Что-то очевидно в данном случае неверно, сомнительно и требует особого внимания. Поража-

ло и то обстоятельство, что критика действительно как будто имеет под собой прочное основание. Как же в самом деле рабочие будут отстаивать свои интересы в Гос. Думе, когда их представители войдут в нее в ничтожном меньшинстве сравнительно с дворянами, капиталистами, интеллигенцией, попами и т. п.?

— Что же тогда делать?—недоумевала масса, мало еще затронутая пропагандой в предшествующие годы.

— Готовиться к вооруженному восстанию и добиться собрания истинно народной полноправной Думы, а не царской,—отвечала с.-д. партия.

Ответ не удовлетворял рабочих. На многих фабриках и заводах хозяева и администрация пытались привлечь рабочих к участию в выборах в надежде, что этим будет на долгое время подорвано влияние социалистических партий, зовущих пролетариат к продолжению революционной борьбы. Ввести борьбу в мирную парламентскую колею—вот была мечта некоторых передовых заводчиков и фабрикантов. Консервативная часть их смотрела иначе и к выборам относилась враждебно.

— Рабочим права дали! Возмущались они.—Рабочие и так только бунтуют, а теперь с ними совсем ладу не будет!

И рабочих они, случалось, запугивали отказом от работы за участие в выборах

Это обстоятельство страшно запутывало вопрос для рабочих масс. Все вместе перемешалось: Думы не надо, нужно вооруженное восстание! В Думу выбирать надо, раз сам закон дает на это право! Закон зовет в Думу, да хозяин не позволяет! Разберись-ка тут уральский рабочий! И это при полной политической безграмотности, психической придавленности, в которой жил тогда екатеринбургский пролетариат.

В Верх-Исетском заводе с.-д. партия давно уже имела ячейки, но немноголюдные и опасавшиеся еще открыто выступать с лозунгами партии перед массами рабочих. Это обстоятельство, а также пропаганда за участие в выборах, которую вело через низший служебный персонал заводоуправление, сделало то, что, когда день выборов от рабочей курии был оффициально об'явлен, оказалось, что в общем рабочие разделялись на три неравномерные группы. Одна, численно слабая, стояла за бойкот выборов, другая, численно более сильная, стремилась уклониться от участия в выборах, как от дела темного, а может быть и опасного, непонятного. И, наконец, видимое большинство желало выполнить волю начальства и выборы произвести.

Перед самыми выборами назначено было легальное предвыборное общее собрание верх-исетских рабочих. С.-д. партия, ушедшая к тому времени уже в подполье, не нашла возможным послать на него когонибудь из своих профессиональных агитаторов, было рискованно в виду полицейских преследований. Но партийные ораторы из самих рабочих все же нашлись. На собрании дело у них сначала шло плохо. Против них выступали сторонники заводоуправления и на призывы к бойкоту выборов с большим убеждением и энтузиазмом приглашали рабочих к участию в них. Подавляющее большинство собравшихся явно склонилось на их сторону.

Тогда заговорил знаменитый Платоныч (помощник заводского техника, Мельников) он одним из первых вошел в с.-демократическую партийную ячейку В.-Исетского завода (по тогдашней терминологии район) и был убежденным и ревностным членом партии. *)

Видя, что идея бойкота того и гляди провалится окончательно, он со всей яростью обрушился на избирательный закон, разнес его в пух и прах и ставил перед рабочими альтернативу: или самим о себе позаботиться—и тогда вместо выборов заняться подготовкою к вооруженному восстанию или предоставить заботиться об их нуждах хозяевам—и тогда по их указке толочь воду в ступе, избирая выборщиков в Думу, из которых, может быть, ни один в самую Думу и не попадет, думских депутатов будет избирать еще губернское собрание выборщиков, где рабочих соберется один—другой, да и обчелся, потому что губернское собрание составится в главной массе из выборщиков всяких других курий—заводчиков, фабрикантов, коммерсантов, попов, интеллигенции и т. п. Собрание поколебалось, страстный тон речи Платоныча и его аргументы подействовали. Ничего существенного не могли возразить и сторонники выборов. Платоныч воспользовался моментом, надбавил еще жару и закончил возгласом:

— Ну, ее к чорту Госуд. Думу! К чорту эти царские выборы! Айда, по домам товарищи! Да здравствует вооруженное восстание!

— Настроение рабочих резко изменилось, и в ответ ему собрание закричало, повторяя:

---

*) В 1907 г. он, однако, перешел к эс-эрам, мотивировав это тем, что с.-демократическая аграрная программа не удовлетворяет его, не давая ничего существенного крестьянам. Речь идет об аграрной программе с.-д. партии в том виде, как она существовала до Стокгольмского с‘езда.

— К чорту Госуд. Думу! К чорту выборы! Да здравствует вооруженное восстание!

Запели марсельезу и разошлись.

Победа, казалось, была на стороне партии. Заводоуправление однако, тоже не дремало. Его агенты не успокоились и повели деятельную, хотя не столь открытую, агитацию, и сумели таки сбить некоторую часть рабочих. Поэтому в день выборов избирательное собрание на заводе все же состоялось, хотя и при ничтожном числе рабочих и от завода какие то выборщики оказались избранными.

Почти везде на фабриках и заводах около города произошло что-нибудь подобное, за немногими исключениями, и выборы кое-как и кое-где были произведены. Официальный мир и либералы затрубили, что с.-д. партия со своим бойкотом потерпела у рабочих фиаско. А партия указывала, что для первого раза ее успех удовлетворителен, т. к. широкие массы пролетариата в целом в выборах участия не принимали.

С.-д. партия вела агитацию за бойкот Госуд. Думы не только среди рабочих, но и среди прочих городских слоев. Как нелегальная и революционная партия, она не могла устраивать открытые агитационные собрания. На всякое собрание в 1906 г. нужно было испрашивать разрешения губернатора, который, обычно, собственной властью разрешения не давал, а запрашивал сначала министерство. Зато агитаторы с.-д. партии имели свободный доступ на предвыборные собрания, устраивавшиеся по инициативе кадетской партии. и беспартийных групп избирателей. Кадетская партия уже хлопотала тогда о легализации и, хотя не получила ее, устраивала собрания более или менее свободно при условии лишь не допускать на них агитации за вооруженное восстание. Кадеты не имели хороших ораторов и охотно допускали с.-д. агитаторов на свои собрания. Сами кадеты стояли, конечно, за участие в выборах, но под предлогом всестороннего выяснения вопроса, нисколько не препятствовали социал-демократам говорить за бойкот. Был случай, когда один из руководителей екатеринбургских кадетов врач Спасский сам сделал нечто вроде приглашения социал-демократам выступить на кадетском собрании. Социал-демократы не преминули воспользоваться случаем и, конечно, послали агитатора. Часто партия посылала нелегальных профессионалов сражаться с кадетами. Это были превосходные ораторы, легко овладевавшие настроением беспартийной публики. Кадеты слабо защищали свои позиции. Один—два оратора, редко больше с их сто-

роны, говорившие без вдохновения, без эрудиции, без заправских манер, оказывались бессильными против трибунов с.-д. партии, к тому же являвшихся сплошь и рядом в числе пяти—шести человек. Кадеты того времени мирились с поражениями. И вообще они относились пассивно к тому, что их собрания превращались в конце концов в социал-демократские. Публика смотрела на это явление весьма своеобразно. Общее настроение было, как сказано, за участие в выборах, но с.-д. агитаторов встречали и провожали шумными приветствиями. За ними не шли, но ими увлекались, приятно возбуждались нервы смелыми речами о социализме и борьбе за него. Одно время большим успехом пользовался с.-д. Филипп (Введенский младший).

Однажды имел место такой случай. После доклада Спасского оппонентом выступил т. Чуцкаев, легальный оратор (служил в уездном земстве помощником секретаря). Опровергая доводы Спасского в пользу участия в работах Госуд. Думы, он доказывал, что выборы будут способствовать усилению у нас политической реакции, которая получит поддержку от буржуазных правительств Зап. Европы. Уже идут переговоры с французскими и бельгийскими банкирами о крупном займе императорского правительства. Вопрос дать или не дать еще не решен, но если население пойдет на выборы, оно покажет этим, что царское правительство удовлетворяет его, что оно пользуется доверием населения и денег ему дать можно. А на что нашему правительству нужны деньги? Тов. Чуцкаев прочитал проект увеличения расходного государственного бюджета, в котором чуть-ли не главными статьями, требующими увеличения, были содержание дополнительного и расширенного штата полиции, подкрепляемой вновь учреждаемым институтом земских уездных стражников и заводских урядников, и постройка новых тюрем.

Лидер кадетов, инженер Кроль, несколько раз прерывал речи т. Чуцкаева возгласами протеста и возмущения.

— Господин Чуцкаев не является рабочим, поскольку я знаю, кричал он из ложи—почему же так дороги ему интересы рабочего класса? Если позволительно ему хлопотать о рабочих, почему он отрицает за кадетами право с своей стороны подумать о рабочих? Дума будет служить на пользу не одной буржуазии, а и пролетариату!

Нотариус Ардашев, также кадет, из первого ряда кресел, тоже протестующе, несколько раз заявлял, что речь оратора длится слишком долго и пора ее окончить. Публика требовала продолжения речи.

Тов. Чуцкаев особое внимание собрания обращал на опасность русской свободе, если заграничный заем удастся.

Кроль не выдержал и закричал сверху на весь театр:

— Иностранная буржуазия не глупее екатеринбургских социал-демократов и сама понимает цену нашему правительству. Ни французские, ни бельгийские банкиры не дадут ему ни гроша!

— Если Вы пойдете на выборы—дадут!—возразил Чуцкаев.

— Никогда!—последовал категорический ответ Кроля.

Несколько недель спустя можно было видеть, кто оказался правым, кадет Кроль, или екатеринбургские социал-демократы: заем был получен, а русское правительство в расчете на него, еще раньше приступило и к вооружению земской стражи, и расширению тюрем.

На выборах по заводам и фабрикам прошли в большинстве рабочие, настроенные сравнительно благоприятно к революционному движению пролетариата, но проскочили два черносотенца, именно, на заводах Коробейникова и Давыдова.

В городе выборы дали выборщиков весьма умеренно либеральных и частью умеренно правых и лишь одного более или менее радикально настроенного—ж.-д. врача Соколова. Про него даже говорили, что он тяготеет к с.-д. партии. В действительности с.-демократом он никогда не был, это доказывалось уже одним его участием в выборах.

Из местной прессы газета кадетов «Уральский край» вела открытую кампанию против бойкота. Газета же Певина «Уральская жизнь» вертелась и, не защищая участия в выборах, не имела решимости, как и в других важных случаях, об‘явить себя прямо на стороне бойкота. События в Верх-Исетском заводе она изложила в урезанном и искаженном виде. Третья газета «Урал» Чекана держалась принципа: как начальство велит.

Во время избирательной кампании в городе не прекращались обыски и аресты социал-демократов. Накрывались и захватывались их собрания, их агитаторам становилось почти невозможно появляться на заводах. Но преследуя социал-демократов, полиция благосклонно относилась к либералам всех оттенков. Либералы не могли бы пожаловаться, что избирательная кампания проходит под административным давлением, при отсутствии надлежащей свободы. Либерализм полиции был чисто местного свойства. Полицеймейстер Хлебодаров пользовался большим доверием губернии и центра и многое зависело в обстановке выборов от него лично. Он показал начальству, что либералы народ не опасный, их трогать не стоит, и страшного ничего не случится. Так и вышло, либералы выбрали либералов и даже умеренных правых и страшного ничего не случилось.

Первая Дума все же получила нескольких представителей с.-д. партии. Меньшевики, воспользовавшись тем, что на Кавказе и в некоторых отдаленных местностях Сибири выборы значительно запоздали, изменили партийной тактике бойкота, пленились лаврами либеральной оппозиции в Гос. Думе первого созыва и решили выставить свои кандидатуры в Сибири и на окраинах. Они провели их с успехом. Таким образом в Гос. Думе образовалась первая с.-д. фракция из четырнадцати социалдемократов—меньшевиков. Работать им, однако, не пришлось, т. к. Дума была разогнана, как раз в то время, когда вновь избранные депутаты начали с‘езжаться в Петербург.

Разогнавши первую Гос. Думу, царское правительство об‘явило, что право политического представительства за народом сохраняется и выборы в новую думу будут назначены в свое время. С.-д. партия пересмотрела свое прежнее постановление о бойкоте и решила, что теперь на выборы она пойдет.

В пользу участия в Думу говорили различные соображения.

Продолжающееся усиление реакции все больше стесняло возможность революционной деятельности с.-д. партии. Треть России находилась на положении усиленной охраны, часть была об‘явлена даже на военном положении. Каждый день приносили вести о десятках арестов с.-демократов. Никакие собрания не были возможны. Закрывались только-что зародившиеся профессиональные союзы рабочих. Социалистической прессы почти уже не существовало. Партия таким образом лишалась и трибуны, с которой могла бы обращаться к народу, и массовой аудитории, которая могла бы служить проводником в народ идей социальной революции. С другой стороны, замечались явления, которые как будто говорили за то, что в народных низах зреет настроение в пользу новых революционных выступлений. Показательным было необычайное развитие террора после разгона Думы, крайне быстрый рост организаций вроде «лесных братьев», экспроприаторов. В Свеаборге летом произошло восстание матросов судов военного балтийского флота, хотя весьма неудачное (организовано было с участием меньшевиков, но без прикосновенности большевиков). В крестьянской гуще под влиянием аграрных мероприятий Столыпина шло глухое брожение. С.-д. партия находила, что в подобной обстановке Гос. Дума может предоставить в ее распоряжение прекрасную политическую трибуну, с которой социалдемократы обратятся к русскому народу с призывом к продолжению борьбы прежде всего за свержение царизма, а затем и власти капиталистов.

С.-д. партия при этом усиленно подчеркивала, что если Гос. Дума первого созыва оказалась бессильной что нибудь сделать для трудового народа и была разогнана за одну мысль—дать крестьянам землю за счет помещиков, то не больше в состоянии будет сделать и вторая Дума. Не для органической, не для законодательской деятельности решила идти партия в Гос. Думу, а исключительно для того, чтобы, пользуясь правом неприкосновенности депутата и депутатской свободой слова, указать с думской трибуны единственный правильный путь к улучшению условий жизни—вооруженное восстание и учреждение демократической республики.

При таком понимании задач своей парламентской деятельности партия находила, что для нее неважно возможно большее число мест, которое она завоюет на выборах в Думу. Важно лишь чтобы хоть небольшая группа революционной с.-демократии в Думе была. При наличии бесправия Думы, при наличии наглейшей реакции, многочисленная группа революционеров в Думе сделает не больше, чем сплоченная энергичная, хотя-бы численно и весьма небольшая революционная фракция.

Партия решила выступить на выборах открыто под своим знаменем и выставить собственный список кандидатов.

Обстоятельства, казалось, совсем не благоприятствовали намерениям партии. Избирательный закон подвергся сильному изменению, благодаря так называемым сенатским толкованиям. Оставляя текст закона как-бы неизменным, царское правительство, напуганное оппозицией Думы первого созыва, главная масса которой состояла из профессиональной интеллигенции, устами сената перетолковывала каждую статью закона так, что шансы оппозиционной интеллигенции попасть в Думу сильно упали, наоборот открывалась дорога к законодательной деятельности трудовой демократии-мелким собственникам, крестьянству. В этих элементах надеялось теперь царское правительство найти для себя опору. Изменение состава избирателей на первый взгляд, казалось, должно было оправдать расчет правительства. Раз дорога в Думу раскрывалась перед мелкими собственниками и крестьянами, она закрывалась, как будто перед революционными партиями, вожди которых выходили в те времена из рядов профессиональной интеллигенции. Это обстоятельство однако не смущало с.-д. партию. Она, как сказано, не расчитывала и не гналась за тем, чтобы провести в Думу сколько-нибудь значительное число своих членов. Зато, выставляя собственный список канди-

датов, она заявляла, что делает этим смотр революционной русской демократии и производит подсчет своих союзников. Число голосов, поданное на выборах за самостоятельный с.-д. список, покажет, как широки круги населения, стоящие на революционной точке зрения.

Екатеринбургский комитет с.-д. партии стал готовиться к выборной кампании. Произошло несколько курьезов. В городе нашлись представители буржуазной интеллигенции, которые говорили:

—Мы выставили официально свои кандидатуры от партии мирнообновленцев и даже еще умереннее, а когда пройдем в Гос. Думу, перейдем на сторону социал-демократов.—Вот будет эффект!

Пришлось ра'яснить этим господам, что с.-д. партии союзники подобного рода не интересны. Не без труда Федоровские, Доброхотовы и т. п. поняли точку зрения партии.

Предварительную агитацию за социал-демократических кандидатов, список которых к тому же не был еще опубликован, вести было очень трудно при тогдашнем полицейском режиме. Большую роль могла бы сыграть пресса. Но из трех газет в Екатеринбурге одна находилась в руках кадетов, другая в руках Певина, который продолжал на словах твердить, что его программа левее кадетской, на деле же не хотел быть ничем полезным социалистам, в частности эс-декам, на стороне которых по какому-то недоразумению себя считал. Третья газета находилась в руках Чекана, крайнего правого октябриста. Явилась мысль издавать четвертую газету. Разрешение было добыто, но выставить социал-демократическую фирму в заголовке городской комитет партии не решился. Газета стала издаваться под флагом беспартийного демократизма. Называлась она «Уральская газета» и успех ее с первых же дней появления в январе 1907 года превзошел все ожидания. Она выходила не каждый день, тем не менее свое дело она сделала, всякий видел и понимал, что пропагандируя мысль подавать на выборах голоса за представителей демократических трудовых классов, «Уральская газета» призывает избирателей голосовать за социал-демократов. Из окрестных городов, заводов, сел, посылались требования на сотни и тысячи экземпляров газеты. Это было своего рода праздник трудового народа на Урале—он в первый раз получил собственный печатный орган. Но начальство тоже не брало охулки на руку и на четвертом номере газета была закрыта, редактор ее беспартийный Михайлов под ничтожным предлогом был привлечен к судебной ответственности по статье Уголовного Ул. „о возбуждении к ниспровержению существующего строя“.

Было, однако, поздно: четыре номера «Уральской газеты» лучше всяких прокламаций и агитационных речей пробудили живой интерес к вопросам политики.

Но как ни были стеснительны полицейские условия для избирательной кампании, собрания избирателей все же были разрешены при условии недопущения на них сторонней публики. Так как избирательные списки были уже составлены и опубликованы и в число избирателей по городу прошло несколько партийных эс-деков, то с.-д. партия получила таким образом доступ на предвыборные собрания совершенно законным путем и посылала своих ораторов. На этих собраниях особым успехом пользовался агитатор Назар (Накаряков), вызвавший вновь интерес города к с.-д. партии, понизившийся было после разгона Гос. Думы из трепета перед силами реакции.

К моменту выборов (февраль 1907 г.) избирателям было предложено три партийных списка кандидатов: социал-демократический, кадетский и черносотенский.

Социал-демократический список не сразу удалось составить. Требовалось от города тринадцать выборщиков. Таким количеством своих членов, имеющих избирательное право, партия не располагала, вследствие утраты ценза, благодаря толкованиям сената. Например, некоторые социал-демократы раньше имели квартирный ценз, теперь сенат определил квартирный ценз, как наем только таких жилищ, при которых имеется особый очаг для изготовления пищи, а так как не во всех квартирах, снимаемых социал-демократами, имелся в наличности этот признак, то все такие социал-демократы были признаны не имеющими ценза. Недостающее число кандидатов нужно было пополнить другими элементами. Комитет партии обратил внимание на рабочих, из которых кое-кто имел два ценза: по фабрике, где работал, и по недвижимому имуществу или квартире, которые у него имелись в городе. Таким рабочим было предложено воспользоваться имущественным цензом и голосовать в городской курии, отказавшись от заводской. Но и таких рабочих не доставало для заполнения списка, потому что нашелся только один партийный. Стали звать беспартийных рабочих. Несколько человек нашлось, они согласились принять партийную кандидатуру. И все таки до тринадцати человек еще не хватало. Комитет решил принять предложение некоторых партийных эс-эров, имевших избирательный ценз по личному промысловому налогу. Эс-эры тогда бойкотировали выборы, но комитет партии разрешил отдельным членам, с ведома его, принимать кандидатуры в исключительных случаях от

других социалистических партий. Список, наконец, составился. Негромки были имена кандидатов и не большим авторитетом пользовались они в городе. Кадеты заранее смеялись над с.-д. партией, расчитывавшей, что какие-то неведомые конторщики, приказчики, репетиторы, газетные сотрудники, мастеровые и рабочие получают на выборах предпочтение перед инженерами, врачами, либеральными фабрикантами и коммерсантами, имена которых заполняли кадетский список.

Не смеялись черносотенцы. Они иначе расценивали положение вещей, имея в виду, что дело идет не об именах, не о личности, а о доверии, престиже с.-д. партии, симпатии к которой в городе во всяком случае были сильнее, чем к кадетам и к союзу русского народа. И черная сотня развила невиданную еще в городе агитацию за свой список. Некоторые из черносотенцев говорили тогда в отчаянии:

«Если не мы пройдем на выборах, то уж лучше пусть пройдут социал-демократы, чем кадеты! Хоть социал-демократическая партия революционная и республиканская, но к жизни все же стоит ближе кадетов. Больно уж кадеты возносятся».

Серьезного значения, понятно, подобные заявления не могут иметь, слишком явна их провокаторски-агитационная подоплека. Но для историка подобные выходки черной сотни имеют свой интерес.

Выборы всколыхнули город снизу доверху. Заинтересовались даже иностранные подданные, проживавшие в городе, но не имевшие прав на участие в выборах. Некоторые англичане стояли за список социал-демократов. Известный писче-бумажный заводчик Ятес говорил С. А. Полузадову:

— «Надо выбирать революционеров! Вы видите, как бессовестно ваше правительство расправилось с Гос. Думой! Нужно, чтобы русский народ так же расправился с правительством. Иначе у вас никогда не будет ни свободы, ни законности»!

Не так, обычно, смотрели немцы и французы. С их стороны слышались голоса:

«Революционеры сгубили Гос. Думу. Им доверять больше нельзя. Жаль, нет достаточно умеренного списка! Все партии, выступающие на выборах, крайние—и справа и слева. Русские—несчастный народ: они не любят правительства и не умеют пользоваться законом».

На фабриках и заводах выборная кампания прошла на этот раз оживленнее, много способствовали талантливые агитаторы, приехавшие в Екатеринбург, вследствие невозможных условий деятельности в других провинциях России. Рабочие избрали кандидатов указанных пар-

тией, или сочувствующих ей, и только двое (кажется у Коробейниковых и Давыдова) прошли чужие, даже прославленные, как черносотенцы. Но и эти двое протестовали против такого обвинения и говорили, что против партии и товарищей они не идут.

В городе список социал-демократов собрал большинство голосов. Этому в сильнейшей степени способствовали приказчики. Масса торговых служащих была еще слабо затронута соц.-демократической пропагандой. Но приказчичий район уже существовал. Там работал М. Мандельштам (Лядов), основавший для приказчиков пропагандистскую школу. Эта часть сознательных приказчиков повела за собой других, но далеко не всю массу. Напротив в 1907 году торговые служащие в Екатеринбурге делились на несколько групп. Сильна была группа, шедшая за кадетами, во главе которых в то время стоял Моксунов (впоследствии эс-эр). Социалисты революционеры также сгруппировали около своей партии порядочное ядро. Низшие слои приказчиков (лабазные и с толкучего) тяготели к черной сотне. Но все-же была значительна и группа приказчиков, тяготевших к с.-д. партии. На выборах голоса приказчиков раскололись и, однако, число голосовавших за с.-д. список было столь велико, что дало ему первес над списками кадетов и черносотенцев.

Необходимо отметить, что несмотря на волнение, охватившее город, число избирателей, явившихся к избирательным урнам, было невелико. Шуметь шумели, а на выборы не пошли. На серого обывателя повлиял слух, что хотя выборы и происходят якобы на законном основании, а всетаки это дело революционное и за него можно пострадать, уж лучше держаться в стороне. Другие не пошли, ссылаясь на бесполезность выборов законодательной палаты, не обладающей надлежащей полнотой прав. Поэтому сравнительно так и невелики были цифры собранных разными списками голосов. Наивысшее число голосов по социал-демократическому списку получил Накоряков (1300), наименьшее по этому же списку получил беспартийный рабочий Скурихин (1100); по кадетскому списку наивысшее число голосов было 900 слишком, собранное инженером Ивановым, по черносотенному 800 слишком поданных за В. Казицина.

Вот имена с.-д. выборщикев. **Партийные интеллигенты**: Накоряков (партийный профессионал-революционер), Светлосанов (секретарь о-ва Уральских горных техников), Чердынцев (публицист), Полузадов (домашний учитель). **Служащие партийные:** Петров (конторщик Русского транспортного и страхового общества), Ушаков (служащий товар-

ной биржи в Екатеринбурге). **Рабочие партийные:** Бартенев (типографский). **Непартийные интеллигенты:** Кибардин (ж.-д. врач). **Непартийные служащие**: Михаэлис (приказчик, эс-эр), Банников (приказчик). **Непартийные рабочие:** Михайлов (слесарь), Бобков (плотник), Скурихин (сапожник).

Кадеты были не мало смущены исходом выборов, который являлся, повидимому, для них полнейшей неожиданностью. Их список был давно опубликован во всех местных газетах: «Уральском Крае», Уральской Жизни» и «Урале». За него шла продолжительная и открытая агитация. Список социал-демократической партии был опубликован за несколько дней до выборов на одном беспартийном собрании избирателей, затем выпущен и распространен нелегально в виде листков, которые были разбросаны по городу, и лишь в конце концов напечатан кадетами в своей газете. Агитация за него велась почти только тайно, так как упомянутое беспартийное собрание, на котором он был впервые опубликован, было и единственным. В интересах истины, однако, необходимо сказать, что Никитин, устроивший это собрание под флагом беспартийности, на самом деле был социал-демократом *). Было над чем задуматься.

Кадеты плохо учитывали настроение демократических кругов избирателей, в этом состояла их ошибка. Городская демократия почти совершенно отвернулась от с.-д. партии после того, как с начала 1906 г. партия вернулась в подполье. Ее агитация за бойкот еще более оттолкнула обывателя. Но когда предсказания партии сбылись и Государственная Дума оказалась бессильной против правительства, когда террор достиг необычайной высоты развития, начались восстания во флоте и в войсковых частях и т. п., когда наконец партия заявила, что во вторую Думу она пойдет, хотя только с революционной целью, демократия, отделившись от крупной буржуазии и тяготевших к ней кругов городского общества, вновь увидела в с.-д. партии силу, которая одна способна что нибудь сделать, чтобы положить предел правительственной реакции. За с.-д. партию голосовали совсем не одни сочувствующие социализму, каковых в среде городской демократии было не так много.

За нее голосовали элементы, сознательно тяготившиеся реакционным режимом. Так я знаю случай, когда группа учителей разных сред-

*) Но под партийным флагом собрание не было-бы дозволено, приходилось хитрить. И при таких-то обстоятельствах с.-д. победила.

них учебных заведений города после переговоров, державшихся в строжайшей тайне, решила так:

Кадеты не имеют за собой народа и уже сейчас пошли на уступки реакции. Остается одна с.-д. партия, за которой идут массы рабочих. Отдавать голоса, так нужно отдать их ей, или совсем воздержаться от выборов!

И они подали голоса за список социал-демократов.

Черная сотня тоже была не мало обезкуражена своим поражением на выборах. Более наглого давления на низы городского населения, на мещанство, при поддержке полиции, жандармов и других правительственных агентов, чем то, которое практиковал «Союз Русского Народа», трудно себе представить. И в результате—все же поражение.

Черная сотня не пришла в уныние. Она уже вела собственными силами и при содействии полицейско-жандармского сыска расследование, кто такие с.-д. кандидаты и каковы их действительные права на участие в выборах. С другой стороны, и губернатор тоже нашел, что победа с.-д. партии это непорядк для его губернии, и по его поручению полиция тоже производила проверку ценза с.-д. работников. Результат получился такой. Накоряков имел ценз по личному промысловому налогу, как приказчик купца Мендельсона. Когда полиция растолковала Мендельсону, что Накоряков есть страшный революционер и социалист и скоро будет чуть ли не сожжен живым за это, Мендельсон с испугу заявил, что Накорякова совсем не знает и такого приказчика у него нет. Ценз Светлосанова состоял также в личном промысловом налоге, как служащего в конторе Уральского Союза горных техников. Полиция нашла, что налог уплачивается меньше года, а потому основанием для ценза служить не может. Наконец Чердынцев—имел квартирный ценз. Полиция при проверке установила, что помещение, занимаемое Чердынцевым, не может быть признано за отдельную квартиру. Цензы остальных десяти кандидатов показались полиции, как будто бесспорными. Таким образом из списка с.-д. перед самыми губернскими выборами было вычеркнуто три социал-демократа-выборщика, как неправильно избранных.

Их должны были заместить кандидаты других списков, получивших большинство голосов. Таковыми оказались три кадета: инженер П. В. Иванов и адвокаты Мамин и Кронберг.

Теперь кадеты торжествовали: в число выборщиков попали представители их партии, правда, прошедшие не по избранию населения, а через черную сотню и губернатора, но, ведь, как понимать дело!

Иванов, например, говорил: девятьсот голосов мне не губернатор написал, а избиратели подали!

Социал-демократы же острили, что губернатор устроил им блок с кадетами, от которого они всеми мерами отбояривались. Нужно заметить что мысль о таком блоке одно время казалась самой разумной довольно широким кругам городского общества, тем более кадетам. Комитет с.-д. партии не раз получал предложения от кадетов обсудить вопрос об общем списке. И когда с.-д. партия об‘явила, что на выборы идет самостоятельно, кадеты не переставали кричать о предательстве социал-демократов, разбивающих голоса оппозиционных избирателей и тем обеспечивающих победу черной сотне.

На губернских выборах в Перми из екатеринбуржцев в Государственную Думу блоком крестьян и рабочих был избран с.-д. Петров, конторщик Русского Страхового и Транспортного Общества, а блоком либералов был проведен черный кадет адвокат Мамин.

Мамин еще до разгона второй Государственной Думы сложил депутатские полномочия под официальным предлогом болезненного состояния здоровья, а в действительности не сочувствуя оппозиционности, которой была проникнута Дума. Мамина звали черным кадетом за его уклон к черной сотне. Известно его выступление на одном собрании, где он высказался против равноправия женщин.

Кроме некоторых слоев населения, голосовавших за с.-д. список, все прочее городское общество возмущалось избранием Петрова в законодатели.

— Нашли кого выбрать! — говорили везде, где речь заходила о выборах.—Какой то конторщик, ну и законодатель!

Значительная часть демократии была также недовольна. В ее глазах авторитет с.-д. партии вновь пал—его подорвало исключение трех социал-демократов из списка выборщиков.

— Раз у людей нет ценза, зачем же партия выставляла их кандидатуры? слышались возмущенные голоса.—Это называется мошенничеством! Партия скомпрометировала себя, и в другой раз мы за нее голосов не подадим!

Дальше начались инциденты. Петров был недостаточно опытным для того, чтобы суметь отстоять собственными силами позиции партии в тех случаях, когда он один на один подвергался нападению кадетов и правых. Между тем необходимо было перед от‘ездом в Петербург провести несколько собраний избирателей и об‘яснить, как партия наме-

рена использовать свое положение в Государственной Думе и какой тактики она будет придерживаться. Сознавая свою неподготовленность к выступлению на большом собрании, Петров пригласил к себе в соратники члена Областного Комитета с.-д. партии М. Мандельштама (Лядова). Собрание было разрешено Петрову губернатором. В городском театре сошлись избиратели и посторонняя публика. Но едва Мандельштам появился на сцене вместе с Петровым, как полицеймейстер Хлебодаров послал помощника пристава об'явить Петрову, что не допустит собрания, если Мандельштам не удалится со сцены. Петров пошел к нему в корридор для об'яснений.

— Я знаю, это не избиратель и говорить ему не позволю, сказал Хлебодаров. Если он хочет, пусть сидит среди публики.

Хлебодаров, очевидно, считал себя героем, что вопреки общим инструкциям позволил присутствовать на собрании кроме избирателей сторонней публике.

Петров пытался убедить:

— Я его пригласил! Он мне нужен, так как в одиночку мне трудно вести собрание.

— Как угодно, господин депутат!—ответил Хлебодаров, сделав под козырек и становясь во фронт.

— Я Вас прошу не препятствовать моему товарищу присутствовать на собрании, иначе я не могу—продолжал убеждать Петров.

— Тогда закройте собрание, господин депутат!—Отчеканил Хлебодаров, вновь козыряя.

— Я буду на Вас жаловаться в Петербург!

— Как Вам угодно, господин депутат! Снова козыряние и поза во фронт.

Петров сделал ошибку, не решившись вести собрание собственными силами и распустив его. Это подало повод к скандалу. Из публики раздался свист, крики и брань по адресу полиции. Хлебодаров вызвал земских стражников и велел разгонять толпившуюся публику, а наиболее выделявшихся криками арестовал.

И этот случай был поставлен в счет Петрову. Какой это депутат раз без помощника обойтись не может!

Петров далеко не был так слаб, как его изображали враги. Это он доказал деятельностью в Петербурге, как организатор партийных групп Петербургского гарнизона.

Когда он поехал в Петербург, провожать его из города почти никто не явился. Но на вокзале было много другого народа. Перед

отходом поезда, когда весть о том, что едет с.-д. депутат Госуд .Думы, разнеслась среди публики, Петрова окружила толпа. Он хотел сказать речь. После первых же слов откуда-то словно из-под земли вырос опять все тот же помощник пристава, поддержанный на этот раз жандармами, и стал ножнами шашек разгонять народ.

Петров пытался настоять на своем депутатском праве обратиться с речью к провожающему его народу. Но помощник пристава высокомерно ответил, что не мешает ему говорить, а разгоняет толпу, которая не имеет права собираться без разрешения властей.

— Помните, граждане,—крикнул Петров вслед удаляющемуся народу—это последний случай такого насилия над вами. Скоро их не будет, в Петербурге я сообщу о том, что творит полиция здесь, что она позволяет себе проделывать над депутатом Госуд. Думы!

— Я Вам не препятствую говорить!—повторил полицейский, и накладывая в шеи отстающим,—заругался: «Ну, черти, шевелитесь скорей, а то стражников позову!»

Инциденты происходили во время губернских выборов. Создавши блок «социал-демократов с кадетами» губернатор, создал блок этой партии «с союзом русского народа». Губернская выборная кампания была в полном разгаре. Как вдруг было получено извещение, что раз‘яснен еще один с.-д. выборщик—приказчик Банников, плативший промысловый налог, как оказывается, меньше года. Вместо него по большинству полученных голосов следовал кандидат черносотенцев организатор Екатеринбургского патриотического союза монархистов, редактор—издатель черносотенной газеты «Голос народа» Владимир Козицин. Он же один из организаторов побоища в Екатеринбурге 19-го октября 1905 г. (раз‘яснение, однако. было сделано так поздно, что Козицин приехал в Пермь к самому концу выборов и к избирательной урне допущен не был).

Кандидаты с сомнительным цензом были и у кадетов. Так что около некоторых имен шел живой обмен мысли избирателей. Как, на пример, укажу на доктора Спасского—редактора газеты—„Уральский Край“. Еще больше фиктивных и сомнительных цензов было, конечно, у кандидатов черной сотни. С. Д. партия, выставившая четырех кандидатов с «сомнительным» цензом, была таким образом не исключением в этом отношении. Но при проверке цензов, однако, кроме с.-д. партии ни одна из прочих партий не пострадала, ни один кадет, ни один черносотенец не был исключен из списков. Суть однако еще не

в этом. Не берусь судить о цензах Накорякова, Светлосанова и Банникова, хотя вряд ли их ценз больше поводов подавал к спору, чем ценз многих черносотенцев, что же касается меня, то дело происходило так: список избирателей по городу Екатеринбургу для вторых выборов в Гос. Думу составлялся очень просто,—по городу были разосланы старшие городовые, которые, обходя дома и квартиры, учиняли допрос, кто живет, чем занимается, какое помещение снимает, требовали документы и т. п. и затем тут же делали отметку, кто годится в избиратели. Видимо все они были основательно инструктированы и тренированы в определенном политическом направлении.

Я был дома, когда заявился унтер и лично меня опросил. Я указал, что снимаю две комнаты, столуюсь у хозяев квартиры, своего хозяйства не веду. Унтер задумался.

— Сколько Вам лет? Спросил он наконец.

— Сорок пять.

— В газетах пишете—говорите?

— Да пишу в журналах и газетах.

— Хоть у Вас и выходит комнаты, а не квартира, а все же я Вас запишу в избиратели, ну там Вы как хотите! потому нам таких и надо, кто постарше, да поумнее!

Но ведь начальство все равно вычеркнет меня, раз у меня нет ценза!—возразил я.

А я считаю, что ценз есть. Потому Вы снимаете две совсем отдельных комнаты и у Вас есть печь кухонная, хоть кушанья Вы не готовите в ней. Нет, я правильно говорю, и Вы обязаны идти на выборы, закон требует! Как-же!

Кухонная печь рядом с моими комнатами много уже лет не годилась для пользования и оставалась без ремонта, тем не менее по воле городового была зачислена за мною, и я стал избирателем. Когда партия городской конференции назначила меня своим кандидатом в выборщики, я рассказал, как попал в избиратели. Товарищи ответили смехом над моим трагическим положением.

Раз само начальство в лице городового хочет видеть Вас избирателем, чего же лучше! Опасаться какой-нибудь придирки вряд ли есть основание!

Для с.-д. партии проверку обязательно сделают! возразил я.

Но товарищи остались при своем решении. Я спорить не считал себя в праве. В партии же говорили:

Интересно бы провести в Гос. Думу нелегального. Неужели стесняться перед требованиями царских законов, когда само царское правительство не соблюдает собственных законов!

Вся избирательная кампания была проведена в Екатеринбурге партией весьма оживленно и единодушно. Не входить в блок с кадетами и выставить самостоятельно список было решено еще до получения директивы от центра. Настроение несколько спало лишь после избрания выборщиков и исключения троих из них в пользу кадетских кандидатов. Факт исключения требовал какого-нибудь ответа со стороны партии, но городской комитет решительно не хотел ничем реагировать на него, мотивируя тем, что всякий протест в данном случае противоречит лозунгу: беречь на этот раз Гос. Думу. Между тем лозунг беречь Думу! был меньшевистский, тогда как Екатеринбург всегда был центром большевизма на Урале!

С.-д. фракция Гос. Думы второго созыва, как известно, почти целиком ушла в каторжные работы, уцелели лишь успевшие бежать за границу.

Среди прочих в каторжные работы ушел и екатеринбуржец Егор Алексеевич Петров.

Цена 70 коп.